

Завораживающий
роман, который
держит в напряжении
до последней
страницы.

Publishers Weekly

ВТОРОЙ
ВЗГЛЯД
РОМАН

ДЖОДИ ПИКОЛТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ #1 ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»

Джоди Пиколт

Второй взгляд

«Азбука-Аттикус»

2003

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Пиколт Д.

Второй взгляд / Д. Пиколт — «Азбука-Аттикус», 2003

ISBN 978-5-389-17723-9

Странный выдался август для жителей маленького североамериканского городка: то и дело с неба падают белые лепестки, температура летом внезапно понижается на десяток градусов, в полдень трескаются фарфоровые тарелки, в полночь расцветают розы, а в заброшенном доме на участке, где хотят построить новый торговый центр, вспыхивают тревожные огни. Говорят, это проделки призрака, который хозяйничает на этой земле и намерен помешать строительству, поскольку здесь находятся старые индейские захоронения. И если призрак – это что-то эфемерное, то помехи совершенно реальные. Застройщик обращается с жалобой в полицию, и местному детективу ничего не остается, как отложить важные дела и заняться этой пустячной проблемой. Но по мере расследования становится ясно, что в этом доме, на этом участке земли, в этом тихом безвестном городке и вправду происходит нечто невероятное и непостижимое, а все нити ведут к жестокому преступлению, совершенному семьдесят лет назад... Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-17723-9

© Пиколт Д., 2003

© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	41
Глава 4	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Джоди Пиколт

Второй взгляд

*Посвящается Сэмми – читателю и автору в одном лице.
Люблю тебя бесконечно.
Целую и обнимаю, мама*

Jodi Picoult
SECOND GLANCE

Copyright © 2003 by Jodi Picoult
Originally published by Atria Books, a Division of Simon & Schuster Inc.
All rights reserved

© Е. Е. Большелапова, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Вдруг ты уснешь?
Уснешь – и сон увидишь,
И в сновидении окажешься в раю,
Цветок сорвешь там дивный и прекрасный,
А пробудившись ото сна, узришь
Цветок в руке своей?
О, что тогда?..*

Сэмюэль Тейлор Кольридж

Часть первая

2001 год

Истинная любовь похожа на привидение: все о ней говорят, но мало кто ее видел¹.

Франсуа де Ларошфуко. Максима 76

Глава 1

В первый раз Росс Уэйкман едва не отправился на тот свет. Ему почти повезло. Вторая и третья попытка покончить с собой оказались не столь удачными.

Во второй раз он уснул за рулем, и машина, съехав с моста, свалилась в озеро. Спасатели обнаружили Росса на берегу. Когда «хонду» вытащили из воды, выяснилось, что все дверцы заперты и ни одно из стекол не выбито, хотя их покрывает паутина трещин. Каким образом Уэйкман выбрался из машины, оставалось за пределами понимания. Не говоря уже о том, как он умудрился не получить ни единой царапины.

В третий раз на него в Нью-Йорке напал грабитель. Он оглушил свою жертву ударом по голове, выхватил бумажник, а потом выстрелил Россу в спину и бросил умирать. Пуля вполне могла бы раздробить лопатку и пробить легкое, но этого не произошло. Невероятно, но она застряла в кости, и этот крохотный кусочек свинца с тех пор болтался у Росса на связке ключей вместо брелока.

Что же касается первого раза... Много лет назад гроза застигла Росса посреди поля. Молния, прекрасный голубой зигзаг, раскроила небеса и поразила его в сердце. Потом, когда Росс очнулся, врачи сообщили ему, что в течение семи минут он был фактически мертв. Они полагали, что молния прошла по касательной. Если бы в грудную клетку Росса ударил разряд с силой тока пятьдесят тысяч ампер, жидкость, содержащаяся в клетках организма, закипела бы и тело взорвалось бы в прямом смысле слова. Однако молния ударила рядом, и сила тока, поразившая Росса, была изрядно снижена, хотя этого оказалось довольно, чтобы нарушить ритм его сердца. Да, чертовски везучий парень! – повторяли врачи.

Они ошибались.

Теперь, расхаживая в темноте по скользкой влажной крыше дома супругов О’Доннелл, Росс даже не думал об осторожности. Прохладный августовский ветер, прилетевший с озера Онтарио, играл длинными волосами Росса, и они падали ему на глаза; струйки дождя проникали за ворот. Невзирая на эти помехи, Уэйкман, ловко подобравшись к стрельчатому окну, установил водонепроницаемую видеокамеру, позволявшую следить за тем, что происходит на чердаке.

Ботинок скользнул по старой крыше, посыпалась дранка. О’Доннелл, стоявший внизу под зонтом, бросал на Росса встревоженные взгляды.

– Осторожнее! – время от времени кричал он.

Росс знал, что ему хочется добавить: «Привидений у нас и так достаточно».

А еще он был уверен: с ним ничего не случится. Он не сорвется с крыши; он не полетит вниз и не разобьется. Именно поэтому Росс отваживался на самые рискованные трюки; именно поэтому он вновь и вновь подвергал себя опасности. Перепробовал все: скалолазание, прыжки с высоты «на резинке», курение крэка... Он помахал мистеру О’Доннеллу в знак того, что все

¹ Перевод Э. Линецкой.

слышит. У Росса Уэйкмана не было ни малейших сомнений: он не умрет, хотя отчаянно желает смерти. Это так же ясно, как и то, что через восемь часов взойдет солнце и для него, Росса, начнется новый день.

Спенсер Пайк, разбуженный плачем ребенка, сел в постели. В каждой комнате дома престарелых «Тенистые сосны» горели ночные лампы, пожиравшие столько электричества, что, по мнению Пайка, его хватило бы, чтобы осветить весь Берлингтон. Тем не менее Спенсер не различал ничего дальше спинки своей кровати. Из-за этой чертовой катаракты он вообще мало что видел. Но иногда, по пути в туалет, он замечал, как из зеркала на него глядит некто, чье лицо не бороздят морщины и не покрывают пигментные пятна. Потом этот молодой человек, которым был когда-то Спенсер, исчезал – и старику приходилось довольствоваться крохами, оставшимися от его жизни.

Однако слух у него все еще был острым. В отличие от большинства жалких старперов, населяющих этот дом, Спенсер не нуждался в слуховом аппарате. Он слышал даже то, что вовсе не хотел бы слышать.

Например, детский крик, который повторился снова.

Спенсер нашарил кнопку вызова медсестры. Несколько минут спустя она вошла в комнату:

– Что случилось, мистер Пайк?

– Какой-то ребенок плачет.

Сестра поправила подушки и заставила его лечь.

– Здесь нет никаких детей, мистер Пайк, и вы это прекрасно знаете. Это вам приснилось. – Она погладила его по костлявому плечу, некогда сильному и крепкому. – Все, что вам надо, – закрыть глазки и снова уснуть. Завтра у вас непростой день. Вы ведь помните о встрече?

«С какой стати она сюсюкает со мной, как с младенцем? – пронеслось в голове у Спенсера. – И почему сам я веду себя будто малое дитя?» Он позволил сестре укрыть его одеялом до подбородка. Воспоминания комом подступали к горлу – туманные воспоминания, от которых на глазах закипали слезы.

– Может, принести вам напроксен? – ласково спросила сестра.

Спенсер покачал головой. В конце концов, он был ученым и прекрасно знал, что лекарства, способного облегчить его боль, человечество не изобрело.

В жизни Кёртис Уорбертон был куда меньше ростом, чем казался на телеэкране, но в полной мере сохранял свое прославленное обаяние. Именно благодаря этому обаянию шоу «Богемские ночи» имело столь высокий рейтинг. В темных волосах Кёртиса, напоминавших мех скунса, посверкивала седая прядь, появившаяся девять лет назад, в ту памятную ночь, когда у его кровати возник призрак деда. С тех пор, кстати, и началось увлечение Кёртиса паранормальными явлениями. Его жена Мэйлин, женщина эльфийской наружности, чьи экстрасенсорные способности были хорошо известны полиции Лос-Анджелеса, сидела рядом и что-то чиркала в блокноте, слушая, как Кёртис расспрашивает хозяев дома.

– Поначалу это произошло в кухне, – сообщила Ив О’Доннелл, а ее муж кивнул.

Супруги-пенсионеры купили дом на берегу озера, чтобы отдыхать здесь летом. И что же? В течение трех месяцев не реже двух раз в неделю тут случалось нечто, выходящее за рамки обыденного!

– Около десяти часов утра я заперла все двери, включила сигнализацию и отправилась на почту. Когда я вернулась, сигнализация по-прежнему работала... но все кухонные шкафы были открыты, а на столе валялась коробка с овсяными хлопьями, из которой почти все высыпалось. Я подумала: наверное, Харлан пришел домой раньше меня и устроил беспорядок. Стала его звать, но он не откликнулся.

– Я все это время провел в клубе «Лоси», – вставил ее супруг. – В доме никого не было. Ровным счетом никого.

– А еще мы слышали, как на чердаке играют на каком-то клавишном инструменте. Это было ночью, часа в два. Когда мы поднялись на чердак, музыка стихла. Но на полу стояло детское игрушечное пианино без батареек.

– У нас никогда не было игрушечного пианино, – добавил Харлан. – И детей у нас тоже никогда не было.

– Мы вставили в пианино батарейки, и выяснилось: оно играет вовсе не ту мелодию, что мы слышали, – сообщила его жена и, немного помолчав, добавила: – Мистер Уорбертон, надеюсь, вы понимаете, что мы не из тех людей, которые... которые верят в подобные вещи. Но... или здесь творится какая-то чертовщина, или мы оба сошли с ума.

– Миссис О’Доннелл, уверяю вас, вы отнюдь не сошли с ума. – Кёртис коснулся ее руки, демонстрируя свое фирменное участие. – Не далее чем завтра утром мы выясним, что у вас происходит.

Он бросил взгляд через плечо, дабы удостовериться, что Росс записывает разговор на камеру. В зависимости от того, как повернутся события, супруги О’Доннелл могут стать звездами одного из ближайших выпусков «Богемских ночей». В этом случае пленка будет необходима. На электронную почту Уорбертонов каждый день приходили сотни писем от людей, убежденных, что в их домах завелись привидения. В восьмидесяти пяти случаях из ста паранормальные явления оказывались мистификацией или проделками мышей, поселившихся в стропилах. Что же касается оставшихся пятнадцати процентов... то, надо признаться, Росс работал в шоу достаточно долго, чтобы понять: иногда в этом мире происходит нечто необъяснимое.

– А какие-нибудь еще странные явления вы наблюдали? – уточнил Кёртис. – Или, возможно, замечали странные колебания температуры?

– Да-да! – поспешно закивал Харлан. – В спальне вдруг сделалось адски жарко, а минуту спустя мы дрожали от холода.

– В доме есть какие-то места, где вы чувствуете себя особенно неуютно?

– Чердак, несомненно. И ванная комната – та, что наверху.

Взгляд Кёртиса скользнул по восточному ковру ручной работы, по антикварной вазе, стоящей на камине.

– Должен вас предупредить: наши исследования потребуют затрат.

По заданию Уорбертона Росс уже побывал в библиотеке и газетном архиве, пытаясь выяснить, не связана ли с этим домом какая-нибудь жуткая история, например убийство или самоубийство. Его изыскания не дали результата, но Кёртиса это ничуть не разочаровало. Он знал: призраки могут облюбовать какой-то дом, а могут преследовать конкретного человека. А история если и была... то зачастую она неуловима, как легчайший аромат духов или туманные образы, мелькающие перед нашим внутренним взором.

– Деньги нас не волнуют, – заявила Ив О’Доннелл. – Мы заплатим, сколько потребуется.

– Отлично! – улыбнулся Кёртис и хлопнул себя по колену. – Что ж, не будем терять времени. Работы предстоит много.

Эта фраза всегда служила Россу сигналом к действию. В его обязанности входила установка различных электромагнитных устройств, видеокамер, инфракрасных термометров и тому подобного. Зарплата у него была чисто символическая, хотя и само шоу, и клиенты вроде нынешних приносили впечатляющий доход. Девять месяцев назад, на Хэллоуин, узнав о шоу Уорбертонов из «Лос-Анджелес таймс», Росс упробил Кёртиса принять его на работу. В отличие от Кёртиса и Мэйлин, сам он еще ни разу не видел призраков, но отчаянно этого хотел. Как надеялся Росс, особым чутьем на призраков можно заразиться, словно ветрянкой. И как следы

от перенесенной ветрянки порой остаются на всю жизнь, так и способность видеть привидения сохранится у него навсегда.

– Думаю, мне стоит проверить чердак, – бросил Росс.

Он помедлил в дверях, ожидая, пока Ив О’Доннелл покажет ему путь.

– Я чувствую себя полной идиоткой, – призналась она, хотя Росс ни о чем ее не спрашивал. – В мои-то годы увидеть Каспера...²

– Привидение может слегка припугнуть – так, что вас оторопь возьмет, – но оно не причинит вам вреда, – улыбнулся Росс.

– О, я знаю, она не станет этого делать.

– Она?

Ив помолчала, явно пребывая в нерешительности.

– Мой муж считает, что мы не должны вам рассказывать слишком много, – наконец произнесла она. – Говорит, если вы хоть какую-нибудь мелочь выясните сами, мы поймем, на что вы способны. Но я чувствую, что должна вам сказать... – Она вздрогнула, бросив взгляд на узкую лестницу. – Моя младшая сестра умерла совсем маленькой, когда мне было семь лет. И иногда мне кажется... Как вы думаете, все это может иметь отношение к ней?

– Не знаю, – пожал плечами Росс, жалея, что не может дать ей более конкретный ответ, поделиться собственным опытом. – Сюда? – спросил он, заметив маленькую дверь наверху.

Ив кивнула и пропустила его вперед. Росс открыл дверь. Видеокамера, которую он вчера установил на окне снаружи, наблюдала за ними, как глаз циклопа. Ив обхватила себя за плечи:

– Когда поднимаюсь сюда, меня всегда пробивает дрожь.

Росс передвинул несколько ящиков, чтобы на пленке не осталось случайных теней.

– По словам Кёртиса, есть только один способ все выяснить. Надо делать то, что подсказывают ваши чувства. – Заметив, как на полу что-то поблескивает, Росс опустился на колени и подобрал несколько мелких монет. – Шесть центов, – усмехнулся он. – Прodelки призрака, я так понимаю?

– Да, иногда она это делает, – пробормотала Ив, направляясь к двери. – Оставляет нам мелочь.

– Вы имеете в виду привидение? – повернулся к ней Росс, но Ив уже спускалась по лестнице.

Росс глубоко вдохнул, плотно закрыл дверь и выключил свет. Маленький чердак погрузился в темноту. Росс встал так, чтобы оказаться вне обзора видеокамеры, и включил ее, пользуясь дистанционным пультом. Потом сфокусировал внимание на обступившей его темноте, ощущая, как она давит на грудь и на колени. Именно так учил его Кёртис Уорбертон. Росс напрягал свои органы чувств все сильнее и сильнее. Наконец тонкий ледок недоверия растаял, и пространство вокруг оживо. «Должно быть, момент настал, – мелькнуло у него в голове. – Наверное, когда дух приближается, ты ощущаешь, как к горлу подкатывает ком».

Откуда-то слева донесся шорох шагов и затем звон монет, упавших на пол, – звук, который невозможно перепутать с каким-либо другим. Росс включил фонарь и осветил пол около собственных ботинок. Еще три мелкие монетки.

– Эйми? – прошептал он в пустоту. – Это ты?

Комтусук, городок в штате Вермонт, имел естественные границы: с одной стороны – озеро Шамплейн, с другой – скалы, окружавшие гранитную каменоломню, где работала половина жителей города. Далее тянулась гряда холмов, за которыми раскинулся Берлингтон. На стене церкви, возвышавшейся на центральной площади городка, красовался почетный знак, сообщавший, что в 1994 году Комтусук был признан самым красивым городом в штате. Вполне

² Каспер – киногерой, безобидное и дружелюбное привидение. – Здесь и далее примеч. перев.

заслуженное звание. Бывали дни, когда, глядя на деревья, полыхавшие всеми красками осени, от золотистого янтаря до яркого рубина, Илай Рочерт ощущал, как у него захватывает дыхание от восторга.

Комтусук, который ежегодно посещали полчища туристов, был родным домом для Илая. Он здесь родился и надеялся провести в этом городе всю оставшуюся жизнь. Разумеется, будучи одним из двоих местных офицеров полиции, он знал: Комтусук, каким его видят туристы, – иллюзия. Илай давно уже понял: люди, как правило, не в состоянии разглядеть того, что скрыто за красивой упаковкой.

Совершая ночной патрульный объезд, он двигался по улице, ведущей к городскому кладбищу. В небе сияла луна, круглая и желтая, как глаз ястреба. Хотя стекла были опущены, в машину не проникало даже малейшего ветерка. Короткие черные волосы офицера взмокли от пота. Пес Илая, здоровенный блаухаунд по кличке Ватсон, тяжело дышал, развалившись на соседнем сиденье.

Надгробные памятники замерли, как солдаты в строю. В левом углу кладбища под березой находилась самая старая могила в Комтусуке. Надпись на памятнике гласила: «Уинни Спаркс. 1835–1901/1911». Согласно легенде, когда гроб с телом этой сварливой и раздражительной старухи везли на кладбище, лошади чего-то испугались и понесли. Гроб упал с похоронных дрог, крышка отскочила, и Уинни, ругаясь на чем свет стоит, вылезла оттуда. Десять лет спустя, когда она умерла «во второй раз», ее многострадальный муж своими руками вбил в крышку гроба сто пятьдесят гвоздей – так, на всякий случай.

Правда это или вымысел, Илая ничуть не волновало. Но местные подростки полагали, что нежелание Уинни быть преданной земле – веский повод для того, чтобы распивать на ее могиле пиво и нюхать всякую дурь. Поэтому Илай остановил машину и выбрался наружу. Его долговязая фигура склонилась к окну.

– Пойдешь со мной? – обратился он к Ватсону, но пес не соизволил даже приподняться.

Качая головой, Илай зашагал через кладбище к могиле Уинни. Четверо пацанов, слишком одурманенных, чтобы слышать его шаги, зачарованно глядели на синий огонек горелки «Стерно».

– Бу! – негромко произнес Илай.

– Копы! Черт!

Подростки бросились врассыпную. Полицейский мог бы с легкостью переловить их всех, но на этот раз разрешил им удрать. Он выхватил лучом фонарика из темноты последнего из убегающих, потом осветил могилу. Беглецы оставили после себя сладковатый дымок и две отличные нераспечатанные бутылки «Роллинг рок». Так что, сменившись с дежурства, Илай вполне мог позволить себе выпить пива.

Он нагнулся и сорвал одуванчик, росший у надгробия. И тут же, словно порожденное этим движением, в мозгу у него всплыло слово «чибайяк»... Призрак. Слово из лексикона его бабушки, которое жгло язык Илая, подобно острому перцу.

– Никаких призраков, – произнес он вслух и направился к машине, чтобы продолжить объезд и выяснить, какие сюрпризы приготовила для него нынешняя ночь.

Шелби Уэйкман спала весь день и проснулась совсем разбитой. Ей опять приснился тот же сон... Они с Итаном в аэропорту. Она отворачивается на мгновение, а повернувшись, видит, что мальчик исчез. Она в ужасе носится от терминала к терминалу, надеясь его отыскать, и наконец, распахнув дверь, ведущую на взлетное поле, видит, что ее девятилетний сын стоит на полосе, по которой мчится только что приземлившийся самолет.

Откуда взялся этот кошмар? Ведь ничего подобного в жизни с ней не случилось и не могло случиться. Шелби никогда не бывала с Итаном днем в аэропорту, а если бы они там оказались, наверняка не спустила бы с него глаз. Но образ сына, стоящего на взлетно-посадоч-

ной полосе с вытянутыми руками и поднятым к солнцу молочно-белым лицом, преследовал ее во сне.

– Земля вызывает маму... Эй, куда ты улетела?

– Прости, – улыбнулась Шелби. – Просто задумалась.

Итан ополоснул тарелку и поставил ее в посудомоечную машину.

– Думать не вредно, – изрек он. – По ночам это даже полезно. Особенно тем, кто не спит.

Прежде чем она успела ответить, Итан схватил свой скейтборд, с которым управлялся так ловко, словно это была часть его тела вроде руки или ноги, и сказал:

– Подожду тебя во дворе, хорошо?

Шелби кивнула, провожая его взглядом. Она множество раз просила его не шуметь, ведь в четыре часа утра большинство людей спит, а не катается на роликовых досках. Но Итан неизменно забывал о ее предостережениях, и у Шелби не хватало духа его одернуть.

Итан страдал ПК, пигментной ксеродермой, – болезнью, делающей его чрезвычайно чувствительным к ультрафиолетовым лучам. Во всем мире насчитывалось всего около тысячи человек, больных ПК. Это врожденный недуг, от которого невозможно излечиться.

Шелби заметила, что с ее ребенком что-то не так, когда Итану было всего шесть недель от рождения. Для того чтобы поставить диагноз, понадобился год обследований и бесконечных анализов. Врачи объяснили ей, что ультрафиолетовые лучи повреждают ДНК человеческих клеток. У большинства людей в организме вырабатываются ферменты, устраняющие эти повреждения... но у больных пигментной ксеродермой этого не происходит. В конце концов нарушается процесс деления клеток, что приводит к раку. Если Итан доживет до подросткового возраста, это можно считать везением, сказали ей.

Шелби решила: если солнечный свет убивает ее сына, значит они будут жить в темноте. Днем они не выходили из дому. Она при свечах читала Итану книжки, которые детям обычно читают на ночь. Окна были завешены тяжелыми шторами, однако ее муж, приходя по вечерам с работы, немедленно раздвигал их.

– На солнце не может быть никакой аллергии, – твердил он при этом. – Это все идиотские выдумки врачей!

К тому времени, как они развелись, Шелби выяснила, что опасность для ее сына представляет не только солнце: флуоресцентные лампы во врачебных кабинетах и некоторых магазинах тоже излучают ультрафиолет. Солнцезащитный крем был необходим Итану не только на улице, но и дома. У него было двадцать две шляпы с полями, и надевать одну из них стало для него таким же ежедневным правилом, как для других детей – надевать нижнее белье.

Сегодня он выбрал шляпу с надписью «Кругом дураки», поля которой были загнуты, как раковина улитки. Итан придумал такой фасон, засунув поля под регулируемую ленту, закрепленную сзади. Когда Шелби увидела это, на ум ей пришли лебеди, прячущие голову под крыло. А еще почему-то вспомнились китайки с их крошечными забинтованными ножками.

Убрав в кухне, она вышла во двор и устроилась с книгой на скамье под фонарем. Длинные темные волосы Шелби были туго заплетены в толстую косу, но по открытой шее все равно бежали струйки пота. Неужели Итану хочется кататься на доске в такую душную ночь? Грохоча роликами по деревянному скату, устроенному во дворе специально для него, он совершил рискованный прыжок.

– Мама, видела? Я сделал, как Тони Хоук.

– Круто! – кивнула она.

– Слушай, а тебе не кажется, что было бы здорово...

– Мы не будем устраивать во дворе хафпайп, Итан.

– Но...

– Никогда и на за что.

Поняв, что разговор окончен, Итан умчался прочь, грохоча роликами.

Шелби едва заметно улыбнулась. Ей нравилось, когда Итан вел себя вот так – словно самый обычный мальчишка. Нравилось, когда он, думая, что она занята в кухне и ничего не слышит, включал «Позднюю ночь с Конаном О’Брайеном» и жадно слушал долетавшие из большого мира слухи. В такие моменты ей казалось, что ее сын – совершенно нормальный ребенок. Если бы только не луна, льющая с неба тусклый свет... Если бы не лицо Итана – такое бледное, что вены просвечивали под кожей, точно голубые реки... О, если бы не эти досадные мелочи, жизнь Шелби ничуть не отличалась бы от жизни других матерей-одиночек!

Итан резко повернулся и закружился на месте. Шелби вспомнила, как еще недавно совершенно не различала трюков, которые выделывают скейтбордисты. Вспомнила, с какой острой жалостью думала о себе и сыне... При этом Шелби с трудом удавалось воскресить в памяти события, происшедшие до болезни Итана; воспоминания ускользали, точно рыбы из слишком крупной сети. Такое впечатление, что до рождения сына она вообще не жила. Или это была не жизнь.

Итан резко остановился напротив:

– Умираю с голоду.

– Да ты только что поел! – (Итан заморгал, словно извиняясь.) – Ты, конечно, можешь идти домой перекусить. Но смотри, скоро взойдет солнце, – предупредила Шелби.

Итан взглянул на восток, туда, где на небе уже светилась розовая полоса.

– Мама, разреши мне посмотреть на восход, – взмолился он. – Ну пожалуйста! Всего один разок.

– Итан...

– Ну хорошо... – вздохнул он. – Тогда разреши сделать еще три хардфлипа.

– Один.

– Два.

Не дожидаясь ответа – они оба знали, что она непременно уступит, – Итан умчался прочь. Шелби вновь открыла книгу и попыталась читать, но слова мелькали у нее перед глазами, как вагоны грузового состава, безликие и невыразительные. Перевернув страницу, она осознала, что не слышит грохота роликовой доски.

Итан балансировал на скейтборде, поставив его почти вертикально. На изображении супергероя Росомахи, украшающем доску, что-то белело.

– Мама, это что – снег пошел?

Снег в Вермонте шел часто. Но не в августе. Белый вихрь закружился в воздухе, легчайшие хлопья осыпали страницы книги. Но это был не снег. Шелби осторожно подняла белый лепесток, поднесла его к носу. Розы!

Шелби знала, что природа способна на самые невероятные явления. Она слышала о дождях из лягушек и как-то раз сама была свидетельницей ливня из саранчи. Но снегопад из лепестков роз?

Белые лепестки по-прежнему падали с неба, покрывая волосы Шелби и Итана.

– Вот это да... – прошептал мальчик, потрясенный этим сюрпризом природы.

– Пенни. – Кёртис Уорбертон повертел в руках монетку, которую вручил ему Росс.

– И это все?

Росс кивнул. Было три часа ночи, за окнами бушевала гроза, но, несмотря на наличие столь мощного источника энергии, признаки паранормальной активности практически отсутствовали.

– В какой-то момент мне показалось, что я вижу на экране маленький шарик. Увы, как выяснилось, это датчик дыма на задней стене чердака.

– Да, я тоже ни черта не ощущаю, – вздохнул Кёртис. – Лучше бы мы взяли за тот случай в Буффало.

Росс положил использованную пленку в специальный контейнер и сунул его в карман.

– Да, кстати, Ив – ну, жена хозяина – упомянула о своей младшей сестренке. Та умерла, когда Ив было семь.

– Интересно.

Росс и Кёртис спустились в темную гостиную. Мэйлин сидела на диване.

– Есть что-нибудь? – спросил Кёртис, указывая на инфракрасный термометр.

– Ничего. Этот дом так же активен, как старый паралитик.

В дверях гостиной возникла Ив О’Доннелл, придерживающая рукой полы халата.

– Как дела? – спросила она.

– Думаю, мы можем с уверенностью сказать, что вы не единственные обитатели этого дома. – Кёртис протянул ей монетку, которую дал ему Росс. – Я только что обнаружил на чердаке вот это.

– Да... иногда мы находим монетки в самых неожиданных местах. Я говорила об этом Россу.

– Вот как?

Росс, нахмурившись, повернулся к своему боссу. Но прежде чем он успел спросить у него, какого черта он строит из себя дурака, Кёртис снова заговорил:

– Призраки частенько пускаются на подобные шалости. Особенно призраки детей.

Росс физически ощутил, как атмосфера в комнате изменилась. Ив мгновенно прониклась к Кёртису доверием.

– Должен вам сказать, что я чрезвычайно отчетливо ощущаю чье-то присутствие, – продолжал Кёртис. – Здесь есть некто, кого вы хорошо знаете и кто хорошо знает вас. – Он наморщил лоб и потер висок. – Чувствую, это девочка... и еще вижу цифру... семь. У вас, случайно, не было младшей сестры, которая умерла в детстве?

Росс оцепенел. Он смирился с тем, что восемьдесят пять процентов сверхъестественных явлений – розыгрыши, на которые люди пускаются по самым разным причинам. Некоторые просто развлекаются подобным образом, другие надеются попасть на телеэкран, третьи хотят доказать, что все паранормальные исследования – это полная фигня. Сколько было случаев на шоу, когда в стенах, исходящих стонами, обнаруживались микрофоны; еще чаще попадались трясущиеся люстры, к которым была привязана тонкая леска. Но до сей поры Росс был свято уверен, что сами Уорбертоны играют честно.

– Полагаю, было бы неплохо провести спиритический сеанс, – продолжил Кёртис. – За дополнительную плату, конечно.

У Росса застучало в висках.

– Кёртис, можно тебя на минутку? – пробурчал он.

Они набросили куртки, вышли на улицу. Дождь по-прежнему хлестал как из ведра, и они остановились под козырьком гаража.

– Дело принимает неплохой оборот, – заметил Кёртис. – Ты прервал меня как раз в тот момент, когда я подцепил ее на крючок.

– Но ты же не ощущаешь никакого потустороннего присутствия! И об ее умершей сестре ты только что узнал от меня!

Кёртис закурил. Огонек сигареты светился в темноте, словно горящий злобой глаз.

– И что с того?

– То, что ты не должен лгать женщине, чтобы раскрутить ее на деньги и сделать очередную сенсацию на пустом месте!

– Моя работа – исполнять желания клиентов, – усмехнулся Кёртис. – Поэтому я говорю О’Доннеллам то, что они хотят услышать. Эти люди уверены, что в их доме завелось привидение. И они хотят, чтобы мы это подтвердили. Кстати, отсутствие активности нынешней ночью

вовсе не доказывает, что никакого призрака нет. Возможно, он просто затаился, увидев в доме чужих.

– Так или иначе, мы здесь не для того, чтобы обманывать хозяев, – дрожащим голосом возразил Росс.

– Вот уж не думал, что ты такой упертый моралист. Мне казалось, за эти месяцы ты понял правила нашей игры.

Росс никогда не считал себя упертым моралистом. Напротив, за свою жизнь он совершил немало такого, что лишало его претензий на это звание. Но смириться с тем, что творилось сейчас, он никак не мог.

– Мне тоже казалось, что я понял правила игры. И то, что мы пудрим людям мозги, – для меня полное открытие!

Кёртис в сердцах швырнул на землю окурок:

– Мы ничего никому не пудрим! Я собственными глазами видел призрак своего деда. Черт побери, я же показывал тебе фотографию, на которой призрак стоит в изножье моей кровати! Я не занимаюсь изготовлением фальшивок, Росс. Вспомни, ты же сам видел, как из озера поднималась голова призрака. По-твоему, это устроил я? Если ты не забыл, я тогда вообще был в другом штате. – Кёртис несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться. – Никто не собирается дурачить этих О’Доннеллов! Но я бизнесмен, Росс, и должен соответствовать запросам своих клиентов.

Росс не нашелся с ответом. Зато он точно знал, что подобный бизнес ему не по душе. Выходит, он впустую потратил девять месяцев своей жизни! Он вовсе не был простофилей, но, очевидно, поддался обаянию Кёртиса – так же как и О’Доннеллы. Похоже, Росс видел лишь то, во что хотел верить...

Пожалуй, Мэйлин вправду обладала телепатическими способностями, потому что она неожиданно выглянула из дверей:

– Кёртис, вы долго собираетесь здесь торчать?

– Видишь ли, Росс у нас стоит на распутье. Не может выбрать между дорогой I-81 и путем высоких моральных принципов.

Росс выскочил под дождевые струи и зашагал прочь. Пусть Уорбертоны думают что хотят. Он тоже имеет право думать все, что хочет. Видеокамера и рюкзак Росса остались в доме, но ему было на это наплевать. Взамен утраченных вещей можно приобрести новые. А вот если он полностью утратит самообладание, восстановить его будет куда сложнее. Оказавшись в своей машине, Росс включил обогреватель на полную мощность, пытаясь избавиться от дрожи, сотрясавшей его тело. Проехав не менее мили, он заметил, что забыл включить фары. Росс съехал на обочину и несколько раз вдохнул полной грудью, пытаясь заставить свое сердце биться спокойно и ровно.

Росс понимал, что значит научно фиксировать паранормальные явления. Знал, что документальные свидетельства можно интерпретировать по-разному. Он снимал на пленку блуждающие огни на кладбищах. Записывал голоса, звучавшие в пустых подвалах. Ощущал холод в теплых комнатах, где не было никаких сквозняков. В течение девяти месяцев Росс надеялся, что рано или поздно найдет вход в тот мир, где пребывает Эйми... и в результате нашел дверь, грубо намалеванную на стене.

Упершись лбом в эту чертову стену, он не представлял, куда двигаться дальше.

Проснувшись, Эз Томпсон обнаружил, что рот его полон камней, маленьких и гладких, как оливковые косточки. Выплюнув не менее пятнадцати камешков на свою морщинистую ладонь, он ощутил, что может дышать, не опасаясь подавиться. Эз сел на своей раскладушке, пытаясь прогнать неприятную мысль. Мысль о том, что камни, которые он только что выплюнул, могли оказаться в земле, быстро дать всходы и превратиться в густые зловещие заросли.

Вроде тех, что в сказке белых людей оплели замок заколдованной девушки. Бедняжка погрузилась в сон, и разбудить ее мог только поцелуй...

Эз не имел ничего против ночевки в палатке; ему одинаково хорошо были известны два мира – мир природы и мир янки; он знал их с тех пор, как себя помнил. Старик откинул полог, вылез наружу и направился под навес, где все остальные уже собрались в ожидании завтрака. Плакаты и постеры, прикрепленные к деревянным щитам, кучей лежали в стороне. Подобно куклам чревовещателя, сейчас они, лишённые оживляющего их духа, казались ненужным и бесполезным хламом.

– Привет, – буркнул Эз и побрел к костру, зная, что для него непременно найдется там местечко.

Все остальные обращались с ним так, словно он – как минимум Эйб Линкольн, удостоивший их своим присутствием. Тот факт, что Эз еще жив, внушал людям уважение, переходящее в благоговейный трепет. Конечно, он не был ровесником Эйба Линкольна, но отставал от него совсем немного. Ему было не то сто два, не то сто три года – со счета он сбился много лет назад. Он знал умирающий язык своего народа, и по этой причине его почитали как гуру. К тому же возраст Эза сам по себе делал его племенным старейшиной, впрочем это не имело практически никакого значения, поскольку абенаки не относились к числу официально зарегистрированных племен.

Ощущая, как скрипят и хрустят все его позвонки и суставы, Эз опустил на складной стул. Взял бинокль и принялся разглядывать раскинувшуюся перед ним пустошь, обширное пространство к северо-западу от пересечения Монтгомери-роуд и Оттер-Крик-Пасс. Вдали на возвышении стоял большой белый дом, неуместный, как бельмо на глазу. Стоять ему осталось недолго, это Эз знал точно. Он знал об этом доме все, начиная от размеров участка и заканчивая регистрационным номером договора купли-продажи. Также старику было известно, в каких местах земля промерзает здесь особенно сильно и где никогда не будет хорошего урожая. Он помнил, какое окно в заброшенном доме разбили малолетние сорванцы, какая сторона крыльца обвалилась первой и какие ступени лестницы прогнили насквозь.

Еще он знал номера всех машин, стоявших на парковке. Все они принадлежали сотрудникам компании «Редхук». По городу ходили слухи, что Ньютон Редхук намерен построить в Комтусуке первый торговый центр. На месте, где находились захоронения индейцев.

– Есть такое диковинное явление, называется Эль-Ниньо, – сказал Толстый Чарли. – У нас, похоже, происходит что-то в этом роде.

– Настали последние времена, вот что я вам скажу, – затряс головой Уинкс. – Если с неба сыплются розы, это ничего хорошего не предвещает. Как если бы вода в реках превратилась в кровь, а стрелки на часах пошли бы вспять...

– Уинкс, старина, – расхохотался Толстый Чарли, – видно, ты насмотрелся фильмов ужасов, и теперь тебе всюду мерещатся зловещие знаки!

Эз бросил взгляд на землю, усыпанную лепестками роз. Обшарил языком пещеру своего рта и обнаружил еще несколько камешков.

– А ты как думаешь, Эз? – обратился к нему Уинкс.

Эз размышлял о том, что попытки понять, почему с неба падают лепестки роз, – занятие бессмысленное и бесполезное. То, что должно произойти, произойдет в любом случае. Еще он считал, что дождь из лепестков – наименьшая из проблем, с которыми придется столкнуться. Направив бинокль на дорогу, старый индеец увидел медленно приближающиеся бульдозеры.

– Я думаю, что нельзя копать землю и при этом ничего не выкопать, – произнес он.

Вот как Росс встретил Эйми: на углу Бродвея и Сто двенадцатой улицы, напротив Колумбийского университета, он буквально врзался в нее, так что она уронила в лужу скелет, который держала в руках. Эйми, студентка медицинского факультета, готовилась к экзамену по

анатомии. Увидев, что плод ее кропотливой работы уничтожен, она едва не лишилась чувств. Однако сумела взять себя в руки и, опустившись на корточки, принялась собирать обломки. Только тут Росс понял, что в жизни не встречал такой красивой девушки.

– Позвольте вам помочь, – взмолился он, хотя был совершенно не способен отличить малоберцовую кость от фаланги. – Просто дайте мне второй шанс!

Вот как Росс сделал предложение Эйми: ровно год спустя он посадил ее в такси и повез ужинать в ресторан, расположенный неподалеку от перекрестка Бродвея и Сто двенадцатой улицы. Когда машина поравнялась с местом, где они познакомились, водитель, заранее проинструктированный, затормозил. Росс вышел и тут же, на грязном тротуаре, опустился на одно колено. Неотрывно глядя в искристые глаза Эйми, протянул ей открытую коробочку с кольцом.

– Выходи за меня замуж, – сказал он.

В следующее мгновение Росс потерял равновесие, покачнувшись – и бриллиантовое кольцо провалилось в решетку люка.

У Эйми расширились глаза.

– Ну ты даешь! – только и смогла она сказать.

Росс бросил сокрушенный взгляд сначала в темень люка, потом на пустую коробочку. Швырнул ее вслед за кольцом. И вытащил из кармана еще одно кольцо, настоящее.

– Просто дай мне второй шанс, – торжественно произнес он.

Сейчас на пустой парковке Росс откупорил бутылку виски и хлебнул прямо из горлышка. Иногда ему отчаянно хотелось вывернуть себя наизнанку и полюбоваться на собственные внутренности. Хотелось спрыгнуть с моста и разбиться о бетон в лепешку. Или орать до тех пор, пока не хлынет горлом кровь. Помчаться куда глаза глядят – и бежать, пока не лопнет сердце. В такие дни, как сегодня, когда отчаяние накрывало с головой, собственная жизнь представлялась Россу бесконечной нитью, оборвать которую, по горькой иронии мироздания, он не мог.

Росс замыслил самоубийство так же тщательно, как другие люди составляют список покупок, – методично, не упуская ни малейшей детали. Бывали дни, когда он был бодр и весел. Бывали дни, когда он вел счет тем людям, которые выглядели счастливыми, и тем, что казались несчастными. Бывали дни, когда ему отчаянно хотелось залезть в холодильник и задохнуться там. Или же босиком отправиться гулять по снегу, рухнуть на холодную белую перину и уснуть вечным сном.

Росс прочел кучу статей о необычных самоубийствах. О женщинах, смастеривших петлю из собственных роскошных волос. О мужчинах, которые ввели себе в вену майонез. О подростках, проглотивших петарду для фейерверка. Но всякий раз, когда он прикидывал, выдержит ли его вес потолочная балка, или осматривал собственную руку, решая, в каком месте лучше вскрыть ее ножом «Х-Акто», его останавливала одна мысль. Мысль о том, что он оставит после себя жуткий беспорядок.

Он не представлял, что будет с ним после смерти. Он знал лишь, что прекратит жить, и этого было вполне достаточно. С того дня, как он потерял Эйми, жизнь утратила для него всякий смысл. В тот злосчастный день он, все-таки оказавшийся последним идиотом, решил поиграть в супергероя. По пути к родителям Эйми они попали в автокатастрофу. Росс отнес свою невесту на безопасное расстояние от места столкновения и поспешил обратно. Он вытащил водителя из кабины за секунду до того, как машина вспыхнула и взорвалась. Когда Росс вернулся к Эйми, она была мертва. Она умерла в одиночестве, когда его не было рядом.

Он строил из себя супермена, спасая совершенно незнакомого человека.

Росс бросил пустую бутылку на пол своего джипа, включил зажигание и, словно зеленый юнец, сорвался с места на бешеной скорости. Никаких копов поблизости не было – их никогда не бывает в нужный момент. Мчась по однополосному шоссе, Росс прибавлял и прибавлял скорость, пока она не перевалила за восемьдесят миль в час...

Он затормозил у железнодорожного моста. Сигнальные огни сообщали о приближении поезда, ворота были закрыты. Росс, ощущая в голове звенящую пустоту и легкость, направил свой джип напрямик на ворота и взломал их. Джип въехал на пути и остановился там с обреченностью жертвенного животного.

Поезд приближался, рельсы гудели и вибрировали. Росс предвкушал вожаемую смерть.

– Наконец-то, – бормотал он сквозь зубы. – Наконец-то.

Грохот колес становился все громче, оглушительнее, кошмарнее. Гул накрыл Росса с головой, а затем вдруг стал слабеть и удаляться. Набравшись смелости, Росс открыл глаза. Непостижимым образом машина съехала с путей и развернулась передом в ту сторону, откуда он приехал. Из-под капота валил дым.

У Росса снова ничего не получилось. Ему оставалось лишь включить зажигание и поехать прочь. Глаза его застилали слезы.

Род ван Влит твердо решил, что не уйдет отсюда без подписанного контракта. Во-первых, Ньютон Редхук не любил, когда его поручения оставались невыполненными. Во-вторых, путь до этого дома престарелых, расположенного у черта на куличках, занял больше шести часов. У девелопера не было ни малейшего желания мотаться сюда еще раз.

– Мистер Пайк... – произнес он, улыбаясь старику.

Тот был таким уродливым, что Род слегка поежился: ночные кошмары обеспечены на неделю. Черт, если в девяносто пять лет Род будет выглядеть так же, пусть лучше его безболезненно усыпят и закопают поглубже в землю! Абсолютно лысая, покрытая пятнами голова Спенсера Пайка напоминала мускусную дыню; узловатые пальцы были скрючены, сторбленное тело являло собой какую-то запятую из дряхлой плоти.

– Как видите, компания «Редхук» готова депонировать чек на пятьдесят тысяч долларов, выписанный на ваше имя, еще до того, как юридический аудит земельного участка будет завершен. Мы питаем к вам полное доверие и готовы это доказать...

– На кой черт мне сдались ваши деньги? – перебил его старик, прищутив мутные глаза.

– Деньги нужны всем, – пожал плечами Род. – Поедете куда-нибудь отдохнуть. В компании симпатичной медсестры. – Он улыбнулся женщине, которая со скрещенными на груди руками стояла за креслом старика.

– Не могу я путешествовать. Врачи запрещают. Моя печенька и так чуть жива.

Род растерянно молчал. «Пожалуй, алкоголик, который прожил без малого сто лет, вполне может махнуть на Фиджи и плюнуть на последствия», – подумал он и повторил:

– Деньги нужны всем.

– Вы это уже говорили. У вас что – склероз?

– Нет, сэр. – Девелопер прочистил горло. – Насколько я понимаю, эта земля принадлежала семье вашей супруги на протяжении многих десятилетий?

– Да.

– Мистер Пайк, компания «Редхук» стремится содействовать процветанию города и развитию городской экономики и намерена использовать землю таким образом, что...

– Вы настроите там магазинов.

– Именно так, сэр, именно так.

– А будет там магазин, где торгуют пончиками?

Род недоуменно заморгал.

– Полагаю, этого пока не знает даже мистер Редхук, – с запинкой ответил он.

– Постройте такой магазин непременно. Я обожаю пончики.

Девелопер вновь подвинул к старику чек, на этот раз вместе с контрактом:

– Мы ничего не сможем построить, мистер Пайк, пока вы не поставите свою подпись на этом документе.

Несколько мгновений старик буравил его взглядом, потом потянулся за ручкой. Род, который наблюдал за ним затаив дыхание, позволил себе перевести дух.

– Земля ведь оформлена на имя вашей жены? – уточнил он. – Сесилии Пайк.

– Да, участок принадлежал Сисси.

– А все эти... претензии, которые выдвигают абенаки? Они имеют под собой какие-то основания?

Пайк сжал кулаки так крепко, что побелели суставы.

– Все это пустые выдумки. Никакого индейского кладбища на этой земле никогда не было, – процедил он и метнул на Рода сердитый взгляд. – Вы мне не нравитесь.

– Я это чувствую, сэр.

– Но я не хочу, чтобы эта земля отошла государству. Уж лучше я ее продам. Это единственная причина, по которой я подписываю вашу бумагу.

Род протянул руку и схватил подписанный контракт.

– Деньги нужны всем, – повторил он, и Пайк насмешливо вскинул бровь. – Мы проведем необходимую юридическую экспертизу и постараемся завершить дело как можно скорее.

– Вы хотите сказать, что постараетесь успеть до моей смерти, – уточнил Пайк. – Не останетесь отобедать у нас? – добавил он с ухмылкой. – Говорят, сегодня на десерт апельсиновое желе. А вечером мы будем играть в шарады. Не желаете участвовать? – Он расхохотался, его каркающий смех резал Роду уши. – Да, кстати, мистер ван Влит... Как вы намерены поступить с домом?

Компании «Редхук» часто приходилось сталкиваться с этой щекотливой темой. Как правило, прежде чем возвести на приобретенных участках современные коммерческие здания, старые постройки сносили.

– Дом сейчас в наилучшем состоянии, – осторожно ответил Род. – Мы планируем... несколько видоизменить его облик. Пристроить дополнительные площади... для пиццерии, о которой вы говорили...

– Я говорил о пончиках, – перебил Пайк. – Иными словами, вы собираетесь снести дом.

– Боюсь, что да.

– Что ж, это к лучшему, – кивнул старик. – Там развелось слишком много призраков.

Единственная автозаправочная станция в Комтусуке находилась поблизости от универсального магазина. Род минут пять вертелся вокруг насоса пятидесятых, прежде чем понял, что здесь нет терминала для кредитной карты. Засунув наконецник насоса в бензобак своей машины, Род извлек из кармана мобильный телефон и выбрал один из номеров.

– Гранитный карьер «Ангел», – ответил женский голос.

Род нажал кнопку отбоя. Видно, он ошибся. На самом деле ему нужно связаться с офисом своей компании, сообщить Ньютону Редхуку, что первое препятствие удалось успешно преодолеть. Нахмурившись, Род снова принялся нажимать кнопки.

– Гранитный карьер «Ангел». Могу я вам помочь?

Род замотал головой:

– Я пытаюсь дозвониться по номеру шесть один семь пять шесть девять.

– Вы неправильно набрали номер.

В трубке раздались короткие гудки.

Озадаченный Род сунул телефон в карман и вытащил насос из топливного бака машины. На ходу вытаскивая бумажник, он направился к зданию станции.

Мужчина средних лет, с морковно-рыжими волосами, подметал крыльцо, усыпанное какими-то хлопьями, напоминающими лепестки роз. Бросив взгляд на вывеску «Бензин и бакалея Эйба», Род обратился к хозяину:

- Должно быть, вы Эйб?
- Вы чрезвычайно догадливы.
- Скажите, тут есть платный телефон?

Эйб указал на будку, стоявшую у перил крыльца. Около нее покачивался какой-то пьяный в доску старикан, который, вероятно, пытался сообразить, нужен ему телефон или нет. Род осторожно обошел дедка, набрал нужный номер, спиной ощущая, что хозяин станции не сводит с него глаз.

«Гранитный карьер „Ангел“», – услышал Род через несколько мгновений. Он бросил трубку на рычаг и растерянно уставился на нее.

Эйб сделал несколько взмахов веником, расчищая пространство между собой и Родом. Потом спросил:

- Что-то не так?
- Видимо, неполадки на линии, – ответил Род и вытащил из бумажника двадцатидолларовую купюру, чтобы расплатиться за бензин.
- Может быть. А может, эти чертовы индейцы говорят правду. Если им не вернут эту землю, на весь город падет проклятие.

Род недоуменно округлил глаза. Он уже почти дошел до своей машины, когда в памяти у него всплыли слова Спенсера Пайка о призраках. Род повернулся, рассчитывая расспросить Эйба, но того и след простыл. Веник стоял у перил; при каждом дуновении ветра сметенные в кучу лепестки роз оживали, словно забытые желания.

Тут на парковку въехала еще одна машина. Водитель, высокий тощий парень, вышел из кабины и потянулся так, что хрустнули суставы. У него были каштановые волосы до плеч и тревожные глаза, зеленые, как морская вода.

- Простите, вы не знаете, как проехать к дому Шелби Уэйкман? – обратился он к Роду.
- Я не местный, – покачал головой Род и сел в свою машину.

Он не мог объяснить, что заставило его взглянуть в зеркало заднего вида.

Парень стоял в полной растерянности, словно не представлял, что же ему теперь делать. Внезапно в кармане у Рода зазвонил телефон.

- Ван Влит, – ответил он.
- Гранитный карьер «Ангел», – сообщил женский голос, словно отвечая на звонок Рода. Голос звучал невозмутимо, будто все это не было полной бессмыслицей.

- Иду, иду, – бормотала Шелби.

Стук в дверь становился все громче. Было одиннадцать часов утра. Только бы этот придурок не разбудил Итана! Шелби на ходу стянула волосы в хвост, застегнула пижаму, открыла дверь и тут же прищурилась от хлынувшего в глаза яркого солнца. В первый момент, ослепленная, она не узнала его.

- Привет, Шел.

С тех пор как они с Россом виделись в последний раз, прошло два года. Они все так же были похожи друг на друга – оба высокие, поджарые. Но главное, что их роднило, – пристальный, светлый, завораживающий взгляд. Правда, Росс за это время сильно похудел и отрастил волосы до плеч. И откуда у него эти круги под глазами – еще более темные, чем у нее самой?

- Я разбудил тебя, – виновато пробормотал он. – Надо было...
- Заходи, – выдохнула Шелби и крепко обняла своего младшего братишку.

– Иди спать, – сказал Росс, после того как улеглось волнение, вызванное встречей. – Ты понадобишься Итану, когда он проснется.

– Прежде всего, Итану понадобишься ты, – поправила Шелби. – Как только он узнает, что ты приехал, покоя тебе не будет.

Она положила стопку полотенец на кровать в комнате для гостей и снова обняла Росса:

– Ты сам знаешь, что можешь оставаться здесь сколько хочешь. Об этом и говорить не стоит.

Он ткнулся лицом ей в плечо и закрыл глаза. От Шелби пахло в точности так же, как во времена его детства.

Внезапно она подалась назад и пробормотала:

– Ох, Росс...

Рука ее скользнула под рубашку брата и нащупала длинную цепочку, которую он носил не снимая. На цепочке висело кольцо с бриллиантом, похожее на падающую звезду. Шелби зажала кольцо в кулаке.

Росс дернулся так резко, что цепочка порвалась. Схватив Шелби за запястье, он тряс его до тех пор, пока она не выпустила кольцо.

– Не надо это трогать, – процедил он и стиснул пальцы, пряча кольцо.

– Но ведь прошло уже...

– Думаешь, я не помню, сколько лет прошло? Я помню даже, сколько прошло дней!

Росс отвернулся. Об этом не принято говорить, но иногда чужая доброта режет по сердцу острее ножа.

Шелби ласково коснулась его руки. Росс молчал, не глядя на сестру. Она решила, что сейчас лучше оставить брата в покое, погладила его по руке и вышла из комнаты.

Росс знал, что сестра права и надо поспать. Тем не менее заснуть ему не удастся – он был уверен в этом. Он привык к бессоннице; в течение многих лет она вместе с ним ныряла под одеяло, сжимала в объятиях и заставляла ворочаться, не смыкая глаз, в ожидании того момента, когда цифры на электронных часах подскажут: время вставать.

Росс растянулся на кровати и уставился в потолок. Стиснул кольцо так крепко, что ощущал кожей все его выпуклости. Нужно найти какую-нибудь леску или кожаный шнурок, чтобы снова носить свой драгоценный амулет на шее. Росс отыскал взглядом часы и принялся наблюдать, как цифры сменяют друг друга: 12:04, 12:05, 12:06. Потом стал считать розы на стеганом одеяле. Затем попытался припомнить слова «Вальсируя с Матильдой»³.

...Когда он проснулся, часы показывали 5:58. Росс заморгал, не веря своим глазам. Он уже давно не чувствовал себя таким бодрым и отдохнувшим. Вскочив с кровати, он отправился узнать, не найдется ли у Шелби запасной зубной щетки.

Отсутствие цепочки на шее заставило его вспомнить о кольце. Росс разжал кулак – и его охватила паника. Он помнил, что уснул, сжимая кольцо в руке. Но теперь кольца не было – ни на простынях, ни на ковре, ни даже под кроватью, куда Росс заглянул в последней надежде. «Я потерял ее», – пронеслось в голове Росса. Он тупо уставился на то, что оказалось у него в кулаке вместо кольца: пенни 1932 года выпуска, стершееся, непроницаемое, как тайна.

³ «Вальсируя с Матильдой» – австралийская песня, написанная в 1895 году; неофициальный гимн Австралии.

Глава 2

Для своих восьми лет Люси Оливер знала чрезвычайно много. Она могла перечислить столицы всех штатов; могла объяснить, откуда берется гром; могла произнести по буквам, причем в обратном порядке, такое сложное слово, как «аритмия». Ей было известно и кое-что другое, более важное и не имеющее отношения к школьной программе. Например, Люси видела, как ее прабабушка месяц назад вернулась от доктора с упаковкой маленьких белых таблеток, которые она спрятала в носок одного из своих ортопедических ботинок, стоявших в шкафу без употребления. Люси понимала: если взрослые понижают голос, значит речь пойдет о чем-то интересном и надо наострить уши. Она знала: даже самого умного человека на свете страшит непонятное.

А еще Люси была уверена: когда-нибудь один из *них* заберет ее. В этом у нее не было ни малейших сомнений.

Каждую ночь *они* изменяли свое обличье. Иногда на шторах в спальне колыхались изменчивые тени. Порой на деревянных половицах появлялось холодное пятно, и Люси неожиданно наступала на него босыми ногами. Время от времени она ощущала странный запах, наводящий на мысль о гниющих листьях, а может быть, о трупах.

Нынешней ночью Люси решила притвориться черепахой. Ничто и никто не проникнет сквозь ее прочный панцирь. Даже нечто, притаившееся в шкафу, – Люси слышала чужое дыхание. Закрыв глаза, она ощущала, как *это* изменяет свои очертания... и вот из темноты на Люси взглянула женщина с лицом столь печальным, что у девочки защемило сердце.

– Я найду тебя, – произнесла женщина, точнее, слова ее прозвучали в голове у Люси.

Девочка подавила крик, потому что шум мог разбудить прабабушку, и натянула на голову одеяло. Ее узенькая грудь ходила ходуном, на лбу выступила испарина. Куда же спрятаться от этой женщины, которая обещала отыскать ее везде? Мама поймет, что ее дочь похищена, лишь увидев вмятину на матрасе, оставшуюся от Люси.

Люси высунула из-под одеяла руку, схватила телефон, лежавший на ночном столике, и нажала кнопку автоматического набора номера маминной лаборатории. Представила себе невидимую линию, соединившую ее телефон с другим – тем, что взяла сейчас мама. Созерцая эту незримую пуповину, девочка не могла выдать ни слова.

– Ох, Люси, – вздохнула в трубке мама. – Что на этот раз?

– Воздух, – прошептала Люси. Собственный голос резанул ее по ушам. Такой тонкий и в то же время пронзительный. Точно мышь скребется под полом. – Воздух слишком тяжелый.

– Ты уже воспользовалась ингалятором?

Да, Люси воспользовалась ингалятором. Она была достаточно взрослой и знала, как поступать во время приступа астмы. Но от этой тяжести с помощью ингалятора не избавишься.

– Я боюсь, меня сейчас раздавит.

С каждой секундой становилось хуже. Люси лежала, придавленная ночной темнотой, и старалась дышать неглубоко, чтобы кислород в комнате не кончался как можно дольше.

– Успокойся, детка, – раздалось в трубке. Слушая мамин голос, Люси представляла бесконечные лабораторные столы, заставленные блестящими стеклянными колбами и пробирками. – Ты же знаешь, воздух не может изменять свой вес. Тем более в твоей комнате. У тебя просто разыгралось воображение.

– Но... – Люси бросила испуганный взгляд на шкаф. Она знала: та женщина, притаившись, наблюдает за ней. – Нет, мама, я ничего не придумала.

В трубке повисло молчание, пауза длилась несколько секунд. Ровно столько, сколько маме понадобилось, чтобы потерять терпение.

– Люси! Ты прекрасно знаешь, что никаких привидений не существует. Никаких гоблинов, демонов и витающих в воздухе монстров тоже нет. Накройся одеялом и спи.

В трубке раздались короткие гудки, затем металлический голос оператора сообщил Люси, что, прежде чем сделать еще один звонок, она должна нажать кнопку отбоя. Люси спрятала телефон под подушку. Мама была права: рассудком Люси понимала, что здесь, в своей комнате, ей нечего бояться. Ни под кроватью, ни в шкафу нет никаких монстров; плачущие женщины не возникают из воздуха. И если воздух стал густым, как гороховый суп, этому можно найти логическое объяснение. Это связано с какими-то физическими явлениями. Или, может быть, с химическими.

Тем не менее, когда несколько часов спустя Мередит Оливер вернулась домой, она обнаружила, что дочь ее спит в ванне, куда она перетасила подушку и одеяло. Повсюду горел яркий свет.

Росс наблюдал, как его племянник, в очередной раз преодолев земное притяжение, взлетает в воздух на своей роликовой доске.

– Пятьдесят на пятьдесят, – сообщил Итан.

Щеки его разгорелись от напряжения, лоб взмок под козырьком бейсболки. Приподнявшись, Росс сделал вид, что хочет схватить Итана за лодыжку.

– Ты уверен, что твои ноги не прикручены к этой штуковине рыболовной леской?

Итан усмехнулся и вновь помчался к своему скату, затем резко развернулся и подлетел к Россу:

– Как все-таки круто, что ты приехал, дядя Росс!

– Это означает, что его радости нет границ, – усмехнулась Шелби.

Она сидела на одеяле, расстеленном на траве.

– Я это оценил.

Росс растянулся на одеяле рядом с сестрой, подложив руки под голову. Мелькнула падающая звезда, ее сверкающий след растаял в темном небе.

– Он отличный парень, Шел.

Она проследила за сыном глазами:

– Я знаю.

Скейтборд грохотал по деревянному настилу.

– Если я отличный парень, возьми меня на охоту за привидениями! – крикнул Итан, обернувшись через плечо.

– Кто тебе сказал, что я охочусь за привидениями?

– У меня свои источники информации.

Итан закружился на доске, одновременно подскакивая.

– Ты же видишь, я быстрый и ловкий! И я привык не спать по ночам... а еще я могу передвигаться так тихо, что меня никто не заметит...

– Не сомневаюсь в твоих способностях, – улыбнулся Росс.

– Ну почему ты смеешься, дядя Росс! Я же говорю с тобой серьезно. Пожалуйста, возьми меня с собой.

– Боюсь, не выйдет. Во-первых, если я это сделаю, твоя мама спустит с меня шкуру. А во-вторых, я больше этим не занимаюсь.

– Не занимаешься?.. – Во взгляде мальчика мелькнуло разочарование. – Ты хочешь сказать, тебе надоело охотиться за привидениями?

– В каком-то смысле.

Итан был потрясен:

– Жесть!

– Итан, – укоризненно покачала головой Шелби.

- Значит, теперь ты такой же, как все, – пробормотал мальчик и умчался прочь.
- Не вижу в этом ничего плохого, – сказал Росс.

Шелби устремила на него пристальный взгляд.

– Ты действительно стал таким же, как все? – спросила она. – Я имею в виду, у тебя все нормально?

– Более чем, – улыбнулся Росс. – У меня все замечательно.

– Ты не звонил целых полгода. Я жутко переживала.

– Зря. Мне просто было некогда. Пока я работал у Уорбертонов, приходилось постоянно переезжать с места на место.

– Я и не знала, что ты больше не занимаешься паранормальными исследованиями.

– Да и сам я не знал, пока не сказал об этом вслух. Чертовски утомительно все время что-то искать и никогда не находить того, что тебе нужно.

– Ты сейчас выразился, словно какой-то... палеонтолог, – усмехнулась Шелби. – Однако между палеонтологом и охотником за привидениями есть некоторая разница. Я хочу сказать: даже если тебе не повезло откопать кости динозавра, они все равно лежат где-нибудь под землей. А что касается призраков... если они действительно существуют, почему никому до сих пор не удалось этого доказать?

– Я сам наблюдал, как температура воздуха в комнате за считанные секунды падала градусов на двадцать! Записывал на пленку пение церковного хора, которое раздавалось на пустом запертом чердаке. Наблюдал, как водопроводные краны поворачивались сами собой. Но увидеть призрака собственными глазами мне не удалось, это верно. Так что я не знаю, каким образом происходят подобные чудеса. Может, это дело рук Бога, может, это шалют эльфы. И не исключено, что какой-нибудь технический гений устраивает небольшое представление с помощью пульта дистанционного управления!

– И это говорит тот самый мальчик, который до пятнадцати лет верил в Санта-Клауса! – рассмеялась Шелби.

– До десяти, – поправил Росс. – Именно в десять лет я устроил на крыше ловушку, чтобы получить неопровержимые доказательства существования Санта-Клауса.

– И в твою ловушку никто не попался?

– Нет, зато я обнаружил на кровельной дранке отпечаток копыта, – усмехнулся Росс и потянулся в карман за сигаретами, но, посмотрев на Итана, не стал их доставать. – Я должен был бросить это дело много лет назад.

– Ты имеешь в виду курение?

– Нет, охоту за призраками.

– Так почему же ты этого не сделал?

Росс подумал о Кёртисе Уорбертоне – тот всегда говорил клиентам именно то, что они хотели услышать. Вспомнил о кольце Эйми – пропажу так и не удалось найти, хотя Росс перевернул всю комнату вверх дном.

– Потому что я постоянно сталкивался с вещами и явлениями, которые находились за пределами моего понимания... Мне казалось: если хорошенько постараться, я сумею их постичь.

– Может, тебе следовало заняться физикой?

– Наука ничего не в состоянии объяснить, – пожал плечами Росс.

– Ты хочешь сказать: наука не может ответить, есть Бог или нет?

– Нет, я говорю не о столь глобальных вопросах. Но почему мы проходим мимо тридцати тысяч человек, не удостаивая их вторым взглядом, а потом встречаем тридцать тысяч первого и понимаем, что не можем отвести от него глаз?

– Любовь находится за пределами рационального, Росс. Но в ней нет ничего паранормального.

«Интересно, кто это сказал?» – подумал он и произнес:

– От этого она не перестает быть загадкой. Но поговорим о другом. Наверное, каждому приходилось ощущать... нечто необычное. И это нечто было невидимым. Почему же в одних случаях мы доверяем нашим органам чувств, а в других – нет? – Росс встал и отряхнул джинсы. – Ты знаешь, я побывал во многих домах, где, по утверждению хозяев, завелись привидения. Выслушал невероятное количество рассказов. И поверь, среди тех, кто видел призраков, есть не только психи. Встречаются и университетские профессора, и управляющие корпорациями из «Фортьюн-500». Знаешь, все, кто сталкивался с привидениями, образуют в своем роде клуб. Каждому хочется пообщаться с людьми, у которых есть похожий опыт и которые не назовут тебя безумцем или вруном.

Росс хотел верить в это. Он встречал экстрасенсов, утверждавших: мол, повернуться нельзя, чтобы не встретить какого-нибудь духа; призраки толпятся вокруг и постоянно пытаются привлечь человеческое внимание. Но теперь у него появились сомнения. Он начал думать, что со смертью все заканчивается...

– А разве профессора и управляющие не могут быть безумцами или врунами? – усмехнулась Шелби.

– Хорошо, а как насчет четырехлетних детей? Они еще не умеют врать! – вскинулся Росс. – Я сам разговаривал с мальчиком, который среди ночи прибежал к маме, чуть живой от испуга. Сказал, что в его комнате появился какой-то чужой дядя. И этот дядя твердил: уезжайте прочь из моей мастерской, вы мешаєте мне делать столы. Родители мальчика отправились в архив, подняли документы и выяснили: их дом построен на месте столярной мастерской, которую снесли двести лет назад.

– Неужели это правда?

– Еще бы не правда! Призрак так упорно преследовал несчастного малыша, что тот колол себя руками по голове, лишь бы не слышать его голоса. Ходил с зажмуренными глазами, лишь бы не видеть этого страшного человека. Ты скажешь: мальчик сошел с ума. С детьми такое тоже случается. Но откуда ему было знать про мастерскую? Ведь ее сровняли с землей за два столетия до его рождения! – Росс уже не понимал, кого он убеждает: сестру или самого себя.

Шелби похлопала брата по плечу:

– Знаешь, Росс, если в этом мире найдется человек, который сумеет найти веские доказательства существования призраков, то, не сомневаюсь, это будешь ты.

Росс бросил на нее пристальный взгляд и, поколебавшись несколько мгновений, вытащил из кармана бумажник и извлек из него фотографию.

– Хочешь сказать, что это похоже на рот и глаза?.. – бормотала Шелби, разглядывая снимок. – Тут, кажется, и рука есть...

– Я ничего тебе не говорил. Ты сказала все это сама.

– И что же это такое?

– Кёртис Уорбертон называет подобные вещи флюидами. Когда я делал снимок, на озере не было ровным счетом ничего... ни тумана, ни дымки. Но ты сама видишь, что отпечталось на негативе. Фотопленка обладает высокой чувствительностью и может запечатлеть световое излучение, тепловые потоки и магнетическую энергию... то есть все виды энергии, которые призраки используют, чтобы материализоваться. – Росс спрятал фотографию в бумажник. – Но возможно, все это милые шутки сотрудников фотолаборатории. Такой вариант тоже нельзя исключать.

Когда Росс взглянул на снимок впервые, на него повеяло таким холодом, что волосы на руках и ногах у него встали дыбом. Но об этом он умолчал. Не сказал он и о том, что в течение нескольких часов после этого у него тряслись руки и он не мог сфокусировать взгляд.

– Говоришь, никакого тумана на озере не было? – уточнила Шелби.

– Ни малейшего.

– Если бы я увидела такое в газете, подумала бы: наверняка фальшивка. Но...

– Но я твой брат, и ты должна мне доверять.

Итан резко затормозил рядом с ними.

– В городе есть старая каменоломня, где давным-давно убили какого-то парня! – выпалил он. – Все говорят, что там водятся привидения. Мы можем пойти туда и...

– Нет! – хором воскликнули Росс и Шелби.

– Ну и зря, – пробормотал Итан и покатил прочь.

Росс бросил взгляд в сторону горизонта. Темно-синее ночное небо начало светлеть.

– Не пора ли возвращаться домой?

Шелби кивнула и принялась собирать остатки пикника.

– И чем ты теперь намерен заняться?

– Ловлей НЛО, – буркнул Росс. – Шутка.

– Пока ты не придумал ничего лучше, может, поработаешь у меня няней? – предложила Шелби. – Правда, проводить время в обществе Итана – это куда опаснее, чем охотиться за призраками.

– Призраки не опасны, – уверенно заявил Росс, с опозданием вспомнив, что тут можно лишь выдвигать предположения. – Они такие же люди, как и мы. Точнее, они были такими, как мы.

Шелби замерла с одеялом в руках:

– Откуда ты знаешь? Ты же никогда не видел ни одного призрака.

– Не видел.

– Хотя очень хотел увидеть.

Росс с усилием улыбнулся:

– Ну, мало ли что я хотел? Купюры в десять тысяч долларов я тоже никогда не видел, хотя очень не прочь бы на нее посмотреть.

Росс не пытался убедить Шелби в том, что призраки существуют. Он пытался убедить самого себя. Но правда состояла в том, что девять месяцев было угрождено на поиски с нулевым результатом. Он не увидел призраков, потому что они не появлялись.

И все же в кармане у него лежала фотография, и он ощущал, как она жжет кожу сквозь бумажник. Фотография, при взгляде на которую голова шла кругом. Дух, напитавшийся энергией света, тепла или, может быть, энергией батареек, на которых работала камера, – и материализовавшийся! С самим же Россом произошло нечто противоположное. Утратив Эйми, свой главный источник энергии, он ощущал, что превращается в призрака и скользит по жизни, постепенно становясь невидимым.

– Я не могу двинуть на человека бульдозеры! – кричал прораб, вытирая пот с багрового лица.

Он бросил на Илая сердитый взгляд из кабины грузовика. Илай вздохнул, скрестив руки на животе:

– Мистер Шампиньи...

– Уинкс. – Парень, растянувшийся на земле, вызывая улыбку полицейскому. – Все зовут меня так.

Пес Илая, выскочив неведомо откуда, уперся передними лапами в грудь парня.

– Ко мне, Ватсон! – скомандовал Илай. – Мистер Шампиньи, прошу вас, поднимайтесь. Компания «Редхук» имеет официальное разрешение проводить строительные работы на этой земле.

– Этот коп несет какую-то чушь! – крикнул Уинкс, обращаясь к пикетчикам, толпившимся в отдалении.

– Вы не можете их всех арестовать? – спросил Род ван Влит.

– Пока они не совершили ничего противозаконного. Просто выражают свой протест, и все.

Фолленсби, шеф полиции, начальник Илая, недвусмысленно дал понять, что не стоит разжигать конфликт, который может перерасти в ожесточенное столкновение на расовой почве. Кроме того, Илай знал: когда дело касается индейцев абенаки, проблему невозможно решить силой. К тому же у него не было ни малейшего желания этим заниматься. Его ждали другие дела. Ему нужно было забрать местного пьяницу Эббота Тула с автозаправки, отвезти в участок и оставить там, пока тот не протрезвеет. Да и Ватсона пора покормить. Так что Илай вовсе не собирался тратить время попусту, разбираясь с бандой индейцев, у которых наглости и спеси больше, чем воды в озере Шамплейн.

Илай потер затылок. В такие дни, как сегодня, он жалел, что после смерти матери не перебрался во Флориду. В конце концов, ему уже тридцать шесть и эта работа ему осточертела. Сейчас он мог бы играть с отцом в гольф. Или нежиться в шезлонге под пальмой... Его мысли прервало поскуливание Ватсона, который скалился в собачьей улыбке, умильно глядя на хозяина.

– Прежде здесь было кладбище. В этой земле лежит прах, – сообщил Уинкс.

– Это правда? – обернулся Илай к Роду.

Тот слегка нахмурился:

– Никаких останков здесь не нашли. Все, что удалось обнаружить, – жестяной медальон, несколько глиняных черепков и монета тысяча девятьсот тридцать второго года выпуска.

– И наконечник стрелы! – крикнул Эз Томпсон.

«Как этот старикан ухитрился на таком расстоянии услышать, о чем они говорят?» – удивился про себя Илай.

– Не забудьте про наконечник стрелы! – настаивал Эз.

Девелопер округлил глаза:

– Да, припоминаю, был найден и наконечник стрелы. Но это ровным счетом ничего не доказывает. Наверняка мальчишки играли здесь в индейцев и ковбоев, только и всего.

Эз Томпсон подошел ближе:

– На наконечники от стрел нам плевать. Мы тревожимся за наших предков. Вы знаете, что такое полтергейст? Если вы нарушите покой мертвых, в домах, которые вы здесь постройте, не будет мира.

«Интересно, имеет ли старик какое-то отношение к этой земле?» – подумал Илай. Насколько он помнил, Эз перебрался в Комтусук откуда-то с запада. В городе он жил почти так же долго, как и сам Илай, но с этим участком его ровным счетом ничего не связывало. Несомненно, он выступает против застройки из чисто принципиальных соображений.

– Вы слышали? Он угрожает! – обратился к Илаю Род.

Эз рассмеялся:

– Чем это я вам угрожаю?

– Проклятием... колдовством... в общем, всякой чертовщиной.

Старый индеец вытащил трубку, зажег ее и глубоко затянулся. Слова его поднимались в воздух вместе с дымом:

– Значит, вы верите во «всякую чертовщину», мистер ван Влит? Даже если это не так, скоро вам придется поверить.

– Послушайте, Эз, – подал голос Илай. – Я знаю, вы все недовольны застройкой. Но если вы хотите ее остановить, следует обратиться в суд.

– Когда государство в последний раз заявило, что действует во благо племени абенаки, нас едва не стерли с лица земли, – покачал головой Эз. – Нет, детектив Рочерт, мы не станем искать справедливости в ваших судах.

– В *его* судах? – Уинкс, вскочив на ноги, отряхивал джинсы. – Илай, кто тебе сказал, что синяя форма сделала твою кожу менее красной?

Не раздумывая, полицейский бросился на тщедушного Уинкса, схватил его за лацканы и с силой прижал к бульдозеру. Ватсон подскочил к ним, оскалив зубы. Затылок Уинкса с глухим стуком ударился о металл. Илай тут же опомнился, опустил руки и с трудом перевел дыхание, ощущая на себе взгляд Эза Томпсона.

Детектив отвернулся, кликнул пса. В памяти у него внезапно ожила картинка из давнего прошлого. Лето. Он на рыбалке с родственниками матери. Смуглые босоногие дети без устали играют в пятнашки, так что трава примята на милю вокруг... Лишь в десятилетнем возрасте Илай осознал, что озеро Питаубагв – «вода между берегами» – на карте носит название Шамплейн.

Он кивнул водителю бульдозера, давая понять, что можно приступать к работе. Отвернулся от индейцев и пошел прочь, пытаясь вернуть утраченное самообладание.

Неделю спустя после своего приезда в Комтусук Росс брел вдоль берега по мелководью, не обращая внимания на мелкую гальку, царапавшую босые ноги. Вода была холодной – слишком холодной для августа, – но это его ничуть не смущало. Любые ощущения, даже вызывающие дискомфорт, были ему приятны. Слишком долго он вообще ничего не чувствовал.

Озеро Шамплейн – такое длинное, что невозможно окинуть его взглядом из конца в конец. На противоположном берегу, подобно солдатам в карауле, высятся горы Адирондак. Именно на том берегу, в северной части штата Нью-Йорк, родилась Эйми. В тот день, когда небо рухнуло на землю, Росс с невестой ехали в гости к ее родителям.

Однажды в книжном магазине на Манхэттене, где работал Росс, один из авторов прочел лекцию о погребальных ритуалах. Из этой лекции Росс узнал, что тибетские монахи срезают с тела умершего плоть и оставляют ее на съедение хищным птицам. На Бали устраивают пышную церемонию кремации, но прежде тело усопшего помещают в расписной бамбуковый саркофаг, долго вертят и трясут его, чтобы у духа закружилась голова и он не смог отыскать дорогу назад.

В тот вечер Росс работал: он должен был расставить стулья в маленьком зале; сложить на столе книги, чтобы автор мог оставить на титуле автограф; принести бутылку минеральной воды. Публика собралась необычная: ученые-социологи в твидовых пиджаках сидели бок о бок с юнцами в черных готических одеяниях, с ирокезом на голове. Всю лекцию Росс стоял у стены и поражался, какое великое множество странных обрядов люди придумали, прощаясь с теми, кто оставил этот мир.

Эйми вошла в зал посреди лекции. Она была в бледно-зеленом медицинском костюме. «Наверное, ей холодно», – сразу подумал Росс. Этот костюм она иногда носила дома вместо пижамы. Но сегодня ей пришлось идти в нем по декабрьским улицам.

«Случилось что-то ужасное» – такова была следующая мысль Росса.

– Привет! – Он схватил ее за руку, когда она проходила мимо, глядя в пространство невидящими глазами.

Она ткнулась носом ему в грудь и разразилась рыданиями. Несколько человек обернулись в их сторону, на лице лектора мелькнуло недовольство.

Сжав руку Эйми, Росс повел ее в ту часть магазина, где стояли книги по садоводству, не вызывающие особого интереса у жителей Нью-Йорка. Там всегда было пусто. Он взял ее лицо в ладони. Сердце его колотилось, предвкусывая печальную весть. У нее обнаружили рак. Она беременна. Она его больше не любит.

– Мартин умер, – выдохнула Эйми.

Росс крепко обнял ее, пытаясь сообразить, кто такой Мартин. Ах да, конечно, как он мог забыть! Мартин Биренбаум, пятидесяти трех лет, пострадал во время пожара на химическом предприятии. Ожоги третьей степени на восьмидесяти пяти процентах тела. Эйми, сту-

дентка-третьекурсница, проходившая практику в отделении реанимации, делала все, чтобы облегчить его страдания. Обработывала раны, смазывала их сальвадином. Когда Мартин спросил, умрет ли он, Эйми, посмотрев ему в глаза, ответила «да».

Это был первый пациент, умерший у нее на руках. Она знала, что не забудет его до конца своих дней.

– Я смотрела, как он умирает, и ничем не могла помочь, – всхлипывала Эйми. – Может, потом я привыкну к смерти. А может, и нет. Знаешь, Росс, иногда я думаю, что мне не стоит заниматься медициной. – Внезапно она подняла голову и пристально взглянула на него. – Когда я буду умирать, прошу тебя, будь рядом. Так же, как я была сегодня рядом с Мартином.

– Ты не умрешь...

– Росс, мы все когда-нибудь умрем. Обещай, что будешь рядом!

– Нет! – отрезал он. – Я не могу этого обещать, потому что умру первым.

Эйми замолчала, потом неуверенно рассмеялась:

– Ты что, уже купил билет на тот свет?

– Гуэй, или голодные призраки, – это души китайцев, которые умерли насильственной смертью, – долетел до них голос лектора. – Исполненные обиды, они часто возвращаются на землю и строят живым всякие пакости.

– Что за чертовщину он несет, Росс? – удивленно спросила Эйми.

– Именно что чертовщину, – пожал тот плечами.

Росс сопровождал Эйми на похороны Мартина Биренбаума. После этого они никогда не вспоминали о нем. За время ее практики умерло еще несколько пациентов. Но Эйми больше об этом не заговаривала. В конце концов, подобно большинству врачей, она примирилась с тем, что смерть – это естественное завершение жизни.

Росс швырнул в озеро плоский камешек, который, подскочив пару раз, пошел ко дну, прежде чем второй брошенный им камень коснулся поверхности воды. Эйми кремировали... Прах ее – там, на другом берегу озера, у ее родителей. Как они с ним поступили, Росс не знал: через три года после смерти Эйми он перестал отвечать на их звонки и письма – это причиняло ему слишком сильную боль.

Росс надел ботинки и вернулся к машине. Сев за руль, он вспомнил еще одну историю, рассказанную лектором в книжном магазине. Мексиканцы верят, что в году есть особенный день, когда поднимается завеса, отделяющая этот мир от потустороннего, и души умерших посещают тех, кого оставили здесь.

Когда я буду умирать, прошу тебя, будь рядом.

Его не было рядом. Тем не менее он до сих пор не может расстаться с ней.

Институт Дженера находился в Вашингтоне, Ди-Си⁴, и из окна кабинета Мередит Оливер открывался вид на мемориал Джефферсона. Она находила в этом некоторую иронию. Дело в том, что многие ученые, работающие в той же сфере, что и она, отвергли концепцию, согласно которой все люди созданы равными. По их мнению, на протяжении всей истории человечества выживали сильнейшие.

Мистер и миссис де ла Корриа сидели напротив Мередит, то и дело нервно поглаживая друг друга по руке.

– У меня для вас хорошие новости, – с улыбкой сообщила она.

Мередит занималась предимплантационной генетической диагностикой уже десять лет и успела понять: ожидание результатов исследования порой является для супружеской пары большим стрессом, чем сама процедура искусственного оплодотворения.

⁴ Вашингтон, Ди-Си – так американцы называют свою столицу, во избежание путаницы со штатом Вашингтон. В разговорной речи допустимо просто «Ди-Си», от официального названия: округ Колумбия (англ. District of Columbia).

– У нас есть три жизнеспособных эмбриона.

Карлос де ла Корриа страдал гемофилией. Опасаясь передать недуг своему потомству, они с женой решили прибегнуть к ЭКО, что давало возможность тщательно проверить каждый эмбрион. В утробе матери окажутся лишь те из них, что свободны от гена гемофилии.

– Мальчики среди них есть? – спросил Карлос.

– Два.

Мередит взглянула ему в глаза. Ген гемофилии несут X-хромосомы. Это означает, что ребенок мужского пола, произведенный четой де ла Корриа, не сможет передать болезнь своему потомству. Следовательно, если у супругов будут только мальчики, будущие поколения семьи избавятся от гемофилии.

Карлос подхватил свою жену на руки и закружил ее по маленькому кабинету Мередит. Интересно, что бы сказали все эти ханжи, считающие генную инженерию неэтичной, став свидетелями подобного счастливого момента? На столе Мередит стояли две фотографии. На одной – Люси, на другой – первая пациентка Мередит, сияющая молодая мать с новорожденным сыном на руках. Женщина страдала кистозным фиброзом. Благодаря Мередит ребенок родился совершенно здоровым.

Миссис де ла Корриа, еле переводя дух, опустила в кресло.

– А девочка? – едва слышно спросила она.

– Третий эмбрион является носителем дефектного гена, – ответила Мередит. – Мне очень жаль.

Карлос сжал руку жены.

– Ничего страшного! – воскликнул он с воодушевлением. – У нас будут мальчишки-близнецы, и это здорово!

Для того чтобы «мальчишки-близнецы» появились на свет, нужно было преодолеть еще множество препятствий. Вероятность того, что эмбрионы не приживутся, была довольно велика. Но Мередит выполнила свою часть работы. Теперь настал черед других специалистов Института Джеррера – тех, кто занимается непосредственно оплодотворением. Мередит с улыбкой выслушала благодарности и протянула миссис де ла Корриа лист назначений.

Предстояло еще две консультации. После этого Мередит собиралась заняться лабораторной работой. Она достала из кармана очки для чтения – необъяснимое позерство мешало ей надевать их при посторонних. Вытащила шпильку, которой ее волосы были скоты в подобие узла, и густые золотисто-медовые кудри рассыпались по плечам. Наверное, Бог хотел подшутить над ней, наградив буйной, непослушной гривой, ведь Мередит Оливер была просто помещана на порядке и аккуратности. Она потеряла покрасневшие от утомления карие глаза.

– Сегодня вечером не буду работать, – произнесла она. – Поеду домой, приму горячую ванну и прочитаю Люси что-нибудь более увлекательное, чем статья из журнала «Териогенология».

Ей казалось, что, озвучив свое намерение, она повышает шансы осуществить его.

– Доктор Оливер? – В дверях появилась секретарь Мередит с листком бумаги в руках. – Супруги де ла Корриа подписали документ.

Мередит прекрасно знала, о каком документе идет речь. Де ла Корриа давали согласие на уничтожение третьего, женского эмбриона.

– Надо подождать результатов оплодотворения. Возможно, ни один из эмбрионов не приживется, и тогда... – Мередит осеклась.

Эмбрион-девочка не понадобится в любом случае. Супруги де ла Корриа не хотят иметь ребенка, который является носителем дефектного гена. Несомненно, они предпочтут остаться бездетными. Кстати, женщины не болеют гемофилией, и девочка, скорее всего, появилась бы на свет совершенно здоровой. Возможно, она унаследовала бы от матери блестящие темные волосы, а от отца – огромные глаза орехового цвета.

Мерedit поставила на документе свою подпись и положила его на стол.

– Пришли супруги Альбертсон, – сообщила секретарь.

– Пусть подождут пару минут.

Как только дверь закрылась, Мерedit схватила телефон и позвонила домой. Наверняка Люси сидит за кухонным столом; две косички у нее за спиной напоминают модель человеческого генома. Она делает домашнее задание, решая, где надо вписать «U», а где «V». «Ula unrolled uneven umbrellas»⁵. В трубке раздался голос Люси:

– Аллю!

– Привет, Вермишелька.

– Мама! Ты сейчас где?

– На Юпитере. А ты?

– А я в пустыне Каламари.

– Наверное, все-таки Калахари, – улыбнулась Мерedit.

– Когда ты приедешь домой?

– Скоро.

В трубке на мгновение повисло молчание.

– До того, как стемнеет?

Мерedit прикрыла глаза.

– Я вернусь к обеду, – пообещала она. – Скажи об этом бабушке Руби. И пока я не приеду, не ешь больше шоколадного печенья.

Люси удивленно вздохнула:

– Мама, но откуда ты знаешь, что я...

– Потому что я твоя мама. Люблю тебя.

Мерedit положила трубку и снова скрутила волосы в узел. Сунула руку в ящик стола, надеясь найти резинку для волос, но обнаружила лишь несколько пластмассовых скрепок, которые иногда служили ей заколками. Взгляд ее упал на бумагу, лежавшую на столе. Подчинившись внезапному импульсу, Мерedit спрятала документ в нижний ящик. Пусть это согласие пока полежит здесь.

Она нажала кнопку, подавая посетителям сигнал войти. Через мгновение в кабинете появились супруги Альбертсон. Вид у них был смущенный и растерянный, как и у большинства супружеских пар, приходящих сюда впервые. Мерedit протянула руку:

– Я доктор Оливер. Буду заниматься вашим случаем. И постараюсь вам помочь.

Эз знал: если дойдет до дела, он не сможет выгнать из гранитного карьера «Ангел» и белку, не говоря уже о вооруженном злоумышленнике. Хозяева держали Эза в качестве охранника то ли из милосердия, то ли из жалости. А может, причина была в том, что он довольствовался ничтожной зарплатой, ибо совершенно не представлял, что делать с деньгами. К счастью, в карьер вела всего одна дорога, да и за той Эз следил не слишком усердно. Большую часть времени он проводил в конторе карьера, в тесном закутке, где на стенах висело несколько мониторов, позволяющих наблюдать за разными участками территории. Как правило, Эз уделял особое внимание четвертому экрану – там транслировались игры «Ред сокс».

– Эх ты, рохля, – пробормотал Эз, с укором глядя на нападающего. – И за что только тебе платят одиннадцать миллионов баксов в год?!

«Ангел» был одним из многочисленных гранитных карьеров Вермонта. Прожилки гранита тянулись по скалам, извилистые, как морщины на лице Эза. Прежде в скалах вручную просверливали отверстия, закладывали взрывчатку, дробили камень и отправляли его на экспорт. Теперь техникой управляли компьютеры. Работая по ночам, Эз не встречал здесь ни

⁵ «Ула открыла разные зонты» (англ.).

одной живой души... Насколько он знал, днем в карьере тоже было безлюдно. Иногда старику казалось, что он единственный человек, который здесь трудится.

Он охранял карьер уже тридцать лет, и за это время ему пришлось подать только два отчета о происшествиях. Однажды во время грозы взорвались заряды, предназначенные для использования на следующий день. Второй случай был связан с самоубийцей – тот перелез через ограждение и спрыгнул со скалы на острые камни. Придурок сломал обе ноги, однако пошел-таки на поправку и занялся интернет-бизнесом.

Эзу нравилось работать по ночам, он любил одиночество. Иногда, обходя карьер, старый индеец старался ступать как можно тише и тогда слышал, как распускаются на деревьях почки. Он ощущал запахи разных времен года. Иногда он лежал на спине, подложив руки под голову, и смотрел на звезды, образующие созвездия его жизни: злобный Телец разочарования, шаткие Весы справедливости, Близнецы, напоминающие о двух женщинах, которых он любил и давным-давно потерял.

«Хотелось бы знать, что сейчас происходит на Оттер-Крик-Пасс», – думал Эз. На этой неделе протесты племени абенаки против застройки бывшего кладбища усилились до такой степени, что привлекли внимание общественности. К тому же в городе произошел весьма странный случай: проснувшись однажды утром, местный пьяница Эббот Тул обнаружил, что его волосы, всю жизнь прямые, теперь выются барашком! Бедолага немедленно бросился в церковь, где провел целый день, взывая к милосердию Иисуса и упрекая призраков за то, что они над ним насмеются. По Комтусуку поползли слухи, их нашествие было сродни метели из белых лепестков, что припорошили крыши машин и забили стоки в душах открытого бассейна.

Если бы Род ван Влит был чуть поумнее, то завез бы все строительное оборудование на площадку глубокой ночью, когда индейцы мирно храпят в своих палатках. Им повезло, что представитель компании «Редхук» такой непроходимый болван. Учитывая неорганизованность протестующих, это ставило обе стороны в равное положение.

Эзу показалось, что справа от него пролетел светлячок. В следующее мгновение старик осознал: то был вовсе не светляк, а блуждающий огонек на темном экране, показывающем северную часть карьера, где велись наиболее активные разработки. Эд ощутил, как его окатило жаром, – это было привычное, хорошо знакомое возбуждение. Нахлобучив шапку, он направился к месту, где вспыхнул огонек. С каждым шагом с него слетали годы, и вскоре он вновь стал сильным, прямым и могучим, как дуб, пробивающий своей верхушкой небо.

Росс не знал, кого больше упрекать – Итана, заронившего в его душу опасные семена, или самого себя за то, что серьезно отнесся к словам племянника. Итан сказал: всем в городе известно, что в карьере «Ангел» водятся призраки... Росс медленно пробирался по узкой тропе, пока не почувствовал: волосы у него на затылке встали дыбом. Фонарь решил пока не включать. Работая у Уорбертонов, он убедился, что свет порой может испортить все дело. Власти обычно оставляют охотников за привидениями в покое, но нарушение границы чужих владений в любом случае остается правонарушением. Если ты исследуешь кладбище, то должен быть готов в любую минуту вскочить в машину и скрыться задним ходом, с выключенными фарами. И уж конечно, если глубокой ночью ты пробрался на чужой участок, надо постараться стать как можно незаметнее.

Хотя Росс заявил сестре, что больше не занимается паранормальными исследованиями, мысль об Эйми заставила его совершить еще одну, последнюю попытку. Он съездил в Берлингтон, в магазин, торговавший уцененной электроникой, и купил видеокамеру, реагирующую на инфракрасное излучение. За обедом Росс сказал Шелби, что сегодня вечером у него свидание.

– Правда? – Шелби так просияла, что у Росса сжалось сердце. – И с кем же?

– Ты ее не знаешь.

– Я ужасно за тебя рада, Росс! – улыбнулась Шелби.

Скверно, конечно, что пришлось врать сестре. Тяжело было вспоминать, как перед самым отъездом она подошла к его машине, наклонившись к окну, поправила воротник его рубашки и сказала, что он может возвращаться когда угодно, – дверь дома будет открыта.

И теперь, пока его сестра утешалась мыслью о том, что он проводит время с женщиной, Росс укрепил свой фонарь на выступе скал и установил видеокамеру на штатив.

– Ни черта я здесь не увижу, – бормотал он при этом.

Заглянул в видоискатель и чертыхнулся еще раз.

Ведь он же решил завязать с этой фигней. Он больше не верит в призраков.

Но вдруг именно нынешней ночью что-то произойдет? Он не может уйти отсюда, ничего не выяснив. Если Итан говорил правду и в карьере действительно произошло убийство, вполне вероятно, в этих местах по-прежнему обретается не знающий покоя дух. Призрак, который не попал на небеса, потому что не завершил свои земные дела. Подобная участь нередко постигает души людей, погибших насильственной смертью, а также покончивших жизнь самоубийством, не оставив предсмертной записки. А иногда призраки остаются на земле, потому что не хотят расстаться с теми, кого любили.

Росс знал: если повезет, он заснимет на камеру блуждающие огни, один или два светящихся шара. Возможно, ему удастся зафиксировать так называемый феномен электронного голоса. И если окажется, что в этом карьере действительно происходят паранормальные явления, возрастет шанс на то, что дух Эйми еще не покинул эту землю.

Росс понятия не имел, где именно произошло убийство, поэтому установил камеру там, где подсказала ему интуиция. Зарядив камеру пленкой, проверил батарейки и замер в ожидании.

Внезапно его ослепил свет сильного фонаря.

– Сейчас объясню, что я здесь делаю... – начал Росс.

Но слова замерли у него на губах, когда он увидел древнего старика в поношенной форме охранника; в глазах старца, казалось, отражался весь мир. Росс не сомневался, что перед ним призрак.

– Кто вы? – хриплым шепотом спросил нарушитель, и глаза у него полезли на лоб, словно он ни разу в жизни не видел индейца.

Откровенно говоря, это взбесило Эза.

– Вы вторглись в частные владения, – процедил он.

– Прежде это была ваша земля, да?

Господи боже, а еще говорят, что все индейцы наркоманы или чокнутые! Конечно, Эз чертовски стар, да и форма эта служит ему уже четверть века, но все же... Вообще-то, парень выглядел вполне нормальным... судя по длинным темным волосам, не исключено даже, что в жилах его текло несколько капель крови абенаки. Эз ощутил легкий укол жалости.

– Слушай меня внимательно. Чем бы ты тут ни занимался, бери свои вещички и убирайся прочь. А я никому не скажу, что тебя видел.

Парень кивнул – и вдруг, резко протянув руку вперед, попытался коснуться Эза. Испуганный индеец отшатнулся и выхватил резиновую дубинку.

– Прошу вас... разрешите задать вам несколько вопросов, – пробормотал парень.

«Господи боже, того и гляди из-за этого придурка пропустишь седьмой иннинг», – подумал Эз.

– Вы здесь живете? – спросил странный тип.

– Нет, я живу не здесь, и у меня нет вигвама, если это твой следующий вопрос, – проворчал Эз. – А теперь выключай эту штуковину и убирайся...

– Вы можете меня коснуться?

– Я могу выбить из тебя дурь, если будешь продолжать в том же духе. Из-за тебя я пропущу классную игру. Сегодня «Ред сокс» играет против «Янкиз».

Нарушитель на глазах начал гаснуть. Именно гаснуть, иначе не скажешь. Подобное угасание Эз наблюдал, сидя у постели умирающего друга. Свет, исходящий от человека, неумолимо блекнул, пока не исчезал совсем.

– «Ред сокс»... – пробормотал парень. – Значит, вы не призрак.

– Я, конечно, очень стар, но, черт побери, пока еще не умер!

– Простите, мне показалось. Вы... – Нарушитель затряс головой, потом протянул руку. – Меня зовут Росс Уэйкман.

– И ты сумасшедший, да?

– В какой-то степени. – Росс запустил пятерню в волосы. – Я занимаюсь исследованием паранормальных явлений. Точнее, занимался прежде.

– Ну и как, нашел что-нибудь? – пожал плечами Эз.

– А здесь есть что искать? – спросил Росс после короткой паузы.

– Лично я ничего такого не видел. По крайней мере, здесь.

– А в других местах?

Эз пропустил вопрос мимо ушей:

– Тебе нельзя здесь оставаться. Это частные владения.

Росс принялся неспешно собирать вещи.

– Я слышал, много лет назад здесь произошло убийство, – проронил он, искоса взглянув на Эза.

– Да, так говорят.

– А вам об этом что-нибудь известно?

Эз окинул карьер взглядом:

– Это случилось до того, как я стал здесь охранником.

– Понятно, – кивнул Росс и закинул на плечо сумку с камерой. – Еще раз прошу прощения... за свою идиотскую ошибку.

– Ерунда, – буркнул Эз.

Росс двинулся к своей машине, Эз остановился у железных ворот. Прежде чем Росс открыл дверцу, старый индеец окликнул его:

– Эй, парень! Чей призрак ты ищешь? Может быть, ты на верном пути.

Затем индеец вернулся в свою будку, оставив Росса размышлять, что же означали эти слова – обещание или угрозу?

В течение следующих недель жителям городка Комтусук пришлось столкнуться с множеством странных явлений.

Матери, просыпаясь, ощущали, как подступают слезы; ком в горле мешал позвать детей. Бизнесмены, замечая свое отражение в зеркальных панелях, не узнавали собственного лица. Парочки в припаркованных на мысу машинах, сплетаясь в объятии, наблюдали, как клятвы в вечной любви, которые они нашептывали друг другу, превращаются в радужные пузыри и тут же лопаются.

Шелби Уэйкман обнаружила, что все северные окна ее дома густо облепили божьи коровки. Род ван Влит смог проехать в автомобиле, предоставленном ему компанией, не более мили, ибо из кондиционера исходил запах ягод, столь сильный, что воздух в салоне «тауруса» стал густым и приторным, как джем. Спенсер Пайк однажды вечером обнаружил у себя под подушкой три ярко-голубых яйца малиновки.

Итан украдкой бросал взгляды на солнце, хотя прекрасно знал, к каким печальным последствиям это может привести.

Кошки покидали свои дома и стаями устремлялись к реке – купаться. Уровень воды в озере Шамплейн поднимался и опускался по несколько раз в день. Буйно разрастались розы, которым вдруг стало тесно в плену садовых шпалер и подпорок. Вкус всех знакомых блюд стал совершенно иным.

Несмотря на теплый август, земля на спорном участке у Оттер-Крик-Пасс промерзла, поэтому начать строительство на индейском кладбище было невозможно. Так метафизическая проблема обрела физическое воплощение.

– Ну и что ты об этом думаешь? – спросил Уинкс Улыбающийся Лис, с кряхтением отодвинув барабан на несколько футов влево.

Они сидели на земле, ощущая исходящий от нее холод. Тем не менее вокруг в изобилии росли одуванчики.

История знала случаи, когда здесь, в Новой Англии, земля промерзала летом. Имелись документальные подтверждения этого природного феномена. В 1794 году альманах «Старый фермер» предсказал мороз в июле; выяснилось, что это была типографская ошибка, однако предсказание сбылось после извержения вулкана Везувий. Облака пепла, взлетевшие в воздух, создали подобие ядерной зимы. Каждые несколько лет в Вермонт приходил так называемый черничный мороз: температура опускалась ниже нуля и ягоды на кустах засыхали. Но во всех этих случаях природная аномалия охватывала значительные территории, а не крошечный клочок земли.

– Помнишь истории про Эзебана? – спросил Уинкс. – Когда мы были детьми, старики часто о нем рассказывали. И теперь эти рассказы все время приходят мне на ум.

– Эзебан? – переспросил Толстый Чарли. – Хитрец и обманщик?

– Угу, – кивнул Уинкс. – Насколько я помню, он все время строил другим козни, которые оборачивались против него самого. Например, как-то раз он решил затоптать спящего огненного лиса, а в результате загорелся его собственный хвост.

– Сейчас здесь не помешал бы небольшой пожар...

– Нет, Чарли, – вступил в разговор Эз. – Уинкс говорил не об этом. Если ты замышляешь против других плохое, оно непременно вернется к тебе.

Друзья взяли в руки барабанные палочки. Они коротали время, сплетая свои голоса, будто ткали длинный и прочный узорчатый пояс. Если бы не песни, которые они пели на своем почти забытом родном языке, трудно было бы догадаться, что эта небольшая группа людей принадлежит к племени абенаки. Они хорошо усвоили уроки прошлого века, их предки вступали в браки с белыми, принимали их фамилии и производили на свет отпрысков с европейскими чертами лица. Уинкс был светловолосым, а Толстый Чарли белокожим, как ирландец.

– Как вы считаете, этим не закончится? – спросил Уинкс. – Я имею в виду: всякие странные вещи будут происходить и дальше?

То, что он хотел сказать, было понятно без всяких уточнений. Помимо промерзшей земли, возникло еще одно неожиданное затруднение. Владелец компании, предоставляющей в аренду технику, сообщил, что все вакуумные пылесосы, с помощью которых они чистили экскаваторы, вышли из строя. Они забиты цикадами.

– В городе говорят: если индейцы не отвоюют свою землю у компании «Редхук», это сделают духи, – изрек Толстый Чарли.

– Духов можно понять, – усмехнулся Уинкс. – Если бы мою могилу собирались раскопать бульдозером, мне бы это пришлось не по нраву. И уж конечно, я устроил бы наглем потеху: восстал бы из гроба, потрясая цепями. Вы видели археолога, который сюда приезжал? Когда ему казалось, что его никто не слышит, он нашептывал «Отче наш». Пытался отпугнуть духов и при этом делал вид, что их не существует.

– Глупо делать вид, что духов не существует, – заявил Толстый Чарли. – В прошлом году я собственными глазами видел призрак своего двоюродного прадедушки. Ты ведь тоже видел призраков, Эз?

– Не все призраки одинаковы. Одни время от времени возвращаются в этот мир, другие не могут его покинуть, – изрек Эз, достал нож и принялся обстругивать ветку. – Когда-то в племени абенаки жила одна девушка. Родители запретили ей выйти замуж за парня, которого она любила, и она повесилась на березе, росшей на вершине холма. После похорон ее возлюбленный пошел к этой березе и тоже повесился. А если индеец повесится, его дух не может попасть на небо. Он заперт в теле, как в ловушке. – Эз тронул пальцем заостренный конец ветки. – Так вот, после смерти этой пары над холмом по ночам стали появляться два голубых огня.

Уинкс подался вперед, упершись локтями в колени:

– Кто-нибудь пытался подойти к этим огням?

Эз вновь принялся орудовать ножом. Он чувствовал, что где-то позади стоит Род ван Влит, изо всех сил притворяясь, что не слушает.

– Нет, к ним никто не приближался, – проронил Эз. – Таких дураков не нашлось.

– Итан?

Итан вздрогнул, услышав голос матери. Прежде чем она открыла дверь в его спальню, он успел отскочить от зашторенного окна и сунуть солнцезащитные очки в щель между стеной и кроватью.

– Привет, – улыбнулся он вошедшей в комнату Шелби.

Она окинула ястребиным взором смятую постель, шляпу на голове Итана, задернутые шторы. Прищурившись, подошла к сыну и опустила пониже рукав его рубашки, прикрыв запястье.

– Я еду на работу, – сообщила она. – А тебе пора спать.

– Но я не устал, – возразил Итан. «А вот мама наверняка валится с ног, – подумал он. – Ведь по ночам она не спит вместе со мной, а днем работает в городской библиотеке». – Мама, а ты устала?

– Еще как, – улыбнулась она и поцеловала его на прощание.

Он подождал, когда за ней закроется дверь. Вот каблук застучали по плиткам кухонного пола. Долетел мамин голос – она обменялась с дядей Россом парой фраз о том, до какого часа можно разрешать Итану не ложиться и что делать в экстренных случаях. Когда все стихло, Итан сунул руку под кровать и нашарил темные очки в серебристой оправе. Надвинул шляпу до самых бровей. Подошел к окну, приподнял штору и, как котенок, свернулся на подоконнике. Через несколько минут его молочно-белая кожа покрылась красными пятнами, но Итана это ничуть не заботило. Он был готов на все, лишь бы доказать самому себе, что он тоже является частью этого мира.

Ученые из Научно-технической лаборатории армии США по изучению холодных районов прибыли в Комтусук из Гановера, Нью-Гэмпшир, и целый день потратили на то, чтобы извлечь образцы почв для исследования. Для этого были использованы специальные буры, способные глубоко вгрызаться в твердую как камень, промерзшую землю. С Родом ван Влитом эти серьезные ребята почти не разговаривали. Они приехали сюда из научного интереса и рассуждали исключительно о том, как состав почв влияет на глубину промерзания. Но сотрудники лаборатории не могли объяснить, какова причина этого явления и почему оно произошло именно здесь.

Парень из Института полярных исследований имени Скотта заявил, что это похоже на вечную мерзлоту, феномен, возникающий, когда температура на поверхности земли остается ниже точки замерзания в течение двух или более лет. В случае с участком у Оттер-Крик-Пасс

ничего подобного, разумеется, не наблюдалось. Полярный исследователь долго рассуждал об особенностях порового, сегрегационного льда, о пинго – буграх с ледяным ядром – и напомнил Роду, что, согласно одной из теорий, рельеф в окрестностях Берлингтона имеет ледниковое происхождение.

Датские ученые осведомились по телефону, не повлияло ли внезапное промерзание почвы на процессы, происходящие в атмосфере. Они желали также знать, не собирается ли компания «Редхук» отказаться от застройки этого участка, всецело предоставив его для научных исследований.

Несмотря на огромный багаж знаний, никто из ученых не смог объяснить природу чудес, происходящих в городе. Они даже не смогли понять, почему у всех приезжающих в Комтусук возникает неодолимое желание отведать банановых чипсов, засахаренных фиалок и домашнего пудинга. Подобное явление характерно для регионов с холодным климатом, утверждали теоретики, но это звучало не слишком убедительно.

Вернувшись в свои институты и академические городки, ученые мужи смахнули прилипшие цветочные лепестки с пробирок и образцов и быстро позабыли про все эти причуды природы. Им было хорошо известно то, в чем недавно убедились жители Комтусука: граница между сверхъестественным и обыденным в этом мире тонка и проницаема, а в среде, неблагоприятной для человека, могут процветать непознаваемые сущности.

В городской библиотеке Комтусука посетителей, к счастью, было немного – она попросту не вместила бы большого наплыва любителей чтения. Крошечные комнатки, буквально нанизанные одна на другую, как бусинки в ожерелье, подходили скорее для скромного ресторанички, нежели для книгохранилища. Больше всего народу здесь бывало по четвергам с утра, когда сюда приводили десятка три дошкольников. Они предвкушали очередную сказку, растянувшись на животе прямо на полу в обеих комнатках детского отдела. Библиотекарь читала им вслух, и ей приходилось расхаживать туда-сюда, чтобы ее могли видеть и слышать все малыши.

Книжные полки громоздились повсюду – на стенах, в углах, посреди комнат. Некоторые стеллажи можно было поворачивать в случае необходимости. Сотрудники библиотеки пускались на всяческие ухищрения, пытаясь разместить огромное количество книг в столь неподходящем пространстве. Дежурный библиотекарь (утром в субботу и воскресенье дежурила Шелби) был обязан знать систему десятичной классификации Дьюи, владеть различными программами компьютерного поиска и, разумеется, ориентироваться среди стеллажей, находя книги, вычисленные путем столь сложных изысканий. Но к счастью, большую часть рабочего времени Шелби могла заниматься, чем душе угодно. Больше всего ей нравилось смаковать слова.

Да, Шелби смаковала слова, как гурман смакует лакомое блюдо. Каждый слог она сначала долго катала на языке, а потом проглатывала, наслаждаясь его вкусом. Иногда она, сидя со словарем на коленях, читала его с такой напряженной сосредоточенностью, словно перед ней был захватывающий детектив. Griseous – крапчатый. Kloof – овраг. Nidicolous – выведенный в гнезде.

Шелби воображала, как в один прекрасный день Мередит Виейра пригласит ее в шоу «Кто хочет стать миллионером?». Или, может, позвонит какой-нибудь радиодиджей, готовый подарить целое состояние тому, кто знает значение редкого слова. «Pilose? – повторит она несколько растерянно, словно ее поставили в тупик, а потом проямлит, изображая неуверенность: – Покрытый мягкими волосами».

Шелби четыре года проучилась в колледже и еще два в магистратуре и была достаточно умна, чтобы понимать: слова служат ей для той же цели, для какой жители прибрежной полосы используют мешки с песком. С помощью слов она создавала буферную зону между собой и

окружающим миром. Она знала также, что способна выучить все до единого слова в словаре, но это не поможет ей понять, почему ее жизнь сложилась так, а не иначе.

Она тревожилась за Итана. Она тревожилась за Росса. Она была так погружена в ежедневные заботы, что это не позволяло ей слишком переживать по поводу одного печального обстоятельства: в этом мире нет человека, который заботился бы о ней.

Библиотека пустовала. В эти дни даже постоянные посетители были слишком увлечены чудесами, происходящими в городе, и позабыли о книгах. Что до Шелби, ее беспокоила лишь необходимость постоянно сметать лепестки роз с библиотечного крыльца. Она не ломала себе голову над тем, не является ли все это предзнаменованием каких-либо грозных событий. Армагеддон, глобальное потепление, нашествие призраков – версии, с жаром обсуждаемые в городе, ничуть ее не волновали. Для женщины, вся жизнь которой являлась сплошным отступлением от нормы, дополнительная порция аномалии прошла практически незаметно.

Дверь заскрипела, и Шелби вскинула голову. В комнату вошел посетитель, которого она никогда прежде не видела. Мужчина в дорогом костюме – такой не найдешь ни в одном магазине в радиусе пятидесяти миль. Однако с этим господином было что-то не так. Галстук сбился на сторону, лицо почти такое же бледное, как у Итана. Незнакомец окинул взглядом стеллажи, заставленные справочниками и энциклопедиями:

– Это библиотека?

– Она самая. Могу я вам помочь?

Взгляд его заметался по комнате, как птица, но в конце концов остановился на Шелби.

– А вы что, действительно можете здесь что-нибудь найти?

«Одним движением волшебной палочки», – усмехнулась про себя Шелби.

– Постараюсь, – сказала она. – Какую именно книгу вы ищете?

– Меня интересуют индейские кладбища. Хочу узнать, бывали ли в прошлом случаи, когда участки, где находились захоронения, застраивались. И если бывали, к чему это приводило. Так сказать, законные прецеденты.

– О, наверное, вы представитель строительной компании, – заметила Шелби.

Она повела посетителя вглубь библиотеки, где между полками с книгами по кулинарии примостился аппарат для просмотра микрофильмированных документов.

– Примерно год назад подобный конфликт возник в Свантоне. Думаю, для начала вам стоит поискать связанные с ним материалы.

– А вы, случайно, не помните, как этот конфликт разрешился?

– Спорный участок приобрело государство.

– О, замечательно! Великолепно! – Он шумно выдохнул и опустился на стул. – На земле в Свантоне тоже лежало проклятие?

– Простите?

Несколько мгновений он молчал, явно разочарованный ее неосведомленностью.

– Эти индейцы, они ведь как в таких случаях действуют... вызывают духов умерших предков и с их помощью изгоняют из города тех, кто им не угоден.

Шелби молча прикусила кончик пальца.

– Все, что мы хотим, – построить на этом месте торговый центр. Господи помилуй, у меня есть документ с подписью владельца земельного участка! Все чисто и абсолютно законно. Компания уже затратила на этот проект больше пятидесяти тысяч долларов. Повторяю, мы не допустили ни малейших отступлений от закона. И в результате чертова земля промерзает по непонятным причинам. Ночью я слышу какие-то голоса, которые стонут и завывают. Все мои рабочие уволились. Господи, сегодня утром меня кто-то сильно толкнул в спину! Я обернулся, а сзади никого нет! – Мужчина в упор взглянул на Шелби. – Как по-вашему, я схожу с ума?

– Разумеется, нет, – пробормотала Шелби.

Посетитель провел рукой по лицу:

– Сам не знаю, зачем я сюда пришел. Вы вряд ли сумеете мне помочь.

– Не смогу, – покачала головой Шелби. – Но кажется, я знаю человека, который вам нужен.

Росс устроился в гостиной перед телевизором. Звук был приглушен, чтобы не разбудить Итана; к экрану подключена видеокамера. Росс просматривал кадры, которые успел заснять в карьере. То и дело он перематывал пленку обратно, останавливал и внимательно вглядывался в изображение. Но нет, мерцание в углу экрана оказалось всего лишь игрой света. Ничего паранормального.

Росс выключил телевизор, откинулся на спинку дивана и утомленно закрыл глаза:

– Пустая трата времени...

– Ну как все прошло? – Шелби, войдя в гостиную, бросила сумку на диван.

– Итан жив-здоров.

– Я о твоём свидании. Может, расскажешь наконец, кто она, твоя избранница? Или это государственная тайна?

– Ты ее не знаешь.

– Откуда такая уверенность? – Шелби опустилась на диван рядом с братом. – А камера тебе зачем понадобилась?

Росс неуклюже попытался сменить предмет разговора:

– А у тебя как дела на работе?

– Кажется, сегодня я нашла работенку для тебя.

– Спасибо, но не думаю, что из меня получится хороший библиотекарь. Я не большой знаток по части каталогов и всякого такого...

– Да кто тебе доверит библиотеку? Об этом даже подумать страшно...

– И куда же ты хочешь меня устроить?

Шелби уселась поудобнее, подогнув под себя ногу, и начала:

– Сегодня в библиотеку пришел человек по имени Род ван Влит. Он работает в строительной компании, которая приобрела тот самый участок рядом с Оттер-Крик-Пасс...

– Где-где?

– Это не имеет особого значения. Важно то, что он уверен: на этой земле хозяйничают призраки. – Шелби торжествующе улыбнулась. – Теперь ты догадался, где тебе предстоит работать?

Росс стиснул зубы, потом процедил:

– Слушай, если дело в деньгах, я говорил, что готов платить тебе за жилье и...

– Росс, прекрати пороть чушь! Я обещала, что познакомлю вас, потому что подумала: это дело тебя заинтересует. Я же вижу, как ты хандришь и киснешь. По целым неделям не выходишь из дому.

Росс встал, отключил видеокамеру от телевизора и упаковал ее в обшарпанную сумку.

– Прости, если разочаровал тебя, – пожал он плечами. – Я приехал сюда, чтобы пожить спокойно. Не думал, что это тебя раздражает.

– Пожить спокойно? Ты уверен, что приехал сюда именно пожить? – Шелби тоже поднялась и приблизилась к брату вплотную. – Мне иногда кажется, ты ищешь место, где можно спокойно умереть!

Несколько секунд Росс смотрел ей прямо в глаза:

– Шел... Однажды я уже пытался умереть, ты помнишь. После того, как умерла она.

Шелби крепко сжала запястья брата. Пальцы ее скользнули под рукава его свитера, нащупав старые шрамы.

– Еще бы не помнить... Я тогда отправилась к тебе – спросить, не хочешь ли ты супа. И нашла тебя, истекающего кровью в ванне...

– Зря ты мне помешала, – проронил Росс, мягко высвобождая свои руки.

– Пошел к черту! – На глазах Шелби заблестели слезы. – Мне надоело за тебя переживать. Когда ты уходишь в ванную, я боюсь, что ты наглотаешься там таблеток. Если ты едешь куда-то на машине, я сразу думаю, что ты врежешься в дерево. Тебе не приходило в голову, что ты не единственный на этой земле, кто потерял любимого человека? Эйми больше нет. Но ты-то жив – и надо с этим считаться.

Взгляд Росса точно остекленел.

– Через несколько лет, когда Итана уже не будет, ты сможешь продолжать жить? Уверена?

Легкий шум заставил их резко обернуться. Но мальчик, который слышал каждое слово, успел убежать.

На нем была футболка с длинным рукавом, брюки и, разумеется, бейсболка. Но лицо и ладони оставались открытыми. Пока Итан добирался до карьера – это была самая высокая точка города, расположенная среди скал, которые едва не протыкали небо, – пальцы у него стали как сосиски, распухли, покраснели и налились болью.

Может, по пути его собьет грузовик. Может, он поджарится до хрустящей корочки и будет похож на того парня, что попал в Книгу рекордов Гиннесса. Если он умрет сейчас, это ничего не изменит. Все равно жить ему осталось всего несколько лет.

Свой родной город Итан изучал исключительно по картам и по Интернету. Конечно, по ночам он выходил из дому, но при дневном свете все выглядит иначе. Мальчик с удивлением смотрел на сплошной поток машин, на прохожих, спешащих по тротуару. Обычно Комтусук был гораздо многолюднее, но Итан этого не знал. Солнечный мир казался ему столь суматошным, что у него перехватывало дыхание.

Итан знал, что проживет недолго. Доктора, психологи и социальные работники помогли ему смириться с прогнозами относительно продолжительности жизни больных пигментной ксеродермой. Если повезет, он мог дожить до пятидесяти. Но вероятность, что он не дотянет и до пятнадцати, была достаточно велика. Все зависело от того, насколько сильно были поражены клетки его кожи, прежде чем ему поставили диагноз.

По убеждению Итана, смерть была одним из немногих обстоятельств, сближающих его с другими, нормальными людьми. В конце концов, сыграть в ящик предстоит каждому. Однако существовало одно важное различие. Для того чтобы оттянуть момент своей смерти, Итан должен был отказаться от жизни. По крайней мере, от той жизни, которую вели все остальные люди.

Карьер был уже совсем близко, осталось пройти пару кварталов. Отвесные скалы впереди становились все выше и выше. Но что Итан станет делать, когда доберется туда? Может быть, скинет рубашку, подставит тело лучам и будет жариться до тех пор, пока боль от ожогов не убьет его. Или растянется на спине и будет смотреть на солнце, пока оно не выжжет ему глаза.

У входа в карьер Итан резко остановился при виде знакомой обшарпанной машины. Рядом, опираясь на бампер и скрестив руки на груди, стоял дядя Росс собственной персоной.

– Как ты меня нашел? – растерянно пробормотал Итан.

– Долго ломать голову не пришлось. Я уже давно жду тебя здесь.

Росс бросил взгляд на распухшие пальцы и обожженное лицо племянника, но ничего не сказал. Молча протянул Итану одну из своих рубашек. Мальчик послушно надел ее, длинные рукава закрыли ладони. Росс, прищурившись, смотрел в небо.

– Я сразу сообразил: парень, которому надоело прятаться от солнца, отправится туда, где солнце светит особенно ярко, то есть на самое высокое место в городе. – Росс перевел взгляд на племянника. – Твоя мать сходит с ума.

– Где она?

– Дома. На тот случай, если ты решишь вернуться. – Росс распахнул дверцу перед пассажирским сиденьем. – Давай продолжим разговор в машине.

Поколебавшись секунду, Итан кивнул. Юркнул в машину, сдернул бейсболку, почесал голову.

– А ты и правда пытался покончить с собой?

– Правда, – кивнул Росс.

Итан почувствовал, как у него сжалось горло. Дядя Росс был одним из немногих мужчин, с которыми мальчику доводилось общаться, и, уж конечно, занимал в сердце племянника первое место. Еще бы, дяде Россу по плечу были самые рискованные трюки, вроде ледолазания и затяжных прыжков с парашютом. К тому же он охотился за призраками, и это тоже было круто. Мальчик отчаянно хотел быть похожим на дядю Росса, если только ему, Итану, посчастливится стать взрослым. У него в голове не укладывалось, как у человека, которым он так восхищался, могло возникнуть желание добровольно отказаться от жизни!

– Почему? – выдавил Итан.

Росс, не глядя на племянника, нажал кнопку и опустил стекло. Итан ощутил горький запах: вдоль дороги поблескивали полчища дурмана.

– Хотел оказаться по ту сторону бытия, – проронил Росс.

– Боже мой! – Шелби подбежала к машине и буквально выхватила из нее своего сына.

Росс наблюдал, как тревогу, плескавшуюся в ее глазах, смыла светлая волна радости. Угроза катастрофы миновала. Они побрели к дому. Шелби крепко прижимала к себе мальчика, и казалось, будто она и сын все еще составляют единое целое...

Росс вышел из машины. Слава богу, интуиция в очередной раз не подвела его и направила по верному пути! О том, что случилось бы, вернись он домой без племянника, страшно было даже подумать. Как и о том, что произошло бы с Итаном, оставайся он на солнце слишком долго.

Подойдя к дому, Росс увидел, что рядом с сестрой у дверей стоит незнакомый мужчина.

– Познакомься, это Род ван Влит, – представила незнакомца Шелби, и по ее тону Росс понял, что она полна решимости настоять на своем. – Он приехал поговорить с тобой.

Росс метнул на сестру мрачный взгляд, выразив в нем все недовольство, на которое был способен в нынешних обстоятельствах.

Род ван Влит был ниже Росса, начинал лысеть, и его голова удручающе напоминала земляной орех. На госте был элегантный костюм, рубашка в тонкую полоску и безупречный галстук.

– Мистер Уэйкман, – начал он с неуверенной улыбкой, – я слышал, вы крупный специалист по части призраков.

Глава 3

На них все пялились, но в данной ситуации Итан ничего не имел против.

Он нес видеокамеру, и, хотя она была довольно тяжелой, он и не думал жаловаться. Росс тащил все остальное: спальные мешки, съестные припасы и так далее. Засада дело долгое, пояснил он племяннику, и у живых людей есть свои потребности, даже если они охотятся за мертвецами. Выйдя из машины, Росс с Итаном прошествовали мимо пикетчиков с барабанами, бульдозеристов и строителей. Итан с удовольствием наблюдал, как, увидев их с дядей, все застывали с открытым ртом. Один старый индеец так тарасил на Итана глаза, что мальчик подумал: он просверлит у него в голове дырку. Но старик смотрел на Итана вовсе не потому, что тот показался ему каким-то чудиком. Просто ему было любопытно, почему мужчина и мальчик шагают по этой земле с таким хозяйским видом.

Итан остановился на минуту, заметив своего ровесника, копавшегося в песке. На мальчишке были только шорты, его плечи и спина потемнели от загара. Итан с тоской взглянул на свои брюки и рубашку с длинным рукавом. В довершение ко всему мама заставила его нацепить бумажную маску, поскольку, когда они выходили из дому, солнце еще не село.

– Пошевеливайся, парень! – прикрикнул Росс через плечо, и Итан ускорил шаг.

Представитель компании мистер ван Влит вышел к ним навстречу. В своих шикарных ботинках на тонкой подошве он то и дело поскальзывался на ледяной корке. Земля была покрыта ею, точно праздничный кекс глазурью.

– Добрый день, мистер Уэйкман, – поздоровался он. – Вы помните о моей просьбе по возможности не привлекать внимания... к вашим исследованиям?

– А вы помните, что я согласился взяться за эти исследования лишь при условии полной свободы действий? – парировал Росс.

Подойдя к старому дому, он встал на первую ступеньку крыльца. Она треснула, едва он коснулся ее ногой.

– Осторожнее! – обернулся Росс к Итану.

Заброшенный старый дом выглядел таким печальным, что казалось, он плачет. Черные разбитые ставни болтались на расшатавшихся петлях, напоминая бахрому влажных ресниц на заплаканных глазах. Итан отступил на несколько шагов и закинул голову, разглядывая дом сверху донизу. Стены когда-то были выкрашены в белый цвет. Стекла в большинстве окон давным-давно выбили местные сорванцы. Дверные проемы обвивал плющ, его длинные плети свисали отовсюду.

– Итан!

Услышав голос дяди, мальчик поднялся на крыльцо, вошел в холл и замер на пороге. Пол покрывал густой слой пыли, штукатурка с потолка обвалилась во многих местах. На выцветших обоях пестрели грязные пятна и многочисленные граффити. Под лестницей виднелись остатки костра и валялось не меньше тридцати бутылок из-под пива.

Итан заглянул в проем, за которым темнела соседняя комната, потом поднял взгляд к потолку. Жутковато здесь, подумал он. Но это ерунда. Мальчик храбро пожал худенькими плечами. Если повезет, его пригласят в «Фактор страха» или какое-нибудь другое телешоу. А если даже не пригласят, все равно здорово, что дядя Росс согласился взять его с собой. В конце концов Итан может выходить из дому только по ночам. Как и призраки. А охотиться за ними куда интереснее, чем кататься на роликовой доске во дворе.

И уж конечно, по части смелости он даст сто очков вперед любому другому мальчишке... хотя, честно говоря, знакомых мальчишек у него почти нет.

Что-то в этом роде говорил себе Итан, когда кто-то внезапно коснулся его затылка, заставив подскочить от страха на целый фут.

Керриган Клиг, репортер «Нью-Йорк таймс», в канун Хэллоуина непременно сочинял очерк из жизни вампиров; на Валентинов день он писал статью о химической природе явления, которое принято называть любовью; когда численность жителей города в очередной раз подходила к какой-нибудь круглой цифре, именно Керриган брал интервью у родителей «исторического» младенца. Расследовать проблемы, связанные с полицейской коррупцией и политическими играми, у него не было ни малейшего желания. Тем не менее его публикации всегда вызывали у читателей живой интерес. Впрочем, надо признать, что интересы самого Керригана отнюдь не ограничивались тематикой его газетных статей. Что действительно увлекало репортера, так это всякого рода диковинные явления. Так, он побывал у могилы Мерси Браун на Род-Айленде, надеясь увидеть вампира собственными глазами. Посетил он и Университет Джонса Хопкинса, дабы поближе познакомиться с исследованиями относительно воздействия уровня мелатонина в крови на сексуальные желания. Керриган постоянно напоминал себе, что за пределами острова Манхэттен есть мир, где люди ходят по улицам и смотрят друг другу прямо в глаза, а не притворяются, что их здесь нет или они вовсе не те, за кого их принимают.

В данном случае сложилась весьма любопытная комбинация: столетний индеец, группа испуганных горожан, растерянный представитель компании и разгневанный призрак. И это все, так сказать, верхушка айсберга. А если отойти от старого дома подальше и углубиться в лесные заросли, там наверняка встретишь еще что-нибудь интересное.

Прежде всего Керриган подошел к Эзу Томпсону, старику, который звонил редактору. Прогуливаясь рядом со старым индейцем туда-сюда, он принялся выспрашивать, как тому удалось прожить так долго. Ест ли он каждый день йогурты фирмы «Данон»? Занимается ли медитацией и гимнастикой йогов? Принимает ли витамин В12?

– Белые люди всегда отбирали землю у нас, индейцев, – изрек Томпсон. – Но печально, что нас лишают последнего приюта даже после смерти.

Керриган переступил через собаку, жевавшую старый ботинок, и сказал:

– Насколько мне известно, Спенсер Пайк, владелец этого участка, давно уже не живет здесь.

– Он не появлялся тут уже лет двадцать.

– Как вы думаете, ему было известно, что его дом стоит на месте захоронения?

Старый индеец резко остановился:

– Думаю, Спенсер Пайк знает намного больше, чем говорит.

Неожиданный поворот. Керриган открыл рот, чтобы задать очередной вопрос, но тут внимание его привлек мужчина с увесистым рюкзаком. Следом шел мальчик.

– А это кто такие?

– Говорят, того парня нанял ван Влит, – откликнулся Томпсон. – Надеется, что тот сумеет доказать, будто никаких призраков здесь нет. – Индеец вперил неподвижный взгляд в лицо репортера. – А вы как думаете, есть они или нет?

Керриган привык задавать вопросы, а не отвечать на них.

– Думаю, все это очень загадочная история, – уклончиво проронил он.

– Мистер Клиг, а вы когда-нибудь просыпались, понимая, что видели чужой сон? Случалось вам в августе сунуть ноги в ботинки и выяснить, что они полны снега? Вы когда-нибудь видели, чтобы из сливного отверстия раковины за ночь выросла тыква?

– Нет, не видел, – покачал головой Керриган.

Томпсон удовлетворенно кивнул:

– Поживите здесь – еще и не такое увидите.

Когда Росс подошел к племяннику сзади и коснулся рукой его затылка, мальчишка едва из кожи не выпрыгнул.

– Ну, как тебе здесь нравится, Итан?

Итана сотрясала крупная дрожь.

– Все нормально. Правда, ужасно холодно.

– Если хочешь, я отвезу тебя домой, – предложил Росс, пристально взглянув на племянника. – А ты скажешь маме, что я запретил тебе здесь оставаться.

Вместо ответа Итан схватился за потрескавшиеся перила и начал подниматься по лестнице.

Тяжело вздохнув, Росс последовал за ним. Возможно, Итан действительно хочет здесь остаться. Но он, Росс, предпочел бы убраться отсюда подальше. Когда ван Влит предложил ему заняться исследованием паранормальных явлений на этом чертовом участке, Росс собирался ответить решительным отказом. Но, встретив выжидающий взгляд сестры, передумал.

Однако он выдвинул четыре условия. Во-первых, он, Росс, оставляет за собой полную свободу действий. Он сам себе босс, и никто, включая главу компании «Редхук», не вправе отдавать ему приказы. Во-вторых, во время исследований доступ на участок должен быть закрыт для всех, кроме самого Росса и его помощника Итана. Мальчуган, конечно, был на седьмом небе от счастья, узнав, что дядя назначил его своим помощником. В-третьих, Росс не желал, чтобы ему сообщали какие-либо сведения относительно истории этого участка. Если понадобится информация, он сам об этом скажет. В противном случае чистота впечатления может быть нарушена. И наконец, в-четвертых, он не возьмет за свои услуги никаких денег. Меньше всего на свете Россу хотелось походить на своего бывшего шефа, с его готовностью предоставить призраков любому клиенту, способному за это заплатить.

В свою очередь, Росс обещал проводить расследование «без лишнего шума». Руководство компании «Редхук» делало вид, что ни на йоту не верит в реальность паранормальных явлений. И не желало отступать от своей позиции.

И вот он здесь, готовится к ночным наблюдениям. Что ж, за минувшие месяцы это занятие стало для него привычным, как разношенный ботинок.

Итан, возбужденный, будто щенок, которого впервые взяли на охоту, ждал наверху лестницы.

– Отложи пока камеру, – распорядился Росс. – Прежде всего, давай оценим обстановку. Попытаемся понять, нет ли здесь чего-нибудь необычного.

– Чего-нибудь необычного? Это ты о чем?

Росс ответил не сразу. Как объяснить мальчугану, что порой его сознание словно дает трещину и все звуки, запахи и зрительные образы проникают глубоко внутрь? Как передать ощущение внезапно загустевшего воздуха, который накрывает тебя с головой, подобно тяжелому одеялу?

– Закрой глаза и скажи мне, что ты видишь, – скомандовал Росс.

– Но...

– Делай, как я сказал.

Итан погрузился в молчание.

– Вижу свет... – пробормотал он через несколько мгновений. – Он сочится из углов.

– Хорошо.

Росс взял мальчика за плечи и завертел на месте, словно водящего при игре в жмурки:

– А теперь скажи... только, чур, не открывать глаза... в какой стороне лестница?

– У меня за спиной. – Голос Итана чуть дрогнул, однако в нем слышалась уверенность в собственном шестом чувстве.

– Откуда ты знаешь?

– Ну, лестница... она все равно что дыра в воздухе.

Росс обнял Итана за плечи и легонько шлепнул по затылку, заставив открыть глаза:

– Молодец, чудо-ребенок! Ты отлично выполнил задание номер один.

– Теперь ты дашь мне задание номер два?

– Разумеется. Задание номер два: не требовать никаких заданий.

Росс медленно обошел холл. В доме давно уже не осталось никакой мебели. Судить о том, где она стояла прежде, можно было лишь по царапинам на полу да по контрасту между выцветшей и более яркой краской на стенах. Наверху находились три маленькие спальни и ванная. На самой верхней площадке – крохотная каморка, очевидно для прислуги.

– Дядя Росс! А когда они появятся?

– Если ты имеешь в виду призраков, они уже здесь. – Росс заглянул в ванную комнату: там стояла треснувшая ванна на ножках в виде когтистых лап и старый унитаз с высоким сливным бачком. – Не исключено, что сейчас они проверяют нас с тобой. Если мы им понравимся, они очень скоро попытаются привлечь наше внимание.

Итан повернул ручку крана, из которого вытекло несколько капель густой коричневой жидкости.

– Значит, им не все равно, здесь мы или нет?

– Скорее всего, не все равно. – Росс подошел к окну, окинул взглядом рамы. – Некоторым призракам отчаянно хочется обратить на себя внимание людей. А другие даже не сознают, что уже умерли. Они смотрят на нас и удивляются, зачем мы явились в их дом. Но это, конечно, в том случае... – Росс вызывающе повысил голос, – если они здесь есть.

«Приди и заberi меня», – мысленно взмолился он.

Спустившись, Росс осмотрел кухню, кладовую, погреб и гостиную. В маленьком кабинете все еще стояло кресло с подголовником – громоздкое кожаное чудище, в сиденье которого устроило гнездо семейство мышей. На полу валялись старые пожелтевшие газеты, стены пахли колесной мазью.

– Дядя Росс! А Эйми теперь стала призраком?

Росс ощутил, как зашевелились волосы у него на затылке. Но к паранормальным явлениям это не имело ни малейшего отношения. Обычный человеческий шок.

– Не знаю, Итан... – выдавил он и попытался отогнать прочь образ Эйми, который вынырнул из глубин его сознания, как русалка из морской пучины. – По-моему, смерть напоминает поездку в автобусе, – сказал он. – Одним эта поездка доставляет удовольствие, и они с интересом ждут, что же будет дальше. А другие... выскакивают из автобуса, не доехав до конечной остановки.

– Может быть, Эйми выскочила из автобуса, потому что хотела повидаться с тобой?

– Возможно, – кивнул Росс и поспешно отвернулся, не желая, чтобы племянник видел слезы, выступившие у него на глазах.

– Значит, ты думаешь, что призраки, которые поселились здесь, тоже выпрыгнули из автобуса?

– Не знаю.

– А что, если...

– Итан! – не дослушав, перебил Росс. – Тише.

Он завертелся на месте, стараясь поймать за хвост мысль, шустрой рыбкой мелькнувшую в его сознании. Потом замер, опираясь на перила, и уставился на осиное гнездо в углу.

В холле буйствовала органическая жизнь: сверху свисала паутина, повсюду виднелись наросты плесени и мха – печальные последствия сырости и долгого запустения. Росс заглянул в спальню, выходящую окнами на задний двор. Деревянный почерневший пол был сплошь усыпан осколками посуды и бумажными обертками от леденцов. Но потолок оказался таким чистым, словно его вымыли нынешним утром. Ни паутины, ни плесени, ни насекомых. По какой-то причине живые организмы, завладевшие домом, избегали этой комнаты.

Росс повернулся к племяннику:

– Вот здесь мы с тобой и устроимся.

– Не понимаю, что произошло, – пожала плечами воспитательница детского лагеря, такая юная, что ее можно было принять за школьницу.

Они с Мередит торопливо шагали по дорожке, которая вела к складу, где сорок пять минут назад заперлась Люси.

– Она вместе с другими детьми играла в вышибалы – и вдруг завизжала как сумасшедшая и бросилась прочь.

Мередит зацепилась каблуком о камень и едва не упала. Хорошо, что у нее есть с собой лекарства, необходимые Люси, подумала она. Если девочка испугана, испугана так сильно, что ее не выманить из темноты, у нее может начаться приступ астмы.

– Мы сразу позвонили вам домой, – сообщила воспитательница. – Но ваша мама сказала, что не может приехать, потому что не водит машину.

– Моя бабушка, – машинально поправила Мередит.

Руби, хотя ей и было за восемьдесят, не обнаруживала ни малейших признаков слабости, однако садиться за руль уже не решалась. Она позвонила Мередит в лабораторию и сказала, что нужно срочно приехать в лагерь.

Они подошли к небольшой деревянной постройке на опушке леса.

– Люси! – Мередит дернула за ручку двери. – Люси, открой немедленно!

Она дважды ударила в дверь кулаком, но, прежде чем успела постучать в третий раз, дверь распахнулась, и Мередит осторожно вошла в темноту.

Внутри было жарко и душно. Сетка с мячами, напоминающая огромную модель молекулы, преградила Мередит путь. Люси скорчилась за пирамидой из оранжевых конусов безопасности и ракеток для бадминтона. Девочка прижимала к груди шлейф из красного шелка, оставшийся от костюма, который был сшит для прошлогоднего мюзикла. Она плакала, бурно всхлипывая.

– Прими немедленно, – велела Мередит, протягивая дочери таблетку альбутерола.

Люси послушно отправила ее в рот и проглотила. Мередит давно поняла на горьком опыте: мучительно видеть, как твой ребенок задыхается, но дышать за него ты не можешь. Первым ее порывом было схватить Люси в охапку и вытащить из этого пыльного закутка на свежий воздух. Но мгновение спустя интуиция подсказала ей: страх, загнавший девочку сюда, не менее опасен для Люси, чем астма. Мередит пробралась к дочери и обняла ее за плечи.

– Что за игра такая – вышибалы? – спросила она так, словно они болтали дома в кухне. – По-моему, название ужасное. Мне казалось, вышибалы бывают только в ночных клубах.

– Надо попасть мячом в человека из другой команды, – пояснила Люси, уткнувшись носом в материнское плечо. – Если мяч задел игрока, значит его вышибли.

– Понятно, – кивнула Мередит. – Когда я была маленькой, мы, кажется, играли в такую игру.

Грудь Люси по-прежнему тяжело вздымалась.

– Игра тут ни при чем, – пробормотала она. – Я... я кое-что увидела.

– Что именно?

– Я увидела, как что-то висит. На веревке. На дереве.

– Что-то вроде веревочных качелей?

– Нет, – покачала головой Люси. – Что-то вроде женщины.

Сделав над собой отчаянное усилие, Мередит спокойно произнесла:

– Ты мне покажешь?

Они выбрались из склада, прошли мимо озадаченной воспитательницы, мимо павильона, где занимались ремеслами и рукоделием, по узенькому мостику перешли ручей и оказались на спортивной площадке. Очередная группа детей постарше Люси играла в вышибалы.

– Где? – спросила Мередит.

Люси молча указала на рожицу слева от площадки. Крепко сжав руку дочери, Мередит приблизилась к деревьям.

– Никакой веревки нет, – тихо произнесла она. – Вообще ничего нет.

– Но она здесь висела! – Голос Люси дрожал от разочарования. – Я же видела!

– Люси, я верю, ты действительно что-то видела. Знаешь, что произошло? Возможно, солнце ударило тебе в глаза, и между сетчаткой и мозгом возникла небольшая путаница. Другого объяснения нет. Никаких висящих женщин здесь не было и не могло быть.

– Не было и не могло быть, – эхом повторила Люси.

Чувствовалось, что доводы матери ничуть ее не убедили.

– Возможно, ветер качнул ветку, и это привело к обману зрения.

Люси пожала плечами.

Неожиданно Мередит скинула туфли на каблуке и вручила Люси свой лабораторный халат.

– Подержи-ка, – сказала она и принялась карабкаться на дерево.

Залезть высоко она не могла. Юбка и чулки – не слишком подходящий наряд для подобных упражнений. Тем не менее она добралась до толстой ветки и уселась на ней, как огромная белка. Дети, собравшиеся на площадке, с любопытством наблюдали за Мередит, позабыв про мяч. На губах Люси мелькнула слабая улыбка.

– Здесь ничего нет. Ровным счетом ничего! – громко провозгласила Мередит.

Она хотела лишь одного: изобразить дурочку. Пусть за обедом, в бассейне и в автобусе по пути домой дети со смехом вспоминают чокнутую тетку, взгромоздившуюся на дуб. Может, это заставит их позабыть про маленькую девочку, с плачем убежавшую со спортивной площадки.

– Люси, небо ясное, видимость прекрасная! О, я, кажется, падаю!

С комичной неуклюжестью, которой могли бы гордиться братья Ринглинг⁶, Мередит свалилась с дерева, приземлилась на корточки, упала на бок и прокатилась несколько ярдов.

Когда она уселась на земле, грязная, поцарапанная, растрепанная, Люси подбежала к ней и сжала ее лицо руками.

– Наверняка мне в глаза ударило солнце, – шепнула она матери на ухо.

Мередит заключила дочь в объятия.

– Ты моя храбрая девочка, – прошептала она в ответ, прекрасно сознавая, что обе они не верят ни единому сказанному слову.

Илай Рочерт не хотел просыпаться. Он ощущал это так же отчетливо, как аромат, окутавший его во сне, – удивительную смесь запаха свежих яблок и дождевой воды; он слышал женский голос, звеневший в воздухе, как нога, которой нет ни в одной гамме. Рочерт лег всего два часа назад, отработав перед этим две смены подряд и предотвратив открытое столкновение между индейцами и строителями. Но телефон продолжал назойливо звонить, и в конце концов Илай был вынужден высунуть руку из-под одеяла и взять трубку.

– Слушаю, – пробурчал он.

– Мне нужна миссис Рочерт. Могу я поговорить с ней?

– Нет.

– Вы не могли бы сказать, когда она вернется?

Никогда, подумал Илай и ощутил под ребрами боль, острота которой удивила его самого. Ведь прошло столько времени... Не ответив, он повесил трубку, перевернулся на живот и обнаружил, что на подушке устроился Ватсон.

– Поразительная наглость, – пробормотал Илай, отодвигая морду пса.

Ватсон недовольно заморгал, но все же убрал голову с подушки.

⁶ Братья Ринглинг – знаменитые циркачи и владельцы старейшего в США цирка (закрыт в 2017 году).

– Зря я вообще разрешил тебе дрыхнуть на моей кровати, – вздохнул Илай, прижавшись спиной к мягкому меховому боку собаки.

Ватсон, пропустив слова хозяина мимо ушей, засопел. А Илай, понимая, что прерванный сон уже не вернешь, откинул одеяло, встал и босиком побрел в кухню. Открыл холодильник и принялся изучать его содержимое.

Доктор посоветовал Илаю отказаться от красного мяса. Чаще всего люди легко мирятся с подобным ограничением, но для Илая оно стало настоящим бедствием. Дело в том, что мясо являлось одним из двух столпов его рациона (вторым был картофель). Ныне содержимое холодильника было столь же унылым, как и вегетарианские рецепты, почерпнутые в Интернете: две банки горчицы, молоко с подозрительным запахом (блок из шести бутылок – аллилуйя!), отбивная недельной, а может, трехнедельной давности, вероятно из индейки, и тофу – продукт, который вызывал особое недоверие, потому что проскальзывал в глотку, как сплетня.

Переступая с ноги на ногу на холодном полу, Илай закрыл холодильник. Тут снова раздался звонок. Илай взял телефон, валявшийся на кухонном столе:

– Алло?

– Могу я поговорить с миссис Рочерт?

Прежде чем ответить, Илай сосчитал до десяти:

– Миссис Рочерт здесь нет. Она уехала отсюда примерно семь с половиной лет назад в компании парня, который трахал ее ко взаимному удовольствию. Она захватила с собой нашу кошку, мой любимый свитер, а также все деньги с нашего общего счета. Прежде чем уйти, она заявила, что ей осточертела такая жизнь. Ей надоело, что меня вечно нет дома и ей не с кем словом перемолвиться. В свою защиту я мог бы сказать, что вкалывал как проклятый, зарабатывая деньги, а она их присвоила, но она и слушать бы не стала. Не так давно до меня дошли слухи, что бывшая миссис Рочерт живет в Нью-Мексико, однако за достоверность этой информации не ручаюсь. Так что вы напрасно звоните по этому номеру. Поговорить с миссис Рочерт вам не удастся.

Закончив свою тираду, Илай громко выдохнул. В трубке висело молчание. Видимо, на том конце провода были потрясены.

– О... – наконец долетел до него легчайший вздох.

– Думаю, вам стоит вычеркнуть этот номер из своей записной книжки, – процедил Илай и швырнул телефон так, что тот ударился о стену.

Через несколько минут Ватсон, явившийся в кухню, обнаружил, что хозяин сидит на полу, запустив руки в волосы. Пес нашел батарейку от телефона, положил ее Илаю на колени и ткнул мордой ему в лицо.

– Если ты надеешься перекусить, Ватсон, то твои надежды напрасны, – проворчал Илай, почесывая пса за ухом. – Ведь есть такую дрянь, как соевый сыр, ты не будешь, верно?

Обняв Ватсона за шею, он уставился в грустные коричневые собачьи глаза. Этот печальный взгляд заставил когда-то Илая выбрать в приюте для бездомных животных именно этого пса. Он понял: Ватсон не из тех, кто стремится во что бы то ни стало быть счастливым. А значит, на него можно положиться.

Работая в шоу Уорбертонов, Росс выяснил, что призраки любят появляться между десятью часами вечера и тремя часами ночи. Почти все паранормальные явления, которые наблюдал – или делал вид, что наблюдает, – Кёртис, происходили именно в это время. В десять тридцать последние приготовления были завершены. Впрочем, Итан придерживался иного мнения.

– А где все эти навороченные прибабасы, которые используют в «Реальных страшных историях»? – спросил он, окинув разочарованным взглядом выбранную Россом спальню.

– Кёртис считает: в первый раз никакого особого оборудования не нужно, – пояснил Росс. – Надо полагаться не на технику, а на собственные органы чувств. К тому же призраки способны изменять магнитное поле и могут запросто вывести из строя любой прибор.

– А без приборов мы так же беспомощны, как Шэгги и Скуби, – не унимался Итан.

Росс рассмеялся.

– Зря переживаешь! – заявил он, глядя в расстроенное лицо племянника. – Если мы почувствуем, что здесь происходит нечто необычное, в следующий раз притащим кучу всякого оборудования и проверим собственные ощущения. Кёртис всегда так делал. И мы последуем его примеру. Правда, сначала придется купить все эти крутые придамбасы.

Камеру установили на стене; свертки из фастфуда лежали под рукой; расстегнутые спальные мешки казались небольшим ярким островком на грязном полу. Единственным источником света в комнате был маленький фонарик. Устроившись в лужице света, Росс принялся тасовать колоду карт. Итан сосредоточенно жевал резинку.

– Странно, что ты так часто ставишь в пример Уорбертона, – заявил он, выдув огромный пузырь. – Ведь всякому ясно: ты считаешь его говнюком.

– Вымой рот с мылом, детка! – усмехнулся Росс. – Нет, Уорбертон не говнюк, он просто обманщик. И хотя добрая половина чудес, которые он наблюдал, – дело его рук, он все-таки кое-что смыслит во всей этой хрени.

– Вымой рот с мылом! – торжествующе выпалил Итан. – Дядя Росс! – окликнул он мгновение спустя. – Как ты думаешь, в этом доме поселился призрак человека, который умер ужасной смертью?

– Пока я не уверен, что здесь поселился призрак, – пожал плечами Росс.

Итан выхватил у него колоду и принялся раздавать карты.

– А вдруг он взбесится, увидев нас? – предположил он. – Вдруг примет нас за тех, кто отрубил ему голову топором?

– Каким топором? – переспросил Росс, разглядывая свои карты в луче фонаря. – Говоришь, иметь в распоряжении кого-нибудь из королевской семьи – большая удача?

– Не верю, что ты ни разу в жизни не играл в покер! – возмутился Итан. – Разумеется, ты должен собрать как можно больше дам и королей. Но самое главное – собрать комбинацию одной масти. Да, и надо поставить что-нибудь на кон. У тебя есть наличка?

– Только леденцы.

– Ладно, сойдет. Значит так. Стрит-флеш бьет каре, а каре бьет фул-хаус. Для особо талантливых поясню: пять карт одной масти бьют четыре карты одного достоинства, а четыре карты одного достоинства бьют три карты одного достоинства и две другого. Ну что, начнем?

– Ставлю два леденца, – провозгласил Росс.

– Знаешь, я не испугаюсь, даже если он придет именно за мной, – проронил Итан, глядя в потолок.

Если бы Росса прижали к стенке – от ван Влита ему как-то удалось отделаться, – он вынужден был бы сказать, что не верит в призрака, якобы поселившегося в старом доме. Во-первых, несколько месяцев охоты за привидениями принесли Россу одни разочарования. Во-вторых, трудно было представить, что призрак, дух человека, некогда жившего на этой земле, обладает такой невероятной силой. Подобные теории были просто безумны. Слишком уж много чудес ему приписывали – от промерзшей насквозь земли до выпадения лепестков из облака. Хотя и с большой натяжкой, всем этим диковинным явлениям можно было найти научное объяснение – латентный слой льда, скрытый под почвой, последствия испарения и так далее.

Хотя, конечно, Росс мог ошибаться.

К тому же эта ночь стала настоящим праздником для Итана.

– У меня стрит, – сообщил Итан.

– У меня три карты одного достоинства. Валеты.

– Тебе только со слабоумными играть, – ухмыльнулся Итан. – Мне кажется, я тоже вернусь... – добавил он после секундного молчания.

– В смысле? Вернешься сюда? В этот дом?

– Ну, не конкретно сюда... а вообще вернусь. После того, как умру. – Итан обвел глазами комнату и с вызовом взглянул на дядю. – Я хочу сказать, что тоже выскочу из автобуса.

Работая на Уорбертонов, Росс не раз встречался с людьми, потерявшими детей. Матери и отцы не желали смириться с утратой и отчаянно верили, что ухищрения Кёртиса помогут им вернуть ребенка. Обратиться к охотнику за привидениями их вынуждали вовсе не странные звуки и явления в доме, а их полное отсутствие.

Мысль о сестре пронзила Росса.

– Есть хочу, – заявил Итан, принялся шарить в темноте и что-то уронил.

– Мы же договорились не поднимать шума! – проворчал Росс и направил луч фонарика на то место, где лежали свертки с едой. Там никого не было.

За спиной Росса раздался дрожащий голос Итана:

– Я здесь. Это не я шумел. – Он прижался к дяде.

– Ну давай посмотрим, что здесь такое, – буркнул Росс.

Все было тихо. На полу ничего не валялось, и невозможно было понять, что упало с таким грохотом.

– Наверное, крыса, – предположил Росс и обнял племянника за плечи. – А может, из наружной стены выпал кирпич. Мало ли что могло упасть?

– Понятно.

– Почему бы нам не сразиться в карты еще разок? Должен же я взять реванш!

Итан успокоился до такой степени, что смог отлепиться от дяди.

– Попробуй, – хмыкнул он, устрояваясь на полу.

Росс раздал карты. Взгляд его был устремлен в темноту. Ничего необычного. Ничего привлекающего внимание. За исключением висящей на черной ленточке крышки объектива. Она почему-то раскачивалась туда-сюда.

В комнате не ощущалось ни малейшего ветерка.

Снаружи долетел глухой звук – то ли дерево упало, то ли человек рухнул откуда-то с высоты.

– Слышал? – прерывающимся от волнения голосом прошептал Итан.

– Слышал, – кивнул Росс, подошел к окну и всмотрелся в лесные заросли, начинавшиеся сразу за домом.

В темноте мелькнуло что-то белое – хвост оленя, падающая звезда, глаза совы?

Зашуршали листья. Кто-то шагнул раз, потом другой... Мгновение спустя раздался приглушенный тоненький звук, – казалось, где-то плачет ребенок.

– Пожалуй, нам стоит немного прогуляться, – предложил Росс.

Итан отчаянно замотал головой:

– Иди. Я останусь здесь.

– Скорее всего, это енот или какой-нибудь другой зверек.

– А если нет?

– Тогда нам повезло, – улыбнулся Росс.

Шелби никогда не позволяла сыну подвергать себя опасности; жизнь сама по себе была для Итана весьма рискованной авантюрой. Но его, как всякого девятилетнего мальчишку, манили путешествия и приключения. Естественно, он был счастлив, когда Росс назначил его своим помощником. Что ж, быть может, подобное сотрудничество пойдет на пользу им обоим, решила Шелби.

Она вошла в комнату сына, положила на место «гейм бой», валявшийся на полу, и несколько кассет, обнаруженных под кроватью. На полках стояли учебники, по которым Шелби занималась с сыном дома, на стене висело расписание игр «Ред сокс» и листок с хокку, которое Итан написал в прошлом году на уроке японского языка:

В полной темноте
Я просыпаюсь, чтобы превратить ночь в день.
Каково это – ощущать прикосновение солнечных
лучей?

Шелби опустила на кровать. Хотелось верить, что Росс вернет ей Итана целым и невредимым. А еще она надеялась, что сын по ней скучает – пусть совсем немного.

Она нерешительно взглянула на компьютер. В последний раз, когда она решила проверить, чем занимается Итан, и вошла в его почту, выяснилось, что у него шесть друзей по переписке – это были его ровесники, живущие в разных частях света. Поначалу Шелби обрадовалась. То, что Итан сумел самостоятельно наладить контакты с другими детьми, свидетельствовало о здоровой психике. Но когда Шелби принялась читать письма, выяснилось, что Итан отчаянно врет всем своим корреспондентам. Соне из Дании он сообщил, что учится в шестом классе продвинутой математической школы. Тони из Индианаполиса представился отбивающим запасного состава низшей лиги. Марко из Колорадо хвастался, что занимается скалолазанием и каждый уик-энд вместе с отцом отправляется покорять очередную вершину.

Ни в одном из писем ни малейшего намека на пигментную ксеродерму. Перед своими заочными друзьями Итан хотел предстать обычным мальчишкой из счастливой полной семьи – здоровым, спортивным, совершенно нормальным.

Иными словами, он не хотел быть тем, кем был в реальности.

С тяжелым вздохом Шелби вышла из комнаты сына и спустилась по лестнице. Проходя мимо дверей Росса, она на мгновение замешкалась. Шелби была на восемь лет старше брата и привыкла о нем заботиться: сначала меняла ему подгузники, потом выхаживала после неудавшегося самоубийства. У нее всегда были сильно развиты материнские чувства. Родители рано умерли, и она заменила Россу обоих. И теперь, когда он стал взрослым, она все так же тревожилась за него.

Шелби верила, что глубокая сердечная привязанность обладает защитной силой, что любовь, подобно стальной броне, уберегает от ударов судьбы. Она не сомневалась: если накал ее чувств ослабнет, в броне возникнет брешь и судьба сумеет нанести предательский удар.

Эта мысль заставила ее взглянуть на часы: скоро ли вернутся Росс и Итан?

Она направилась в комнату брата и принялась наводить порядок. Перестелила простыни. Подняла с пола расческу и положила на комод. Убрала шампунь, маникюрные ножницы и зубную пасту в ящик для туалетных принадлежностей.

Смятая одежда брата валялась на стуле бесформенной кучей. Вздохнув, Шелби аккуратно сложила рубашку и оставила ее на кровати вместе со стопкой нижнего белья. Разобрала носки по парам. В самом низу кучи обнаружились джинсы. Шелби встряхнула их, и тут из кармана что-то выпало. Три монетки по пенни, все 1932 года выпуска. Шелби положила их на комод, чтобы Росс, вернувшись, непременно их увидел.

Обернувшись, Росс помахал Итану, замершему у окна, и углубился в лес, направляясь к тому месту, где мелькнуло что-то белое. Фонарь он оставил племяннику, и двигаться ему приходилось в полной темноте, ежесекундно рискуя запнуться о корень и упасть. Видел он не более чем на расстоянии вытянутой руки, но доносившийся до него легкий шорох подсказывал: рядом есть кто-то. Или что-то.

Росса била дрожь; он не ожидал, что будет так холодно. Зря он не надел свитер. Неожиданно нахлынул аромат диких роз, словно поблизости их было целое поле. Кёртис говорил, что иногда призраки сообщают о своем присутствии именно таким способом. «Покажись», – мысленно упрасивал Росс.

Но все надежды на первую в жизни встречу с призраком рухнули, когда он почти наткнулся на молодую женщину, которая, присев на корточки, пыталась разрыть замерзшую землю.

На незнакомке было платье в цветочек, светлые волосы рассыпались по плечам и закрывали лицо. Белый кружевной воротник, мелькнувший в темноте, очевидно, и привлек внимание Росса. Женщина была полностью поглощена своим занятием. И она была не более прозрачна, чем земля под ее ногами.

Несомненно, она не слышала, как он подошел, и не заметила, что ее застигли за... ну, в общем, за тем, чем она занималась. Росс почувствовал, как у него язык присох к небу. Женщина не походила на призрака – она была молода и красива. Это он заметил с первого взгляда.

– Что вы здесь делаете? – спросил он, обретя наконец дар речи.

Она медленно повернулась и растерянно заморгала, как будто, увидев вокруг лес, была до крайности удивлена этим обстоятельством.

– Я... я не знаю, – пробормотала она и нахмурилась, взглянув на свои перепачканные землей руки.

– Вас послал ван Влит?

– Я не знаю, кто такой ван Флит.

– Влит, – машинально поправил Росс.

Конечно, странно, что в первую же ночь охоты за призраками на участок забрела какая-то девица, страдающая бессонницей, подумал Росс. Но вполне вероятно, это простое совпадение. Вокруг полно домов, и в них живут самые разные люди. Наверное, напрасно он начал разговор так резко. Тем более эта чудачка очень привлекательна... Россу захотелось получше рассмотреть ее лицо.

– Что вы ищете? – спросил он, указывая на небольшую ямку, которую ей удалось вырыть.

Незнакомка вспыхнула, словно свет озарил ее изнутри, и покачала головой. Росс снова ощутил аромат диких роз и понял, что это запах ее духов.

– Понятия не имею. В последний раз, когда я ходила во сне, очнулась в соседском амбаре на сеновале.

– Одна или рядом с соседом? – уточнил Росс, но, встретив растерянный взгляд молодой женщины, тут же пожалел о своей идиотской шутке. – Меня зовут Росс Уэйкман, – представился он, пытаясь загладить неловкость.

Она смущенно посмотрела на него:

– Мне нужно идти.

– Там, откуда я приехал, в подобных случаях обычно отвечали: «Привет, меня зовут Сьюзен», или «Рада познакомиться, а я Ханна», или «Позвольте представиться, я Мадонна».

– Мадонна?

– Или что-нибудь в этом роде, – усмехнулся Росс.

В уголке ее губ мелькнуло подобие улыбки.

– Меня зовут Лия, – сказала она.

– Просто Лия?

– Бомонт, – проронила она после секундного замешательства. – Лия Бомонт.

Всем своим видом она показывала, что ей отчаянно хочется уйти. Впрочем, лунатик, очнувшийся посреди леса в обществе незнакомца, естественно, чувствует себя не в своей тарелке. Росса встреча с ней озадачила, а сама она, судя по всему, совершенно растерялась. Неловко кивнув, Лия отступила и двинулась было прочь. Росс, охваченный неодолимым жела-

нием удержать ее, пытался придумать, как это сделать. Но все слова, которые он намеревался сказать, застревали у него в горле.

Вдруг она пристально взглянула на него:

– А вы тоже пришли сюда во сне?

– Нет. Честно говоря, я на работе. – Росс ухватился за возможность поддержать разговор, как утопающий за соломинку.

– На работе? Здесь? Ночью?

– Да. Дело в том, что я занимаюсь исследованием паранормальных явлений. – Взглянув на свою собеседницу, Росс понял, что его объяснение для нее пустой звук. – Ну, то есть, попросту говоря, я гоняюсь за призраками. Я пришел сюда, в лес, потому что ваш белый воротник... Впрочем, это ерунда... В общем, я никак не ожидал увидеть вас здесь.

– Простите.

– Вам не за что просить прощения.

Лия склонила голову набок, и в глазах ее вспыхнуло любопытство.

– Вы и правда верите, что после смерти люди могут возвращаться в этот мир? Как Гарри Гудини? Верите, что это может сделать каждый? – Печаль накрыла ее, как капюшон висельника, бросила тень на ее тонкие черты.

– Как знать? – пожал он плечами. – Возможно, сейчас мы с вами находимся в компании призраков и...

Не успел он договорить, как Лия начала испуганно озираться по сторонам:

– Если меня найдут...

«Кто?» – хотел спросить Росс. Он догадался: она сказала так вовсе не потому, что столкнулась с ним. Она боится, что ее обнаружит кто-то другой. Но прежде чем он успел открыть рот, из дома долетел пронзительный крик.

– Дядя Росс! – верещал Итан. – Дядя Росс, возвращайся быстрее!

Бросив взгляд на окно, Росс не увидел ни малейшего проблеска света. Фонарь, похоже, погас, огонек видеокамеры тоже. Кровь застыла у Росса в жилах, когда он представил, что мог увидеть Итан.

– Мне нужно идти! – И, не теряя времени на объяснения, Уэйкман помчался к дому.

ГОРОД ВО ВЛАСТИ НОЧНЫХ СТРАХОВ

Комтусук, Вермонт. Жители маленького городка Комтусук, расположенного в северо-западной части штата Вермонт, обожают рассказывать удивительные истории. Чего только здесь не наслушаешься! И клены в этом городе исходят соком в засушливые летние месяцы, и лепестки роз падают с неба, как снег, и земля насквозь промерзает в августе, и машины начинают двигаться только задним ходом... У всех этих рассказов есть одна странная особенность: они соответствуют истине. Невероятные события, упомянутые в этой статье, – всего лишь надводная часть айсберга. Ученые из Вермонтского университета, представители разных областей знаний, не смогли найти объяснения ни одному из этих загадочных явлений. Что касается жителей города, у них есть свое мнение о происходящих чудесах. Все это происки духа, призрака, не желающего, чтобы его тревожили.

Всего несколько недель назад жизнь в Комтусуке текла тихо и безмятежно. Все изменилось, когда строительная компания «Редхук» приобрела у престарелого владельца небольшой участок земли. Индейцы племени абенаки немедленно выразили протест против его застройки,

заявив, что здесь расположено старое индейское кладбище. Археологические раскопки не выявили никаких человеческих останков. Однако Эз Томпсон, предводитель местных индейцев, утверждает, что раскопки проводились недостаточно добросовестно. «Конечно, я не рассчитываю, что представители строительной компании располагают информацией относительно наших кладбищ, – заявил он. – Но кто позволил им упрекать меня во лжи, когда я указываю, где похоронены мои предки?» «Кто дал им право переписывать историю моего народа? – добавляет Уинкс Улыбающийся Лис, один из протестующих. – Компания „Редхук“ хочет хозяйничать на этой земле. Но событий, которые произошли в городе в последнее время, вполне достаточно, чтобы понять: кому-то это не по душе».

Перечень удивительных событий растет с каждым днем, свидетелями их становятся даже люди, живущие за много миль от спорного земельного участка. У Эйба Хаппинворта, владельца небольшого магазина, уже вошло в привычку каждое утро сметать лепестки роз со своего крыльца. «Они падают всю ночь, словно снег, – сообщает он. – Утром, когда я выхожу, все вокруг сплошь усыпано лепестками. При этом на три мили вокруг нет ни одного розового куста». Аве Морган пришлось отвезти своего двухлетнего сына в Берлингтон, на консультацию в больницу Флетчера Аллена. Дело в том, что, проснувшись однажды утром, мальчик заговорил по-португальски, хотя никто из членов семьи не знает ни единого слова на этом языке. Малыша подвергли всестороннему обследованию и не выявили ровным счетом никаких патологий. Спустя несколько дней все вернулось на круги своя: малыш внезапно утратил способность говорить по-португальски. В настоящее время он изъясняется на родном языке, на котором пока знает всего два слова: «мама» и «молоко».

Далеко не все жители города готовы смириться с происходящим. Более шестисот подписей было собрано под петицией, переданной Роду ван Влиту, представителю компании «Редхук». Мистер ван Влит отказался прокомментировать ситуацию. Он неоднократно опровергал все слухи о паранормальной активности в городе как несостоятельные.

Однако нам известно из достоверных источников, что на самом деле он далек от подобной уверенности. Согласно информации, которой мы располагаем, компания «Редхук» обратилась к услугам специалиста, исследующего сверхъестественные явления.

Разумеется, горожан мало волнуют как намерения компании «Редхук», так и протесты индейцев абенаки. «Все, что я могу сказать, – мне это надоело, – заявил мистер Хаппинворт, на минутку отставив в сторону метлу, которой он смахивал с крыльца лепестки. – И я не сомневаюсь: вскоре произойдет нечто ужасное».

Керриган Клиз, репортер «Нью-Йорк таймс»

Мерedit никогда не встретит достойного мужчину, гласил закон Вселенной, неизменный и не подлежащий обжалованию. Коллеги, которых она подавляла мощью своего интеллекта, явно ее побаивались. Свидания вслепую тоже не приносили результата. В последний раз подобное свидание ей назначил актер, с которым ее бабушка познакомилась в парке. В ресторан этот чудак явился в костюме Гамлета. «Уйти или не уйти – вот в чем вопрос», – подумала Мерedit и решила спастись бегством. После этой сокрушительной неудачи бабушка неоднократно вручала внучке записки с телефонными номерами других претендентов на ее внимание: владельца похоронного бюро, ветеринара, остеопата. Все эти телефоны Мерedit теряла, так ни разу и не

позвонив. «Прежде чем умереть, я хочу помянуть правнуков». Эту фразу Руби повторяла, как по расписанию, не менее двух раз каждую неделю.

– Но у тебя же есть правнучка, – напоминала Мередит.

– Я хочу, чтобы у моих правнуков был отец, – уточняла Руби.

Когда бабушка в очередной раз нашла подходящего кавалера – тот в свободное время работал волонтером, помогая одиноким старикам, – Мередит поняла, что сопротивление бесполезно. В результате она сидела за столиком напротив Майкла Дежардена и пыталась убедить себя, что все не так плохо, как кажется.

У него обильно текли слюни. Но это было далеко не самое ужасное, особенно если учесть, что сегодня он побывал у дантиста. Хуже было другое: он не проявлял особого интереса к ее персоне.

– Так, значит, вы работаете в лаборатории... – мямлил он без всякого энтузиазма. – И чем же вы там занимаетесь? Режете мышей и прочих бедных зверюшек?

– Я занимаюсь предимплантационной генетической диагностикой, – отчеканила Мередит.

– А я работаю в сфере общественного питания, – сообщил он.

Мередит, вперив в него взгляд, наблюдала, как он, намазав хлеб маслом, отправил в рот целый кусок и принялся осторожно жевать. В уголках рта у Майкла собиралась слюна.

– Так вы повар? – уточнила Мередит.

– Да, можно и так сказать.

Ну что ж, вполне приемлемо. Она частенько мечтала о том, как мужчина приведет ее в свой уютный дом и приготовит изысканное угощение по ее вкусу.

– Наверное, здесь, в ресторане, вам кажется, что вы на работе, – предположила она.

– Ну, этот ресторан даст сто очков вперед той забегаловке, где я работаю. Вы бывали в «Вендис» на Шестнадцатой улице?

Появление официанта с подносом спасло Мередит от необходимости отвечать. Майкл принялся старательно разрезать стейк на маленькие кусочки. Она тут же подумала о том, что так подают еду в психиатрических лечебницах. Мередит взглянула на свои свиные сардельки, поданные в гнездышке из поленты. «Во всем этом есть один несомненный плюс, – внушала она себе. – Я хотя бы хорошо пообедаю».

Майкл указал ножом на ее тарелку и расхохотался.

– Похоже, датский дог справил здесь свои дела! – заявил он. Струйка слюны потекла у него по подбородку.

«Сейчас встану, извинюсь и скажу, что мне нужно в туалет, – решила Мередит. – А потом просто не вернусь».

Конечно, бабушка Руби будет очень недовольна. Снова станет твердить, что такая привередливая особа, как Мередит, вряд ли сумеет устроить свою личную жизнь. Лучше бы Майкл ушел по собственной воле. «Но как этого добиться?» – ломала себе голову Мередит. Может, попросить у официанта цветные карандаши и покрыть салфетку затейливыми узорами? Или вылепить куличики из поленты? А может, вылизать свою тарелку, а потом потребовать у Майкла его тарелку, чтобы сделать то же самое? Не исключено, она сумеет добиться нужного эффекта, объясняясь только мимикой. Или лучше пустить в ход «пороссячью латынь»?

– Можно задать вам личный вопрос? – прервал Майкл поток ее размышлений. – У вас все в порядке с овуляцией?

– Простите?

– В последнее время, глядя в зеркало, я вижу здесь слово «папа», – сообщил Майкл и указал на собственный лоб, словно там и в самом деле красовалась надпись.

Мередит одолевали противоречивые желания. Ей хотелось научиться долготерпению. Или отрубить бабушке голову и насадить ее на кол. Или стать лесбиянкой и больше никогда не ходить на свидания с мужчинами.

«Он ведь волонтер и помогает одиноким старикам, – вспомнила она. – Попробуем сыграть на этом».

– Вы собираетесь это съесть? – спросила Мередит, уставившись в тарелку Майкла.

– Стейк?

– Нет, кость. Если вы не станете есть, отнесу ее домой своей бабушке, – сообщила Мередит, доверительно подавшись вперед. – Ей уже за восемьдесят, практически стоит одной ногой в могиле, и тратить деньги на ее питание не имеет смысла.

Майкл схватил стакан и судорожно глотнул воды. Оправившись от шока, он махнул рукой, подзывая официанта.

– Принесите нам счет. Вы ведь уже закончили, верно? – обратился он к Мередит.

– О да, – кивнула она, складывая на столе салфетку.

Теперь Итан знал, что это значит – страх. Это когда твою голову внезапно сжимает железный обруч, волосы на затылке становятся дыбом, а ватные ноги трясутся и отказываются тебя держать.

– Ничего я не испугался, – повторил он, наверное, в сотый раз. – Я позвал тебя, потому что все это было как-то... странно. Вдруг ни с того ни с сего наступила полная темнота!

Они с Россом сидели в гостиной перед телевизором, к которому была подключена видеокамера. Экран был темным, в углах что-то потрескивало. Ровным счетом ничего любопытного не происходило. В течение трех часов просматривать кадры, запечатлевшие стену комнаты, – не слишком увлекательное занятие, даже если это чрезвычайно важная часть Великой охоты за призраками. Итан отчаянно пытался скрыть скуку и все же несколько раз зевнул во весь рот.

Он вспомнил, как дядя Росс говорил ему: «Если призраки где-то рядом, они способны совершенно тебя вымотать».

Спору нет, его дядя – крутой парень. Итан в очередной раз убедился в этом, когда... ну, в общем, чего там греха таить, когда сам он испугался до чертиков. Как тут сохранить самообладание, если фонарь внезапно погас и видеокамера выключилась сама собой! Потом выяснилось, что у фонаря просто-напросто сели батарейки, а в видеокамере закончилась пленка.

Мама вошла в комнату, бросила взгляд на экран и нахмурилась:

– Я что, пропустила все самое интересное?

– Пока нет, – покачал головой Росс и повернулся к Итану. – Знаешь, что я думаю? Судя по всему, призрак был в комнате рядом с тобой.

Итан невольно содрогнулся. А что, если дух может войти в человека? Вот так попадешь в какой-нибудь заброшенный дом и подцепишь духа, как простуду. Мальчик ощутил, как мамины руки обнимают его за плечи, и прижался к ней, словно прося защиты.

– Я... а я думал, ты выскочил на улицу, потому что призрак был там... в лесу...

– Нет, в лесу я обнаружил вовсе не призрака, – сказал Росс и вдруг резко остановил изображение. – Видели?

– Ты про светлячков? – уточнила Шелби.

– Когда в последний раз вы видели такой дождь из светлячков? – Росс перемотал пленку назад и включил звук; теперь можно было услышать голоса – его собственный и Итана. – Это я ухожу, – пояснил Росс. Пленка запечатлела звук его шагов: они становились все тише. – Видите? Огоньки появились, как только я ушел.

Изображение исчезло. Камера выключилась.

Росс расправил плечи и потянулся так, что хрустнули суставы.

– Когда Итан остался один, в комнату вошло нечто. Искры, зафиксированные камерой, – одна из форм энергии, исходящей от неведомой сущности. Это, кстати, объясняет, почему погас фонарь. Для того чтобы материализоваться, призраку необходима подпитка. Наш дух воспользовался энергией батареек и преобразил ее в искры. – Росс взглянул на Итана, подавившего очередной зевок. – К тому же он, похоже, выкачал изрядное количество энергии из Итана.

Однако мальчик, якобы оставшийся с призраком наедине, ровным счетом ничего не заметил. Или все-таки он что-то видел?

Ванна. Нога, высунувшаяся из пузырьков пены.

Картина, вынырнувшая из глубин его сознания, тут же исчезла, унесенная подводным течением. Итан ощутил, какими тяжелыми стали его веки. Голос мамы доносился до него словно издалека:

– Ну и что ты скажешь представителю компании?

Ответа дяди Итан уже не слышал. Он спал и видел во сне пляж, море и золотистый песок, такой горячий, что на него больно ступать босыми ногами.

Шелби знала, что многим библиотекарям человеческий мозг представляется подобием микрофильмированной картотеки, где каждая карточка – кадр, запечатлевший образ или слово. Просматривать такую картотеку удобно и приятно. Всякий раз, когда Шелби работала с картотекой, ей приходило в голову, что человеческое сердце тоже можно каталогизировать подобным образом. Воображение рисовало ей процесс аутопсии, во время которой сердце, извлеченное из тела, рассекается на тонкие пластинки. На одной сохраняется все, что человек любил в детстве; другая содержит чувства, которые он питал к родителям, братьям и сестрам. Еще одна, ярко-алая пластинка вместит в себя всю информацию о моментах страсти, об упительных объятиях, уносящих на седьмое небо. А у некоторых счастливых будет еще одна, тончайшая пластинка воспоминаний о глубокой любви, изменяющей мир до неузнаваемости. И как залог родства душ точно такая же пластинка будет храниться в сердце человека, пробудившего эту любовь.

Desiderate – сильно желать.

– Вам не требуется помощь?

Шелби водрузила на нос очки и повернулась к прыщавому клерку из суда по наследственным делам:

– Нет, спасибо. Я хорошо знакома с подобной техникой.

Для того чтобы доказать это, она пролистнула несколько кадров пленки и открыла следующую страницу завещания.

Архивными изысканиями Шелби занялась по просьбе Росса. Он так редко просил о помощи, что она не смогла отказать. Росс надеялся, она сумеет узнать, с каких пор земельный участок, породивший столько проблем, принадлежит семье Пайк. Его также интересовало, существуют ли какие-нибудь документальные свидетельства, подтверждающие, что там располагалось индейское кладбище. Шелби приехала сюда, в административное здание, где находились полиция, окружной суд, а также департамент по наследственным делам и различные муниципальные службы. Все, что ей удалось выяснить: земля принадлежала Спенсеру Пайку с 1930-х годов.

Никаких документов, подтверждающих, что там было кладбище коренных жителей Америки, не нашлось.

Помимо этого, Шелби узнала, каким образом участок стал собственностью Спенсера Пайка, – к ее удивлению, он получил землю не в результате сделки, а по наследству, после смерти своей жены.

Что касается самой Шелби, у нее завещания не было. Бесспорно, ее состояние значительно уступало размерами состоянию Иванки Трамп, однако в случае, если бы на улице Шелби внезапно сбила машина, Итан не остался бы нищим. Единственной помехой для составления надлежащего юридического документа была проблема с наследником. Все родители в мире оставляют свое имущество детям. Но как быть матери, которая знает почти наверняка, что ей придется пережить сына?

Я, миссис Спенсер Т. Пайк, проживающая в г. Комтусук, составила ныне это завещание, отменяющее все мои предыдущие завещания и распоряжения.

Прищурившись, Шелби рассмотрела дату: 1931 год. Подпись, сделанная небрежным почерком, похожа на паука. Миссис Спенсер Т. Пайк. Она подписала свое завещание именно так, словно до замужества не существовала вовсе. Шелби с трудом продиралась сквозь часток юридический терминов, однако смысл был вполне понятен: миссис Спенсер Т. Пайк завещала все свое имущество супругу. С одной лишь оговоркой.

Завещаю все принадлежащее мне движимое имущество, включая обстановку дома, мебель, драгоценности и автомобили, моему супругу Спенсеру Пайку. Завещаю все принадлежащее мне недвижимое имущество, а именно земельный участок площадью 19 акров, расположенный у пересечения Монтгомери-роуд и Оттер-Крик-Пасс, в городе Комтусук, округ Читтенден, штат Вермонт, моим детям, рожденным в браке со Спенсером Пайком. В случае, если смерть моя произойдет ранее, чем мои дети достигнут возраста 21 года, распоряжаться собственностью будет назначенный мною душеприказчик, который передаст ее наследникам по достижении ими совершеннолетия. Земельный участок будет принадлежать моим детям на правах совместного владения. В случае, если в браке со Спенсером Пайком у меня не будет детей, все упомянутое недвижимое имущество переходит к моему супругу Спенсеру Пайку.

В завещании ничего не говорилось о том, каким образом стала владелицей участка эта женщина, судя по всему, воспринимавшая себя исключительно как жену собственного мужа. Из этих сухих строк нельзя было узнать и о переживаниях супруга по поводу ее безвременной кончины. Возможно, он был безутешен. Возможно, он был бы счастлив отказаться от наследства, лишь бы вернуть ее. Однако не исключено, что горе его быстро улеглось.

Шелби любила слова, но она знала, как часто они подводят человека. Зачастую именно те слова, которые нигде не написаны, нужны нам сильнее всего.

Она извлекла пленку из проектора, положила в контейнер и передала клерку. Когда Шелби вышла из здания, у дверей резко затормозила полицейская машина и остановилась так близко от Шелби, что та невольно вскинула руку, словно защищаясь. Из кабины вылетел полицейский, пробормотал какие-то извинения, даже не взглянув на Шелби, и поспешно скрылся в дверях.

Когда она шла к своей машине, у нее дрожали колени. Мысленно она пообещала себе, что в ближайшие дни составит и оформит завещание.

Илай опаздывал. Он ворвался в помещение полицейского участка и сунул голову в окошко дежурного.

- Тебя тут искали, – сообщил ему сержант.
- Сам знаю. Где они?
- В конференц-зале. Вместе с шефом.

Издав сдавленный стон, Илай бросился в конференц-зал, где нашел шефа в обществе двух юнцов.

– Вот и вы наконец, детектив Рочерт, – кивнул Фолленсби. – Мистер Мэдиган и мистер Куинн заждались вас. Они сказали, что вы просили их прибыть для дачи показаний к десяти тридцати. А сейчас уже больше одиннадцати.

– Простите, шеф, – понурился Илай. – Я... э-э-э... попал в пробку.

На самом деле он проспал. Промучившись без сна большую часть ночи, он на рассвете наконец задремал. Ему снилась женщина, от которой исходил аромат яблок, та самая, что снилась ему прежде, до того как его разбудил телефонный звонок. Неудивительно, что на вереша-ние будильника Илай не отреагировал.

Когда он проезжал мимо участка Пайка, его остановили две девчонки на велосипедах. По Монтгомери-роуд бродит какая-то женщина, сказали они, и вид у нее странный. В прошлом году престарелая дама, страдающая болезнью Альцгеймера, села в свою машину и уехала в неизвестном направлении. Два дня спустя машину обнаружили на стоянке перед супермаркетом, хозяйка, умершая от теплового удара, находилась внутри. Вспомнив об этом, Илай свернул на Монтгомери-роуд. Однако, если там и прогуливалась какая-то неадекватная особа, она исчезла бесследно, и Илай даром потерял двадцать минут.

Он опустил на стул напротив Джимми Мэдигана и Нотта Куинна. Подростки были одеты одинаково: футболки с металлическими заклепками, рваные джинсы, черные ботинки. Оба были исключены из школы за хроническую неуспеваемость, оба были неоднократно замечены в различных правонарушениях. Разумеется, здесь, в полицейском участке, они чувствовали себя, мягко говоря, не в своей тарелке.

– Насколько я понимаю, парни, вы видели на участке Пайка что-то необычное?

– Угу, – кивнул Джимми. – Позавчера. Дело было ночью. Люди говорят, там водятся привидения, вот мы и решили на них поглазеть. И увидели... это...

– Что именно?

Джимми взглянул на приятеля в поисках поддержки:

– Мы оба его видели. Высоченное, выше нас двоих, вместе взятых. И еще у него были... клыки...

– Ага, здоровенные такие зубищи, – подхватил Нотт. – Зазубренные, как лезвие охотничьего ножа.

– И что же, этот монстр вам что-нибудь сказал?

Мальчишки переглянулись.

– Вот это и есть самое странное. Вид у него был такой жуткий, что мы подумали: нам крышка. Но когда оно открыло пасть, оттуда вырвалось... что-то вроде детского плача.

– Значит, это чудище заплакало? И что, у него слезы потекли?

– Нет, оно просто хныкало, – покачал головой Нотт. – Ва-ва-ва.

– А потом оно растаяло в воздухе, – добавил Джимми, – как дым.

– Как дым, – эхом повторил Илай. – Кто бы мог подумать!

– Черт! Я знаю, вы думаете: мы прикалываемся. Но честное слово, это правда. Мы с Ноттом оба видели монстра. Не могло же нам обоим померещиться!

– О, в том, что вы видели зубастого монстра, я не сомневаюсь, – кивнул Илай. – Кстати, а вот такую штуку вы когда-нибудь видели? – Он извлек из нагрудного кармана целлофановый пакет, наполненный сушеными грибами.

Нотт побледнел:

– Это что, трюфели?

– Они самые. Ты их дома выращиваешь, Нотт? Я взял это у одного из твоих клиентов. У тебя, Джимми, как я понимаю, тоже есть маленькая грибная ферма?

– Не понимаю, о чем вы, – с деланным равнодушием пожал плечами Джимми. – Я эту хрень в первый раз вижу.

– Отлично! – Илай положил на стол два чистых листа бумаги. – Значит, вы не будете возражать, если мы обыщем ваши комнаты. Если мы ничего не найдем, я не смогу предъявить вам никаких обвинений. – Илай подался вперед, скрестив руки на груди. – Может, на участке Пайка действительно водятся привидения, а может, нет. Дело это темное. Но после того как призрак устроил для вас такое офигенное шоу, шансы на то, что он существует, здорово повысились.

Вечером Росс получил заказанное по Интернету оборудование: цифровую камеру, сканирующий тепловизор. Пришлось воспользоваться кредитной картой Шелби, но об этом он еще не успел ей сообщить. Итан был бы счастлив повозиться со всеми этими гаджетами, однако сегодня ему пришлось остаться дома. Шелби исчерпала свой запас авантюризма. Она больше не хотела рисковать здоровьем сына и сходить с ума от тревоги.

Было около одиннадцати. В прошлый раз призрак появился рядом с Итаном примерно в половине двенадцатого. Росс ждал, сидя на корточках. Пусть ему повезет так, как повезло его племяннику, молил он про себя.

Все необходимое оборудование он установил на полянке за домом, так что с помощью камеры слежения мог обозревать задний двор. Полдома компания успела снести, а это означало, что призрак мог оставить свое убежище и скрыться в ближайшем лесу. Россу предстояло исследовать девятнадцать акров земли, и начал он именно с той полянки, где прошлой ночью встретил Лию Бомонт. Что, разумеется, абсолютно ничего не значило. По крайней мере, именно так говорил себе Росс.

Все, что доносилось до слуха Росса, – сонаты сверчков и любовные серенады лягушек. Звезды светили так ярко, что казалось, они жалят шею, а свет луны давит на затылок. Росс понятия не имел, сколько времени он провел в ожидании, когда поблизости от дома раздались шаги. С бешено бьющимся сердцем он взглянул на тепловизор, но никаких колебаний температуры, сопутствующих приближению духа, не наблюдалось. Через несколько мгновений в поле зрения Росса возникла темная фигура.

Сегодня охранник с карьера был не в форме, но Росс узнал его сразу же. Не так часто приходится встречать столетних стариков, и к тому же индейцев. В руках Эз держал цветок, похожий на белую розу. Увидев Росса, он нахмурился:

– Опять ты?

– Я свободный человек, – пожал плечами Росс. – Хожу, куда душе угодно.

– И твоей душе угодно, чтобы ты работал на этих ублюдков?

– Я работаю исключительно ради собственного удовольствия, – поправил его Росс. – Они не заплатят мне ни цента.

Старику это явно понравилось, однако он продолжал хмуриться:

– Ты снова охотишься за призраками?

– Да.

– А что ты будешь делать, когда наконец его увидишь?

– Призрака, вы имеете в виду? Не знаю. До сих пор не встречал ни одного.

– А как ты думаешь, люди, которые хотят застроить этот участок, знают, как поступить с призраком?

Росс представил себе ван Влита.

– Я так полагаю, они захотят, чтобы я помог от него избавиться.

Эз поджал губы:

– Ага, устроить на призраков облаву и засунуть их всех в резервацию. После этого можно будет о них забыть. Ведь права скваттеров ничего не значат, так?

Росс промолчал. Судя по всему, старый индеец и не ожидал от него ответа. В любом случае, что бы ни сказал Росс, ответ будет неверным.

– Вы живете поблизости отсюда? – нарушил молчание Росс, решив сменить тему разговора.

Эз указал на палаточный лагерь, едва различимый за дорогой.

– Иногда по ночам я прихожу сюда. Старики мало спят, – проронил он. – Зачем тратить время на сон, если вскоре я усну навеки? – Эз повернулся, чтобы уйти, но у края полянки остановился и взглянул на Росса. – Если ты встретишь призрака, знай, что избавиться от него невозможно. Как бы сильно ван Влиту не хотелось этого.

– Будем решать проблемы по мере их поступления, – усмехнулся Росс. – Пока я вовсе не уверен, что дело дойдет до встречи.

– Ошибаешься. Мы окружены духами всю жизнь. Ты их просто не замечаешь, – изрек Эз. – Ну ладно, мистер Уэйкман, адье.

Старик завернул за угол дома и растворился в темноте. Росс невольно поежился. Он несколько раз сглотнул, стараясь избавиться от привкуса разочарования. «Да и как не разочароваться, когда вместо долгожданного призрака видишь старого индейца», – подумал Росс, вздыхая про себя. В том, что он надеялся увидеть Лию, Росс себе не признавался.

– Это уж слишком! – завопила сиделка, уронив поднос с таблетками. – Я не привыкла, чтобы пациенты так со мной обращались!

Спенсер Пайк, восседавший в кресле-каталке, наблюдал за ней, скрестив руки на груди. При случае он прекрасно умел изображать маразматика. Когда в комнату вошла старшая медсестра, Пайк с величайшим интересом смотрел по телевизору какой-то сериал.

Старшую медсестру, здоровенную бабу с волосами, выкрашенными в ярко-рыжий цвет, Пайк называл про себя Трещоткой.

– Что произошло, Миллисент? – обратилась она к сиделке.

– Мистер Пайк опять оскорбил меня! – выпалила та.

– Что же он сказал на этот раз? – осведомилась Трещотка.

У Миллисент задрожали губы.

– Он сказал... он назвал меня идиоткой...

– Если мне будет позволено прервать вашу беседу, замечу, что я выразился не совсем так, – подал голос Пайк. – Я сказал, что эта особа, судя по всему, происходит из семьи слабоумных. Слова «идиотка» я не произносил. Между слабоумными и идиотами есть разница, хотя не столь уж существенная.

– Вы слышите? – всхлипнула Миллисент.

– Насколько помню, я позволил себе осведомиться, не принадлежит ли эта молодая особа к семейству Картрайт из Свантона. Всем известно, что значительная часть членов этой семьи окончила свои дни в государственных приютах для слабоумных.

Пайк умолчал о том, что Миллисент Картрайт бесчисленное множество раз путала его с другими обитателями дома престарелых. Об этом факте, неоспоримо свидетельствующем, что она идет по стопам своих предков, он из вежливости не сообщал даже самой Миллисент.

Сиделка сорвала с себя форменный хлопчатобумажный халат.

– С меня хватит! – заявила она и удалилась, оставляя в кильватере разноцветную дорожку из таблеток, раздавленных каблуками белых сабо.

– Мистер Пайк, с вашей стороны очень нехорошо говорить так, – с укором произнесла Трещотка.

Пайк пожал плечами. Люди терпеть не могут, когда им указывают на их недостатки. Ему пора бы это усвоить.

В кабинете доктора Кэллоуэй Мередит ощущала себя великаншей. И стулья, и стол здесь были такими маленькими, что скорее годились для игрового домика на детской площадке. Придавленная сознанием собственной громоздкости, Мередит смущенно вертела в пальцах цветной карандаш. Люси, напротив, чувствовала себя прекрасно. Устроившись на огромной мягкой лягушке в дальнем углу комнаты, она наряжала одного из друзей куклы Барби, явно страдающего анорексией. Скучный разговор взрослых девочка расслышать не могла.

– Визуальные галлюцинации в качестве единственного симптома встречаются довольно редко, – сообщила психиатр. – У детей, страдающих психическими расстройствами, обычно наблюдаются слуховые галлюцинации, а также приступы возбуждения. – Доктор Кэллоуэй бросила взгляд на тихонько игравшую Люси. – Вы замечали, что у девочки бывают резкие смены настроения?

– Нет.

– А приступы ярости? Чрезмерная импульсивность? – (Мередит молча покачала головой.) – А как у нее со сном и аппетитом? Есть какие-нибудь проблемы?

Честно говоря, аппетит у худышки Люси был скверный. Сама Мередит, впрочем, тоже не отличалась пышностью. Она часто шутила, что дочь ее существует благодаря фотосинтезу. Что касается сна, девочка уже несколько лет крайне неохотно отправлялась в постель и плохо засыпала.

– Да, у нас есть проблемы со сном, – кивнула Мередит. – У Люси слишком бурное воображение. По ночам она не выключает свет в своей комнате и без конца проверяет, не прячется ли кто-нибудь в шкафу или под кроватью. Обычно она засыпает лишь тогда, когда доводит себя до полного изнеможения.

– Ночные страхи – весьма распространенное явление среди детей этого возраста, – заметила доктор. – Но не исключено, что Люси действительно что-то видит в шкафу или под кроватью.

Мередит судорожно сглотнула. Ее ребенок не может страдать психическим расстройством. Не может. Люси – нормальная, здоровая, веселая девочка. Она ходит всегда вприпрыжку, читает своим игрушечным пушистым зверюшкам сказки вслух и выучила наизусть «Мисс Мэри Мак». Она совершенно не похожа на психопатку.

Внезапно догадка, яркая и жгучая как пламя, осенила Мередит: «Ты сама во всем виновата. Ты ее не хотела, вот и получай наказание».

– И что же мне делать? – растерянно спросила она.

– Помнить о том, что восемь лет – возраст, когда ребенок верит в Санта-Клауса, придумывает себе воображаемых друзей и живет в мире фантазий. В этом возрасте дети только начинают отличать вымысел от реальности. Скорее всего, видения, которые были у Люси, – следствие этого процесса.

– Но что, если это будет продолжаться?

– Тогда я посоветовала бы давать Люси небольшие дозы риспердала. Посмотрим, какой будет эффект. Но все, что вам нужно сейчас, – ждать и наблюдать за девочкой.

Росс не был голоден. Непонятно, зачем он зашел в ресторан – единственный в городе? Это заведение существовало чуть ли не со времен основания Комтусука и сменило множество владельцев. Как ни странно, все хозяева ресторана походили друг на друга. Все они отличались грузной комплекцией, все свято верили, что на свете нет более изысканной приправы, чем топленое сало. Жители города, как видно, разделяли это убеждение. По крайней мере, окинув взглядом зал, Росс убедился, что все до единого столики заняты. Он уселся на стул у зеркальной стены и вытащил сигареты.

– Простите, у нас не курят, – предупредила пробежавшая мимо официантка, прежде чем он успел щелкнуть зажигалкой.

Конечно, забавно, что в ресторане, меню которого как будто нарочно составлено для самоубийц, желающих угробить себя посредством сердечного приступа, так враждебно относятся к курению, усмехнулся про себя Росс. Но спорить не стал и послушно убрал сигареты в карман.

– Я выйду покурить на улицу, – сказал он официантке. – Можете зарезервировать для меня столик?

– Если вы угостите меня сигаретой, то да, – улыбнулась она.

Через пять минут после этого разговора Росс стоял неподалеку от входа в ресторан, у мусорных контейнеров, и глубоко затягивался, ощущая, как дым, изогнувшись в виде знака вопроса, проникает ему в горло. Прикрыв глаза, Росс смотрел на светящийся кончик сигареты.

Надо было надеть куртку, думал Росс. За те несколько минут, что он провел в ресторане, на улице похолодало градусов на десять. Подобные температурные колебания стали уже привычными для жителей города, и они начали к этому приспосабливаться: вместо того чтобы переживать по поводу климатических аномалий, достали из шкафов теплые ботинки и перчатки. Да, сейчас лето, но теперь не знаешь, что потребуется завтра – вязаная шерстяная шапка или солнцезащитный лосьон, рассуждали они. Одна из самых привлекательных особенностей жителей Новой Англии состоит в том, что они не любят жаловаться, рассуждал про себя Росс. Свою судьбу они принимают так же безропотно, как больные принимают лекарство – может, не слишком приятное на вкус, но не настолько отвратительное, чтобы делать из этого трагедию. Росс прижался спиной к металлическому контейнеру, еще хранившему тепло солнечных лучей. Сделал последнюю затяжку и бросил окуроч на землю.

– Зачем же вы сорите? – раздался голос за его спиной.

Росс резко повернулся:

– Лия!

Он догадался бы о том, что это она, даже не слыша ее голоса. О ее приближении сообщил аромат цветочных духов. Она всплеснула руками и пошевелила брошенный им окуроч носом мокасины. Сегодня на ней было прежнее платье в цветочек, а поверх – расшитый бисером кардиган, словно она хотела как-то освежить свой наряд для встречи с Россом.

– Я вас искала, – сообщила Лия.

Выражение ее лица противоречило этим словам. Она выглядела так, будто хотела пуститься наутек. Ее беспомощность, ее застенчивость – все это казалось Россу до боли знакомым.

– Я тоже искал вас.

Лишь произнеся эти слова, он осознал, до какой степени они соответствуют истине. Он высматривал Лию в очереди, стоящей в аптеке; искал ее отражение в зеркалах универмага; выглядывал ее в машинах, пролетающих мимо.

– Вам удалось поймать вашего призрака?

– Это не мой призрак, а просто призрак, – с улыбкой уточнил Росс. – А почему вы меня искали?

– Потому что... я не сказала вам об этом тогда, ночью... но я тоже охочусь за призраками! – выпалила Лия.

– Вы?!

Такого поворота Росс никак не ожидал. В большинстве своем люди, даже если они верят в паранормальные явления, сообщают об этом весьма осторожно и неохотно.

– Разумеется, по сравнению с вами я дилетант, – вздохнула Лия.

– И как, вам уже удалось увидеть привидение? – поинтересовался Росс.

Лия покачала головой.

– Хотя бы одному человеку на свете это удалось? – спросила она.

– Конечно. Ведь существует множество фотографий и видеозаписей. Научными исследованиями паранормальных явлений занимаются и Принстон, и Эдинбургский университет. Даже ЦРУ проводит серьезные изыскания в области экстрасенсорного восприятия и телепатии.

– ЦРУ?

– Именно ЦРУ, – кивнул Росс. – То, что люди могут получать информацию не только посредством пяти органов чувств, признается даже на государственном уровне.

– Но это не доказывает, что существует жизнь после смерти.

– Нет. Но это позволяет предположить, что человеческое сознание – категория не только физическая. Вероятно, способность видеть призраков – это совсем не то что ясновидение. Возможно, призраки вовсе не мертвы, потому что они живут где-то в прошлом. И значит... – Росс вдруг осекся. – Простите, я сел на своего любимого конька и слишком увлекся. Некоторые люди считают меня чокнутым.

– Не надо извиняться, – покачала головой Лия, и ее губы тронула едва заметная улыбка. – Меня тоже многие считают чокнутой. И я никогда не встречала ученого, который говорил бы о своей работе без увлечения.

«Ученого»? Никогда прежде Росса не называли ученым. Слово, произнесенное Лией, вызвало в его душе целый фейерверк чувств: гордость, удивление, благодарность. Пытаясь скрыть смущение, он вытащил из кармана пачку сигарет и предложил Лие закурить. Она протянула было руку, но тут же спрятала ее за спину. Тем не менее Росс успел заметить на ее пальце золотое обручальное кольцо.

– Ваш муж не узнает, что вы курили, – произнес Росс, глядя ей прямо в глаза.

Лия ответила ему столь же пристальным взглядом. Снова робко протянула руку и взяла сигарету. Росс поднес ей зажигалку. Лия держала сигарету бережно, будто сокровище, и курила так, словно проглатывала тайну. Глаза молодой женщины затуманились от удовольствия. Она приподняла подбородок, позволив Россу любоваться своей длинной тонкой шеей.

В этот момент ему было наплевать на то, что у нее есть муж, что она боязливо оглядывается по сторонам. Он не думал о том, что те несколько минут, которые он провел с ней, на самом деле украдены. Росс признавал: все это может быть началом большой ошибки, – и все же не мог позволить этой женщине уйти.

– Разрешите угостить вас чашечкой кофе, – предложил он.

– Нет-нет, – затрясла головой Лия. – Я не могу.

– Никто об этом не узнает.

– В этом ресторане обедает весь город. Если он узнает, что я пила с вами кофе...

– И что в этом такого ужасного? Скажете ему правду: мол, мы с вами друзья и коллеги. Попивали кофе, болтая о призраках.

Он явно сморозил глупость. Лия побелела как мел, и Росса вновь поразили ее хрупкость и беззащитность.

– У меня нет друзей, – едва слышно произнесла она.

«Нет друзей». Ей запрещено пить кофе в обществе других людей, ей приходится ускользать из дому по ночам, украдкой. Неужели ее муж такой тиран? Как ему удалось столь безоговорочно подчинить себе ее волю? Разве в современном мире такие мужья еще существуют? И находятся женщины, готовые смириться с подобным семейным деспотизмом? Все эти вопросы, которые задавал себе Росс, остались без ответа.

– А что, если надеть вам на голову бумажный пакет и сказать всем, что у вас проказа? – предложил он.

Губы ее снова тронула несмелая улыбка.

– Я не смогу пить кофе с бумажным пакетом на голове.

– Попросим соломинку для коктейлей, – брякнул Росс и почувствовал, что сопротивление Лии слабеет. – Одну лишь чашечку кофе, – взмолился он.

– Поговорить мы можем и здесь, – уступила она. – Но только недолго.

Она глубоко затянулась сигаретой, судорожно сглотнула и вперила в Росса пристальный взгляд:

– Мы с вами встречались прежде?

– Разумеется. Позавчера ночью.

– Я имею в виду – до этого.

– Не думаю, – ответил Росс, хотя ему казалось, что они знакомы всю жизнь. А может, он просто выдавал желаемое за действительное. Впрочем, какая разница, вздохнул он про себя.

У него на языке вертелся вопрос, почему она так боится своего мужа. Хотелось узнать, каким образом она оказалась у ресторана именно в тот момент, когда Росс вышел покурить. Но он боялся проявлять чрезмерное любопытство. Чего доброго, Лия просто растворится в воздухе, как струйка дыма.

– Вы и правда думаете, что там водятся призраки? – спросила она.

– На участке Пайка? Вполне вероятно. Если там действительно прежде находилось индейское кладбище.

– Индейское кладбище? – Лия, похоже, была поражена. – Я об этом никогда не слышала.

– А вы хорошо знакомы с историей этих мест?

– Я живу здесь всю жизнь.

– И никогда не слышали о том, что прежде эти земли относились к индейскому поселению?

– Думаю, тот, кто вам это рассказал, – большой выдумщик.

Росс вполне допускал подобную возможность.

– Но если вы увидите призрак мертвого индейца, это ничего не изменит, – проронила Лия.

– В каком смысле? – пожал плечами Росс. – Если я впервые в жизни увижу чей бы то ни было призрак, это будет для меня чертовски важно.

– Я хочу сказать: вы занялись всем этим не ради индейских призраков. – Лия склонила голову, длинные пряди упали ей на лицо. Ее тело будто надломилось, она запустила дрожащие пальцы в волосы. – Моя мать умерла в тот день, когда я появилась на свет. Вот ее-то я и пытаюсь найти... – расслышал Росс.

Он понял: Лия так откровенна с ним вовсе не из простодушия. Отчаяние – вот главная причина ее искренней веры в запредельный мир. Отчаяние и неизбывная боль, столь хорошо знакомые ему самому.

Лия коснулась рукой лба, рукав кардигана съехал к локтю, обнажив тонкую руку, испещренную сетью шрамов.

– Иногда мне приходилось ранить себя, чтобы убедиться: в моих жилах тоже течет кровь, – пояснила она, поймав взгляд Росса.

Его никто никогда не понимал. И вот наконец он встретил человека, способного разделить его чувства.

– У меня есть свой призрак, – услышал Росс собственный голос, дрожащий и незнакомый. – Ее зовут Эйми.

Слова признания сорвались с его губ, и он уже не мог остановиться. Описал, какой очаровательной была Эйми, причем особенно пленяли в ней самые обычные черты вроде лучезарной улыбки, слегка шершавых локтей и легкой картавости – например, она не могла правильно произнести слово «чертежник». Рассказал об автокатастрофе, не вдаваясь в мучительные подробности, которые могли вывести его из душевного равновесия. Говорил, что его гнетет сознание непоправимой ошибки... Наконец Росс ощутил, что у него пересохло в горле. А еще почувствовал, что его горе положено к ногам Лии, подобно жертвоприношению. Тогда он смолк.

По лицу Лии текли слезы.

– Значит, вы верите, что можно любить кого-то очень-очень сильно, даже если он находится в ином мире? – вырвался у нее вопрос, который Росс задавал сам себе бесконечное множество раз.

– Как же я могу в это не верить?! – воскликнул он.

– Мне пора идти.

Росс инстинктивно протянул руку, пытаясь задержать ее, Лия так же инстинктивно метнулась в сторону.

– Лия, скажите мне, как с вами обращается ваш муж?

– Он меня обожает, – прошептала она одними губами. – Обожает женщину, которую придумал сам. А я... я недостойна такой любви...

Росс, ожидавший услышать рассказ о грубости и насилии, от неожиданности лишился дара речи. Можно ли любить другого человека так сильно, что эта любовь станет причинять ему боль? Ответа на этот вопрос у него тоже не было.

Лия опустила рукава кардигана до запястий и смахнула слезы кончиками пальцев.

– Когда найдете Эйми, скажите, что ей повезло, – тихо сказала она.

Когда Росс поднял взгляд, Лия была уже далеко. Вопросы вихрем вертелись у него в голове. И ни одного ответа не находилось. Почему эта красавица чувствует себя недостойной любви собственного мужа? Что она такого натворила? И если Лия любит его, отчего она кажется женщиной с разбитым сердцем?

Россу не хотелось создавать ей лишних проблем. Просто пусть знает, что она не одинока.

– Лия! – позвал он и бросился за ней вслед.

Но она лишь оглянулась через плечо и ускорила шаг. Окурок, который она бросила, дымился на тротуаре.

Из дверей ресторана выглянула официантка.

– Эй! – окликнула она Росса. – Вам еще нужен столик?

Вслед за ней Росс вошел в зал. Девушка указала ему на неубранный стол. Росс опустился на стул и, выполняя свое обещание, протянул официантке сигарету.

Она рассмеялась, спрятала сигарету в рукав, поставила грязную посуду на поднос и вытерла столешницу:

– Вы будете обедать в одиночестве?

– Судя по всему, да, – усмехнулся он.

Официантка собрала чаевые, оставленные ей предыдущим посетителем, сунула в карман счет и бумажную купюру и презрительно взглянула на несколько мелких монет.

– Некоторые люди, кажется, принимают меня за свинью-копилку, – фыркнула она. – Считают, что ресторан – место, где можно избавиться от ненужной мелочи.

– Сотня таких монет – и можно выпить чашку кофе, – заметил Росс.

– Ага, – усмехнулась официантка, опуская мелочь в карман фартука. – А еще можно заработать грыжу из-за таскания тяжестей. – Она положила одну монетку перед Россом. – Вот вам на счастье.

Когда девушка ушла, чтобы принести кофе и столовые приборы, Росс взял монетку со стола. Подбросил в воздух, поймал и опять подбросил. Монетка упала на стол, и только тут Росс увидел, что она выпущена в 1932 году.

Во второй половине дня Росс мысленно составлял список всего, что ему известно о Лие.

Всякий раз, сталкиваясь с ним, она выглядит ужасно смущенной и растерянной. Ее манит сверхъестественное, но при этом она боится собственной тени. Ночь – это время, когда она чувствует себя наиболее свободной. Она замужем за человеком, который ее обожает, но его любовь превратилась для нее в клетку.

Есть еще одно важное обстоятельство: ее сердце разбито. Она пыталась это скрыть, но Росс слишком хорошо знал по собственному опыту: сколько ни склеивай осколки, человек с разбитым сердцем уже никогда не станет прежним.

Росс перемотал пленку, которую записал прошлой ночью, вновь прослушал собственный разговор с Эзом Томпсоном. Проблема состояла в том, что загадка Лии Бомонт интересовала его куда больше, чем призраки, поселившиеся на спорном земельном участке. Все-таки Росс не терял надежды, что когда-нибудь Лия согласится выпить с ним чашку кофе...

Перемотав пленку до конца, он задумчиво потер небритый подбородок. Ничего, достойного внимания. Ровным счетом ничего. Спрашивается, что он скажет Роду ван Влиту?

Телефонный звонок вывел Росса из задумчивости. Опасаясь, что резкий звук разбудит Итана и Шелби, он поспешно схватил трубку:

– Алло?

Ответа не последовало, однако на другом конце провода кто-то был. До Росса доносилось едва слышное дыхание.

– Лия? – спросил он, плотнее прижимая трубку к уху.

Это была она. Росс готов был поклясться – это была она! Она не могла с ним встретиться, но ей было известно, где его искать. И она хотела, чтобы он это знал.

Росс не стал давать отбой. С трубкой, прижатой к уху, он крепко заснул впервые за много дней. «Как сильно я, оказывается, устал», – подумал он, перед тем как провалиться в глубокий сон.

Тысячелетия назад предки нынешних индейцев абенаки проживали на землях, которые тянулись от северо-запада до юго-востока нынешнего штата Вермонт, а также занимали часть территорий Западного Массачусетса, Нью-Гэмпшира и даже Квебека. Они именовали свои владения Ндакина – «наша земля». Что касается названия племени абенаки, оно означает «люди утренней зари». Иногда они называли себя алнобак – просто «люди». Численность племени в далекие времена составляла около сорока тысяч человек.

Они занимались земледелием, и их поселения располагались в поймах рек. Охотились, ловили рыбу. Большую часть года абенаки жили семьями или небольшими общинами, но летом непременно собирались вместе. У них не было централизованной власти, так что в случае войны абенаки бросали свои поселения, разделялись на группы и переселялись куда-нибудь в спокойное место. Как правило, таким местом был Квебек, и вследствие этого колонисты в Новой Англии считали их канадскими индейцами. По этой причине колонисты сочли себя вправе захватить земли племени абенаки в штате Мэн, Нью-Гэмпшире и Вермонте, не предоставив индейцам никакой компенсации.

По данным 2001 года, на территории штата Вермонт проживало примерно 2500 представителей племени абенаки.

Но находились ли когда-нибудь индейские поселения на территории земельного владения Пайка, Росс так и не сумел выяснить, хотя просмотрел шесть сайтов и прочел все книги по истории края, найденные в городской библиотеке.

В полном разочаровании, Росс опустил голову на руки. Шелби подошла к нему и погладила по плечу:

– Нашел, что искал?

– Неужели ты занимаешься подобной фигней каждый день? – тяжело вздохнул Росс.

– Насколько я понимаю, это означает, что ты ничего не нашел.

Шелби села на стул рядом с братом, прежде бросив взгляд на справочный стол. Итан, устроившись там, был полностью погружен в свой «гейм бой».

– В Вермонте не слишком трепетно относятся к архивам, – заметила Шелби. – Значительная часть старых документов валяется заплесневелой кучей в городском управлении. Да

и те в большинстве своем относятся к истории англичан, заселяющих эти земли. Сам понимаешь, столетия назад индейцы вряд ли сознавали необходимость документировать свои сделки с недвижимостью.

– Да, и добром это для них не кончилось.

– Ты намерен бросить свои изыскания?

– Нет. – Росс взглянул на тихо жужжащий экран компьютера. – Придется просмотреть все эти документы, оставленные английскими колонистами. Может, хотя бы в одном из них упоминаются индейские поселения.

– Ну что ж, удачи. Я пойду. Нужно отвезти Итана домой.

Шелби отошла и принялась что-то объяснять своей сменщице. Росс наблюдал, как сестра одной рукой теребит ремешок висящей на плече сумочки, а другой беспрестанно поглаживает по голове Итана, словно его макушка притягивает ее магнитом.

– Шел! – окликнул Росс, когда сестра направилась к дверям. – Ты когда-нибудь слышала о людях по фамилии Бомонт?

– Это что, английские переселенцы?

– Нет. – Руки Росса забегали по клавиатуре компьютера, словно обладали собственным разумом.

Поисковая система, в которую он вошел, не содержала никаких исторических документов. Несомненно, в истории города Комтусук было много белых страниц.

Библиотекарь, только что приступившая к своим обязанностям, взглянула на Росса поверх очков.

– В кампусе Вермонтского университета есть биологическая библиотека, названная в честь какого-то Гарри Бомонта, – сообщила она. – Иногда мы заказываем у них книги.

– Ох, прости, Росс, я совсем об этом забыла, – покачала головой Шелби.

Взяв за руку Итана, она потащила его к дверям, а Росс набрал в строке поиска фамилию Бомонт.

Бомонт Эйбел. Каслтон-роуд, 33

Бомонт С. Зона доставки почты 22, ящик 358

Бомонт В. Вест-Орен-стрит, 369

Разумеется, он не ожидал обнаружить в этом списке Лию; ее муж явно не из тех, кто поставит имя жены рядом со своим собственным. Того Бомонта, что указал только почтовый ящик, искать не имело смысла, но двое других, по крайней мере, были местными. Росс тяжело вздохнул, выключил компьютер и принялся собирать свои вещи.

– Ну что, нашли, что искали? – с улыбкой спросила молодая библиотекарьша.

– Можно и так сказать, – кивнул Росс и неожиданно для себя присвистнул.

Эза бесконечно огорчало, что для рыбалки в ничейных водах требовалось теперь какое-то дерьмовое разрешение. С какой такой радости ему нужна бумажка с печатью, для того чтобы устроиться на берегу озера и наловить форели себе на обед?

Тем не менее необходимой бумаженцией он заручился, и теперь она лежала в кармане его рубашки на тот случай, если в шесть часов утра на берег озера забредет какой-нибудь инспектор. Эз насадил блесну на крючок и забросил его в воду, в самое темное и глубокое с виду место.

Нейлоновая нить лески, подобно экватору, разделила озеро на две части. Эз закрыл глаза и зажал удочку между колен. Старость постоянно преподносила ему сюрпризы. Удивительные штуки вытворяет память! Он не может сказать, что ел вчера за обедом, зато прекрасно помнит, как сверкала и переливалась чешуя на спинке самой первой форели, которую ему довелось поймать. Иногда он забывает имена друзей, с которыми общается по сей день, но лица тех, кто

давным-давно оставил этот мир, отпечатались в его сознании навечно. В последние годы спина его согнулась, и иногда Эз думал с усмешкой, что, прежде чем оставить этот мир, он самым буквальным образом совершит полный круг. Но рассудок его оставался ясным и острым, как всегда; иногда, перед тем как провалиться в сон, Эз как будто бы ощущал его зазубренные края.

Леска не шевелилась, к великому неудовольствию старого индейца. Терпение, сказал он себе. Терпению учил его отец, а еще он учил сына выбирать лучшие отмели для ловли наживки и забрасывать крючок так бесшумно, чтобы рыба не ощущала ни малейшего всплеска. Но в последнее время Эзу явно не хватало терпения. Терпеливым легко быть тому, у кого в запасе много времени, а его время подходит к концу.

Солнце, похожее на налитый кровью глаз, поднималось все выше. Внезапно в светлеющем небе вспыхнул сноп светящихся искр, словно кто-то запалил римскую свечу.

Эз ощущал, как сотрясается земля. Это на карьере «Ангел» устраивали взрывы, чтобы добыть гранит, столь необходимый производителям надгробных памятников и разделочных столов. Леска дернулась и натянулась, – видно, форель проглотила наживку. После того как леска дернулась три раза, Эз твердой рукой принялся сматывать катушку спиннинга.

Через несколько секунд форель уже трепыхалась в корзинке, чешуя переливалась всеми цветами радуги. До Эза долетел раскат очередного взрыва; грохот был так силен, что вода в озере пошла кругами и ошалевшие окуни начали выпрыгивать в воздух.

Эз насадил на крючок новую блесну. Иногда этот мир просто необходимо хорошенько встряхнуть.

Мерedit склонилась над микроскопом, разглядывая одну-единственную клетку эмбриона, недавно созданного в пробирке. Несомненно, на сей раз эмбрион не унаследовал кистозный фиброз. Произошло настоящее маленькое чудо, учитывая, что четыре предыдущие попытки этой пары зачать здорового ребенка закончились неудачей. Мерedit выпрямилась и улыбнулась. Получилось! Этот эмбрион будет жить.

Люси тоже относилась к числу детей, чей шанс появиться на свет был ничтожен. Генетическая патология здесь была совершенно ни при чем, но все обстоятельства складывались против. Восемь лет назад Мерedit разорвала исчерпавшие себя отношения. Он был ее куратором, профессором, работавшим в сфере генной инженерии. Исключительная занятость помешала ему сопровождать Мерedit на похороны ее матери в Мэриленд. Той было всего шестьдесят с небольшим, она неожиданно умерла от инфаркта. Мерedit сильно горевала, а Руби совсем сдала – и ее двадцатишестилетней внучке пришлось взять на себя все похоронные хлопоты. Она до сих пор с удручающей отчетливостью помнила свой визит в похоронное бюро, где ей предложили выбрать цвет гроба и просмотреть каталог могильных памятников. В памяти во всех подробностях запечатлелась погребальная служба. Руби повисла на руке внучки, и Мерedit пронзило сознание того, что она осталась для старухи единственной опорой.

Мерedit решила, что вернется в Бостон, защитит диссертацию, а потом поселится в Мэриленде вместе с бабушкой Руби. Но сказались четыре бессонные ночи: по пути на север Мерedit задремала за рулем своей «хонды».

Она очнулась в больнице, с загипсованной левой ногой. Все тело покрывали синяки. Медсестра, подошедшая к ее постели, первым делом сообщила, что с ребенком все в порядке. Мерedit никак не могла взять в толк, о каком ребенке идет речь. Когда она спросила об этом, ответ ее просто оглушил. Ультразвуковое исследование, которое провели, чтобы проверить, нет ли внутренних повреждений, показало, что она на восьмой неделе беременности. Внутри ее трепетало, как бабочка, крошечное сердечко.

Мерedit вовсе не хотелось становиться матерью-одиночкой. Честно говоря, тогда ей вообще не хотелось становиться матерью. Она желала совсем другого: вернуть свою собственную маму. Выйдя из больницы, Мерedit первым делом записалась на аборт.

Но делать его не стала.

Она прекрасно знала, как происходит зачатие. Она знала, что родители могут передать или не передать детям свои заболевания. Но порой она невольно задавалась вопросом: нет ли в этом процессе чего-то совершенно непостижимого, скрытого для науки? Если бы она, Мередит, обрадовалась, узнав о своей беременности, а не пожелала избавиться от будущего ребенка, повлияло бы это на характер, здоровье и судьбу Люси? Она любила дочь всем сердцем и не представляла жизни без нее. Но при этом никогда не забывала, что восемь лет назад была близка к тому, чтобы сделать иной выбор.

Жизнь – это постоянный выбор. Совершив ошибку, уже невозможно ничего исправить, и в этом состоит главная проблема.

Ох, Люси, вздохнула про себя Мередит. Если бы можно было вернуться в прошлое... Она бы меньше работала и по выходным занималась бы с дочерью скалолазанием. Ездил бы с ней на пикники. Откровенно говорила бы, что не знает ответов на все вопросы. И более того, порой даже не имеет представления, где эти ответы искать.

Еще раз вздохнув, Мередит вновь склонилась над микроскопом. Через два дня этот эмбрион будет внедрен в материнскую матку. Вот ведь ирония судьбы, подумала Мередит: она, когда-то отчаянно не хотевшая ребенка, ныне является последней надеждой для людей, мечтающих о ребенке сильнее всего на свете. Дитя, которое вырастет из этого эмбриона, не будет страдать кистозным фиброзом, но это не значит, что оно не подхватит, к примеру, менингит. Нам не дано знать, что нас ожидает. Ты плотно закроешь дверь, а из окна потянет сквозняком.

Выяснилось, что и Каслтон-роуд, и Вест-Орен-стрит расположены достаточно далеко от участка Пайка. Тем не менее Росс все-таки решил проверить оба адреса. Он приобрел на автозаправочной станции карту и отыскал на ней нужные ему дома. Первый оказался необитаемым с виду викторианским особняком за облезлым штакетником, второй – бревенчатым домом, охраняемым немецкой овчаркой по кличке Армагеддон. Разумеется, Лия Бомонт не жила ни в том, ни в другом. По всей видимости, ее адрес не значился в справочнике. При следующей встрече надо будет непременно спросить ее, где она живет, подумал Росс.

Если только эта следующая встреча состоится.

Теперь Росс обедал исключительно в ресторане, у дверей которого столкнулся с Лией. Две последние ночи он провел на участке Пайка, однако Лия Бомонт не появлялась. Ему удалось увидеть лишь Эза Томпсона, бродящего вокруг дома, да двух совокупающихся енотов. Правда, несколько раз видеокамера зафиксировала появление неких странных шаров размером с баскетбольный мяч. Переливчато-белые, мерцающие, они мелькнули на экране и тут же исчезли.

Россу очень хотелось показать их Лие.

Ему о многом надо было ее расспросить. Как она думает, ждет ли ее мать встречи с ней, несмотря на то что прошло столько лет? Любит ли она своего мужа столь же сильно, как он любил Эйми? Существуют ли между ней и мужем преграды столь же непреодолимые, как смерть?

Его тревожило, что муж Лии, узнав о ее встрече с Россом у ресторана, мог наказать ее. Какого рода наказание он мог применить? Росс боялся даже думать об этом. Физическое воздействие? Психологическое давление? Возможно, существовала еще одна причина исчезновения Лии. Не исключено, что эта загадочная женщина, которой, по ее признанию, приходилось ранить себя, чтобы убедиться в собственной реальности, нашла самый верный способ встретиться с матерью. Она решила сама превратиться в призрак.

Росс начал читать некрологи в газете и всякий раз вздыхал с облегчением: имени Лии там не было. Он постоянно заключал сам с собой бессмысленные пари: «Если я смогу задержать

дыхание на три минуты, то встречу ее сегодня вечером. Если эта птица не улетит, когда я приближусь к ней, Лия мне позвонит».

Почти каждую ночь Росс дежурил на участке Пайка. Иногда ему удавалось зафиксировать необычные явления: резкие перепады температуры, голубые вспышки между деревьями, запах болиголова, такой сильный, что от него все кружилось перед глазами. Дважды Росс слышал приглушенный плач младенца.

Однажды ночью, когда темнота окутала землю плотно, словно смирительная рубашка, Росс сидел на поляне неподалеку от дома. Внезапно с неба упал камень, размером примерно с тарелку и такой же плоский. Упав с высоты, он весьма чувствительно ударил Росса по ноге.

– Черт! – завопил Росс, потирая ушибленное место.

Колено стало распухать на глазах. Осветив фонарем ближайшее дерево, Росс не увидел ничего подозрительного. Поврежденная нога не позволяла ему вскарабкаться на верхушку, и тогда он поднял ударивший его камень и с размаху запустил его в ствол, так что дерево содрогнулось.

– Эй! – крикнул Росс. – Кто там?

Он ожидал, что в ветвях притаилось какое-то животное вроде медвежонка или белки-мутанта. Но там никто не подавал признаков жизни. Отломав длинную ветку, Росс принялся шевелить ею остальные. Он терзал злополучное дерево довольно долго, хотя уже не рассчитывал никого обнаружить. Но его обуревало чувство мести, которому надо было дать выход. Лишь когда до него донесся какой-то странный шум, Росс оставил дерево в покое.

То был легчайший звук, который мог бы произвести сурок, роющий в саду нору. Росс заковылял в дальний конец поляны, откуда долетал звук, становившийся все громче. Луч фонаря выхватил из темноты примерно тридцать небольших, беспорядочно разбросанных холмиков. Рядом с каждым темнела ямка.

Хотя на участке проводились археологические раскопки и выемка грунта, Росс точно знал: нынешним вечером, когда он обосновался на этой поляне, земля там оставалась нетронутой. Кто и когда вырыл эти ямы? Росс взял палку и попытался углубить одну из них, однако выяснилось, что промерзшая земля по-прежнему тверда и разрыть ее невозможно.

Росс никогда не видел древнего индейского кладбища, и все же, по его представлениям, оно должно было выглядеть иначе.

Он достал из кармана цифровую камеру и сделал несколько фотографий с разных ракурсов. Но когда он стал просматривать на крошечном экране эти снимки, на всех без исключения отсутствовали ямы и холмики. Земля на фото была гладкой, покрытой ровной коркой льда. В полном недоумении Росс вновь осветил край поляны фонарем. Холмики, которые он видел несколько минут назад, бесследно исчезли!

– Но я же видел это собственными глазами! – растерянно повторял Росс, топая по насквозь промерзшей земле и пытаясь найти только что закопанную ямку.

Но почва под его ногами была тверда как камень.

Неужели ему померещилось? Росс наклонился и закатал штанину – нет, след от удара на месте, здоровенный, темно-багровый. Камень действительно упал ему на ногу. И Росс на самом деле слышал, как кто-то роет землю. И видел холмики.

Еще один повод пожалеть, что рядом нет Лии. Если бы она тоже увидела все это, Россу не пришлось бы опасаться, что он сходит с ума.

На следующей неделе река Уинуски замедлила свое течение, отчего стаи рыб ходили кругами или беспорядочно мельтешили у берега. Владельцы спутниковых антенн с удивлением обнаружили, что их телевизоры принимают только норвежские каналы, причем артикуляция актеров не соответствует произносимым словам, как в старых фильмах про Годзиллу. В супермаркете «IGA» четыре электронных кассовых аппарата, заказанные по последнему ката-

логу и недавно установленные, дали сбой: сорок пять долларов стоила кисть винограда, всего один цент – фунт мускусной дыни, а мышеловки и рыбные палочки отпускались бесплатно. Люди, которые осмеливались обсуждать эти диковинные события, теряли ход мысли и умолкали, ощущая на языке сладость сахара или же горьковатый вкус цикория – в зависимости от того, что именно они собирались сказать.

Итан ненавидел визиты к дерматологу.

Они не только напоминали Итану о том, что он ненормален. Приходилось сбиваться с привычного режима, ведь доктор принимал днем, когда Итану полагалось спать. Наблюдать за мамой во время этих визитов тоже было удовольствием ниже среднего. Она отчаянно делала вид, что ее сын совершенно обычный мальчик, но получалось у нее из рук вон плохо.

Сегодня пришлось удалить с лица три предраковых нароста. Доктор опустил ватный тампон в емкость с жидким азотом и прижал его к носу и лбу Итана. От противного едкого запаха у него выступили слезы, и теперь, когда все было позади, обработанные азотом участки кожи щипало и саднило.

Они с мамой подъехали к дому. Машины дяди Росса не было, значит он куда-то смылся. Итан вполне мог сам расстегнуть ремень безопасности, но предпочел дожидаться, когда мама выйдет из машины и сделает это за него.

– Как ты себя чувствуешь? – обеспокоенно спросила она.

Итан молча пожал плечами. Поднимаясь на крыльцо, он сунул руку в мамину ладонь. Этого он не делал уже несколько месяцев, ведь так поступают только маленькие дети, а тому, у кого в запасе совсем немного времени, надо расти быстрее...

Оказавшись в своей комнате, Итан поспешно разделся, натянул пижаму, подошел к зеркалу и принялся изучать собственное отражение. Волдырей пока нет – они появятся завтра. На тех местах, где были эти чертовы наросты, – воспаленные красные пятна.

Сам не понимая, что делает, Итан треснул по зеркалу кулаком. По пальцам потекла кровь, но мысль о том, что ему больше не придется смотреть на свое уродское отражение, была чрезвычайно приятна.

– Итан! – раздался за дверью мамин голос. – Итан!

Она ворвалась в комнату и принялась перевязывать его кровоточащую руку простыней, которую сдернула с кровати.

– Что ты наделал?

– Прости... – бормотал Итан, покачиваясь взад-вперед. – Прости, пожалуйста.

– Теперь, конечно, ты хочешь меня умиловать!

– «Умилу» – что?

– Я имею в виду: ты всегда просишь прощения, после того как натворишь бед!

Итан вырвал руку.

– Почему ты не говоришь по-человечески! – заорал он. – Почему ты вечно используешь какие-то дурацкие, никому не понятные слова! Почему никто не скажет мне правду? Смелости не хватает, да?

Мать смотрела на него в изумлении:

– Что ты хочешь услышать, Итан?

Итан всхлипывал, из носа у него текло.

– Что я урод! – Он провел ногтями по лицу, раздирая кожу до крови. – Посмотри на меня, мама! Посмотри!

Шелби с усилием растянула губы в улыбке:

– Итан, милый, ты просто устал. Все, что тебе сейчас нужно, – хорошенько выспаться.

Голос ее струился, словно теплый мед. Она обняла Итана за плечи, он вырвался, но она почувствовала: он готов сдаться. Взяв сына за руку, она повела его в ванную – промыть ссадины.

– Хорошо еще, что можно обойтись без швов, – ворковала Шелби, бинтуя сыну руку.

Покончив с этим, она отвела его в спальню. Итан, растянувшись на кровати, уставился на разбитое зеркало.

– Когда ты проснешься, все предстанет в ином свете, – сказала Шелби, и Итан не знал, кого она пытается в этом убедить – его или себя. – Сегодня ночью мы займемся чем-нибудь действительно интересным. Например, достанем телескоп и попытаемся найти на небе Венеру... или посмотрим несколько серий «Звездных Войн»... Ты ведь давно хотел их посмотреть, правда?

Говоря это, Шелби ползала по полу, собирая осколки зеркала. По лицу ее текли слезы, но Итан был уверен, что она этого не замечает.

Несмотря на усталость, он никак не мог уснуть. Рука болела, ссадины на лице щипало. Выждав, когда внизу стихнут мамины шаги, он встал и подошел к столу, на котором мама забыла осколок зеркала.

Итан поднес его к лицу. Виден был лишь небольшой кусочек носа, покрытый веснушками, глаз и бровь. И совсем нетрудно было поверить, что, собрав все фрагменты воедино, увидишь в зеркале отражение совершенно обычного мальчика. Он все же нашел способ хотя бы на время перестать быть собой.

Илай Рочерт проснулся, как от толчка, и сел в постели, хватая ртом воздух. Комнату наполнял аромат яблок, такой сильный, что Илай невольно огляделся вокруг в поисках пресса для сидра. Потом потряс головой, потер глаза, но образ, витавший в воздухе, никуда не исчез. Снова та женщина!

Она никогда с ним не разговаривала, однако он прекрасно знал ее голос. А еще ему было известно, что под мочкой левого уха у нее небольшой шрам, а от ее дыхания веет ванилью и несчастьем.

Мать Илая верила в вещие сны. Когда он был совсем маленьким, она часто рассказывала, как его дедушка, святой человек, видел во сне собственную кончину. Ему приснилась гора, покрытая снегом, а на самой вершине – ястреб. Паря над заснеженной расщелиной, ястреб схватил змею и принялся тащить ее из снега. Когда он наконец ее вытащил, оказалось, что на хвосте змеи болтается пустой панцирь черепахи. Панцирь громко дребезжал, и это был голос смерти. Три месяца спустя, совершая традиционный обряд, дед Илая и еще трое мужчин поднялись на священную гору, где их застигла внезапная снежная буря. Несколько дней спустя были найдены их окоченевшие тела. Обнаружить их помог ястреб, который, паря над поисковым отрядом, указал ему путь.

– Когда мы бодрствуем, мы видим лишь то, что хотим видеть, – часто повторяла мать. – Когда мы спим, мы видим то, что происходит в реальности.

Илай часто спрашивал себя: видела ли мать во сне собственную свадьбу с белым мужчиной? Было ли ей открыто, что она заболит диабетом, который медленно сведет ее в могилу? Знала ли она, что ее единственный сын готов дать руку на отсечение, лишь бы не признавать, что сны – это нечто большее, чем вспышка сумасшедших нейронов? В вещие сны верят только темные индейцы.

У женщины, которая приходила к нему в темноте, были глаза цвета морского стекла. Однажды, гуляя по пляжу на Род-Айленде, Илай нашел кусочек такого стекла, привез его домой и с тех пор держал на подоконнике в ванной.

Илай опустил голову на подушку и натянул одеяло до подбородка. У него давно не было женщины, вот в чем проблема. Красотки обычно снятся тем, кто не имеет с ними дела наяву.

Хотя, подумал он, засыпая, будь все дело в его неудовлетворенности, она привиделась бы ему голой или, по крайней мере, в кружевных трусиках. Но она предстала перед ним полностью

одетой, да еще и ползала по полу, собирая кусочки чего-то – должно быть, непостижимой головоломки.

Крик становился все громче – пронзительный, отчаянный. Мередит ворвалась в спальню дочери. Нет-нет, твердила она про себя. Люси всегда была совершенно нормальным ребенком.

Бабушка Руби была уже здесь. Она гладила Люси по голове, убирая с ее лба влажные волосы, и бормотала что-то, пытаясь успокоить девочку.

– Она не перестает кричать, – сказала бабушка, подняв на Мередит глаза, наполненные ужасом. – Похоже, она меня не слышит.

Мередит, склонившись над дочерью, взяла ее лицо в ладони:

– Люси, детка, послушай меня. Все хорошо. Тебе нечего бояться. Мы с бабушкой рядом с тобой. Ты понимаешь меня?

Взгляд Люси, только что затуманенный, внезапно прояснился, она затихла. Придя в себя, девочка свернулась клубочком и закуталась в одеяло.

– Разве вы ее не видите? – спросила она шепотом. – Вон же она, стоит между вами. – Люси указала рукой в пустоту и спрятала голову под одеяло. – Она хочет, чтобы я помогла ей искать... – донесся до Мередит приглушенный голос.

– Что искать?

Но Люси не ответила. Она или уснула, или полностью ушла в себя. Мередит чувствовала, как страшная тяжесть легла ей на сердце.

– Бабушка, ты побудешь с ней? – спросила она и, не дожидаясь ответа, вышла из комнаты.

Оказавшись в собственной спальне, Мередит открыла ящик ночного столика и отыскивала лежавшую там визитку. Завтра утром надо будет позвонить доктору Кэллоуэй. Придется давать дочери таблетки. Другого выхода нет.

В одиннадцать часов вечера, прибыв на участок Пайка, Росс обнаружил там Лию.

– Давно ждете? – спросил он как ни в чем не бывало, словно их встреча была назначена заранее.

Устанавливая свое оборудование, он краешком глаза наблюдал за Лией. В ней что-то изменилось – то была легкая, почти неуловимая перемена, но Росс не решался ни о чем расспрашивать. Он показал ей место, где позавтрашней ночью видел маленькие холмики. Продемонстрировал новый прибор для измерения электромагнитного поля, который получил по почте сегодня днем. Росс надеялся, что Лия захочет составить ему компанию в охоте за призраками. По крайней мере, это даст ему возможность провести несколько часов в ее обществе.

Лия слегка коснулась видеокамеры кончиками пальцев и указала куда-то вдаль.

– У моего отца тоже была камера, – сообщила она. – Только намного больше этой. Куда более громоздкая.

– Это цифровая, – пояснил Росс и окинул взглядом поляну. Он чувствовал: они здесь не одни. – Если мы с вами наберемся терпения, то, возможно, сегодня нам повезет.

– Я... могу остаться?

– Насколько я понимаю, именно за этим вы и пришли?

Вместо ответа Лия опустилась рядом с Россом на промерзшую землю. Ее страх стоял между ними, подобно строгой дуэнье. В чем причина этого страха, спрашивал себя Росс, чего она больше опасается – встречи с призраком или появления собственного разгневанного мужа?

– Вам удобно сидеть? – поинтересовался он.

Она молча кивнула. Их окружала темнота, лишь тонкий луч фонаря рассекал ее. Лия сидела, обхватив колени руками, длинная юбка полностью закрывала ее ноги. Она взглянула на неподвижную стрелку измерителя электромагнитного поля.

– Этот компас указывает, где скрывается призрак? – спросила она.

– Точнее сказать, стрелка приходит в движение, если происходит материализация призрака. Переход из одного состояния в другое изменяет электромагнитное поле.

Лия слегка нахмурилась:

– Ничего не понимаю.

– Если дух, прежде невидимый, внезапно воплотится или, напротив, материализовавшийся призрак вдруг растворится в воздухе, мы услышим потрескивание.

Лия кивнула. Они погрузились в молчание, полное невысказанных вопросов. Вместо того чтобы высматривать признаки паранормальной активности, Росс прислушивался к дыханию Лии, вторившему его собственному дыханию. Она сидела так близко, что стоило чуть пошевелиться – и плечи их соприкоснутся. Можно и не делать никаких движений, а просто глубоко вдохнуть.

Прошло почти десять лет с тех пор, как Росс в последний раз ощущал нечто подобное – близость другого человека, поглощавшую все его внимание. В глубине души он желал, чтобы в эту минуту разразилось землетрясение, началось цунами: пусть катастрофа уничтожит разделяющее их расстояние и бросит в объятия друг друга. Он так долго гонялся за призраком умершей возлюбленной, что теперь, ощущая влечение к женщине, сидящей рядом, сам себя не узнавал. Но Лия замужем, напомнил себе Росс. Эйми была и остается его единственной избранницей.

Но что, если это влечение вызвано отнюдь не желанием помочь Лие? Вдруг интуиция подсказывает ему: в этой женщине его собственное спасение? И он приехал в Комтусук отнюдь не для того, чтобы обнаружить здесь призрак... а сама судьба уготовила ему встречу с ней?

Эйми умерла... А Лия жива...

Эта простая мысль вытеснила из сознания Росса все остальное. Она вывела его из душевного равновесия до такой степени, что он невольно отодвинулся от Лии во тьму, за пределы желтого светового круга.

– Что-то случилось? – прошептала она одними губами.

Слава богу, ничего не случилось, подумал Росс, поднялся на ноги и принялся расхаживать по поляне взад-вперед.

– Вы что-то почувствовали? – спросила Лия.

Да, мысленно откликнулся Росс.

– Нет, – ответил он.

Лия тоже встала и сделала несколько шагов.

– Я чувствую, что-то меняется, – пробормотала она. – Воздух словно становится тяжелее... острее.

Она прошла мимо Росса, и он ощутил легкое дуновение. Ее юбка коснулась его руки, и, не в силах удержаться, он на миг сжал тонкую ткань в ладони, и она скользнула по его пальцам.

Сердце его стало таким огромным, что уже не помещалось в груди, к тому же оно трепетало, как пойманная птица. Росс, потерявший возлюбленную, но не утративший любви к ней, неожиданно для самого себя пришел в экстаз от такой заурядной вещи, как ямочка на женской щеке...

Нет-нет, центром его мира всегда останется Эйми, твердил он себе. Из всех людей, живущих на этой земле, лишь она одна сумела его понять. Но правда состояла в том, что сейчас Эйми вряд ли узнала бы Росса, даже если бы их встреча могла произойти... Горе сильно изменило ее возлюбленного. Его характер, голос, походка – все стало иным.

Эйми понимала, что делает Росса счастливым.

А Лия, похоже, понимала, в чем причина его несчастья.

Тишину прорезал крик ребенка, отчетливый и резкий.

– Вы слышали? – прошептала Лия, метнулась к Россу и прижалась к нему.

Разумеется, он слышал. Но Лия, казалось, уже забыла про этот загадочный звук. Схватив фонарь, она осветила шрамы на руках Росса.

– О... – выдохнула Лия, опустила фонарь, и луч скользнул к земле, оставив их обоих в темноте.

Росс не видел Лию, но ему казалось, что она нащупывает под рукавом платья свои собственные шрамы.

– Почему вы мне ничего не сказали? – долетело из темноты.

– Вы не спрашивали.

Росс вытащил из кармана пачку сигарет и закурил. Огонек сигареты выхватил из темноты лицо Лии.

– Когда вы это сделали?

– Давно. Тогда я решил, что в этом мире мне больше нечего делать. – Взгляды их встретились, и Росс прижал горящую сигарету к собственному запястью, упиваясь состраданием Лии. – Я и по сей день так думаю.

К удивлению Росса, Лия не стала протестовать. Он сам швырнул на землю окурок, оставивший на коже багровый ожог.

– Сегодня я пришла сюда вовсе не для того, чтобы увидеть призрака, – призналась Лия. – Я пришла, чтобы увидеть вас. Быть рядом с вами куда лучше, чем сидеть дома и решать, чем лучше воспользоваться: снотворным, ножом или крысиным ядом. – Внезапно она прижалась губами к его уху, и по коже Росса побежали мурашки. – Росс, – прошептала она, – скажите мне, что там, на другой стороне?

Каждой клеточкой тела он ощущал, как взрывается и агонизирует. Когда-то Росс уже испытывал нечто подобное. А после того как он пришел в себя, врачи сказали, что его поразила молния... Он коснулся рукой подбородка Лии.

«Если она видит меня так ясно, значит я действительно существую», – пронеслось у него в голове.

В нескольких футах от них прибор издал потрескивание. Через пару секунд треск стал таким громким, что проник сквозь плотную пелену, окутавшую сознание Росса. Никогда прежде Росс не сталкивался со столь бурной реакцией прибора. Несомненно, сейчас должно было произойти нечто из ряда вон выходящее. Судя по всему, призрак использовал для материализации энергетическое поле, возникшее между Россом и Лией.

Росс подбежал к прибору и прищурился, пытаясь разглядеть показания.

– Посветите мне! – обернулся он к Лие.

Мгновение спустя он нащупал носом ботинка фонарь, валявшийся на земле. Меж тем потрескивание становилось все тише. До сих пор Россу не удавалось получить столь мощное доказательство существования духов. Но даже если бы призрак явился из темноты, приблизился к Россу и заговорил с ним, это не стало бы для него потрясением. В настоящий момент больше всего на свете его волновала Лия. Увидеть выражение ее лица Россу хотелось куда сильнее, чем встретить привидение.

Подняв фонарь, Росс принялся лучом обшаривать поляну. Лия исчезла...

Он не единожды сталкивался с людьми, которые спасались бегством во время охоты за призраками. Но паника, охватившая Лию, не имела никакого отношения к материализации духа – она возникла по той же причине, что и страх, объявший Росса. Сотрясаясь от нервной дрожи, он осознал, что второй раз в жизни его влечет к той, кто не может ему принадлежать.

Глава 4

Жители Комтусука постепенно привыкали жить в мире, который то и дело преподносил им новые сюрпризы. Они постоянно таскали с собой зонты, дабы защититься от внезапных ливней, во время которых с неба низвергались потоки красной, как кровь, воды. Высыхая, она превращалась в красную пыль, покрывавшую землю тонким слоем. С наступлением полудня трескались фарфоровые тарелки, спокойно стоявшие на полках. А в полночь расцветали розы, и это было так красиво, что матери будили детей и вели их в сад полюбоваться распустившимися бутонами.

Чудесам не было конца. Швы на одежде распускались сами собой, слова перемещались на страницах книг, как им заблагорассудится. Вода в чайниках и кастрюлях не желала закипать часами. Некоторые люди, проснувшись, сознавали, что утратили историю своей жизни. Отправляясь за утренней газетой, они спотыкались о собственные воспоминания, лежавшие на тротуаре, подобно булыжникам. Женщины, открывая сушилки, обнаруживали, что их белье превратилось в перья. В исправно работающих холодильниках портилось мясо. Синий цвет перестал быть синим.

Одни полагали, что причина всех этих странных явлений – глобальное потепление. Другие считали: все дело в личном невезении. Но когда Эйб Хаппинворт вошел в свой магазин и увидел, что товары подпрыгивают на полках, то моментально смекнул: это проделки индейского духа, поселившегося у Оттер-Крик-Пасс. Трое покупателей, которые в ту пору находились в магазине, рассказали об этом своим соседям. Когда спустились сумерки, во всех домах Комтусука обсуждался один и тот же вопрос: не лучше ли оставить в покое этот несчастный клочок земли, породивший столько проблем?

Род ван Влит ощущал нечто вроде раздвоения. Одна часть его существа отчаянно не хотела слушать то, что говорил Росс Уэйкман. Если все эти смехотворные предположения оправдались и на участке действительно завелся призрак, что, спрашивается, с ним делать? Дом разрушен, строители сейчас занимаются вывозом мусора. Сколько бы сотен подписей ни собрали все эти дурацкие петиции, компания «Редхук» не собирается отказываться от своих планов. Может, по окончании строительства стоит позвать священника, чтобы тот освятил торговый центр и изгнал нечистую силу? Впрочем, без этого можно обойтись. В отличие от руководства компании, призрак, вероятно, готов пойти на уступки.

Однако другая часть существа Рода изнывала от любопытства. Неужели они действительно нарушили покой какого-то древнего индейского духа? И по этой причине вся еда имеет теперь для Рода вкус опилок, а зубная щетка каждый вечер куда-то исчезает, так что приходится покупать новую.

– Вот, посмотрите сами... – Росс указал на экран, где темнели смутные очертания ночного леса, пересекаемые голубыми линиями, и плавали светящиеся точки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.